

4-H Youth Development
Nebraska 4-H Clubs: Historical Materials and
Publications

University of Nebraska › Lincoln

Year 2009

Sergei Nazipovich Gavrov Modernization
of Russia: postimpersky transit

Sergei Nazipovich Gavrov
Russian institute for culturology, RF Ministry of Culture
/Moscow, gavrov64@mail.ru

Nebraska University of Lincoln

Gavrov

Sergei Nazipovich

**Modernization of Russia:
postimpersky transit**

С.Н. Гавров

**Модернизация России:
постимперский транзит**

Nebraska

University of Lincoln

2009

Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. Монография/ Предисловие Л.С. Перепелкин. Nebraska University of Lincoln 2009. 319 с.

Sergei Nazipovich Gavrov Modernization of Russia: postimpersky transit. Monograph / Preface LS Perepelkin. Nebraska University of Lincoln , 2009. 319 s.

Новая книга профессора философии, культуролога и политолога С.Н. Гаврова посвящена проблемам российской модернизации и постимперского транзита. Автор пытается найти ответы на главные вопросы: что нам мешает по дороге к культурной и институциональной интеграции в Европу – к свободе и демократии? И почему мы так часто стремимся свернуть в привычную, веками накатанную историческую колею, ведущую в очередной неоимперский исторический тупик? Книга предназначена для политологов, культурологов, историков, социологов, всех тех, кто интересуется процессами российской модернизации в условиях постимперских трансформаций государства и общества.

A new book and political culturologist SN Gavrova devoted to the problems of Russia's modernization and postimperskogo transit. The author tries to find answers to key questions: what prevents us on the road to cultural and institutional integration in Europe - for freedom and democracy? And why do we so often seek to turn into a, for centuries nakatannuyu historic track, leading to regular neoimpersky historic impasse? The book is intended for political scientists, culture, historians, sociologists and all those interested in the processes of modernization in conditions of Russia's transformation postimperskih state and society.

Gavrov Sergei Nazipovich, born in 1964 in the city of Gorky (USSR). Professor, doctor of philosophy, cultural studies, political scientist, leading research worker, Sector of sociocultural processes and systems of the Russian institute for culturology, RF Ministry of Culture /Moscow

The author of the book "The socio-cultural traditions and modernization of Russian society" (Moscow, 2002), "Modernization in the name of Empire: A Socio-cultural aspects of modernization in Russia» (Moscow, 2004), over one hundred publications, totaling 116,4 printed sheets, including a number of articles on the modernization and transformation of cultural characteristics of Russia.

Table of Contents

The book, which is interesting to argue (instead of the foreword)	3
Introduction	13
Russia after empire	14
Chapter 1. Upgrading	22
I. What is the modernization of	22
II. Political Culture: from traditional society to modern society.	50
Man era of Modernism	64
III. The influence of the Russian mentality in the process of upgrading	78
IV. Russian modernization project in the context of globalizing world	100
Chapter II. After the Empire	117
I. History of Russia and the USSR of A. Akhiezer, J. Klyamkin, I. Yakovenko and E. Gaidar	117
The death of the Soviet empire. Look Egor Gaidar.	138
II. Russia in postimperskom the geographical and socio Space	143
Postimpersky transit	159
European integration and the problem of displaced cultural values	192
Chapter III. From Modernization to restore	197
I. Conservative No	197
II. Clerical policy of blocking the modernization of	212
III. The Russian State: Yesterday, Today and Tomorrow	234
Instead afterword. Civil society and power: from confrontation to dialogue	246
Appendices	254
Dialogues with the actors of Russian Science and Policy	255
Dialogue with Alexander Itshokinym	255
Dialogue with Moses Kaganov	262
Dialogue with Alexander Akhiezer	268
Dialogues with Irina Khakamada	274
Dialogue I. On Literature and Life	274

Dialogue II. About «the new social currency - 2008». 283

Dialogue on «Marsh dissenters» 287

Dialogue with Vladislav Surkov on politproekte «Our» 289

Remembering the twentieth congress of 297

**Книга, с которой интересно поспорить
(вместо предисловия)**

С удовольствием представляю читателю новую книгу «Модернизация России: постимперский транзит» доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии Сергея Гаврова. Для меня особый интерес к этой книге связан с тем, что она посвящена не только рассмотрению теоретических проблем модернизации и постимперского транзита, но и проблемам, которые составляли и составляют «злобу дня». Автор интерпретирует и анализирует текущие события на основе сложившегося в предыдущих работах [напр.: *Гавров, 2004*] мировосприятия. Здесь обсуждаются такие темы, как особенности модернизационных процессов в России; имперское прошлое нашей страны и желаемое для нее будущее; внутренняя и внешняя политика Российской Федерации, включая события в сопредельных странах («демократические революции»). Обсуждаются в книге и более частные проблемы.

Анализ представленных текстов дал хорошую возможность для того, чтобы высказать сомнения, возражения, замечания. Ну и конечно для того, чтобы выделить удачные выводы и интерпретации*. По крайней мере, это

---

* Например, в этой книге я считаю весьма удачным замечание автора о том, что политика США строится по следующей циклической модели: ...достижение экономических выгод для приобретения военно-стратегических преимуществ – получение военно-стратегических

хорошая возможность привести в порядок собственные мысли. Выигрышная сторона этой книги, как и других работ С. Гаврова, заключается в предельной честности автора. Он не лукавит – он пишет то, что думает. Цель этого предисловия – высветить авторскую систему координат.

Похоже, что автор принадлежит к определенной и достаточно влиятельной российской научной школе в сфере обществознания, которая проповедует следующие принципы. Важнейший из них – это либерализм как политическая идеология. Далее следует система позитивных («демократия») и негативных («государство», «империя») ценностей. В этой системе координат взгляд на мир сугубо эволюционный, то есть он предполагает, что все общества будут развиваться в рамках определенных социальных моделей. Для этого взгляда характерно то, что я бы назвал «финализмом». Речь идет о представлении, согласно которому некоторые современные общества воплощают «конечные» характеристики всей человеческой истории. Когда-то этим «грешил» Г.Ф.Гегель, считавший современной ему Пруссию вершиной человеческой организации. Сейчас наиболее ярким «финалистом» можно считать американского социолога Ф.Фукуяму [Фукуяма, 2004]. В нашей стране «финализм» проявляется в «западоцентризме», в рамках которого считается, что Россия – не «такая страна», она «неправильна», она должна быть «переделана» по другим лекалам. С этими взглядами я совершенно не согласен, что и собираюсь обсудить далее.

Либерализм. Это вполне солидное идеологическое учение, предполагающее, что частная инициатива *всегда* эффективней инициативы общественной, государственной. Но как любая идеология, либеральная имеет свои пределы в практике общественной жизни. Хотя бы потому, что максимизация частной прибыли отнюдь не равнозначна максимизации общественной пользы [см. на примере современного нефтегазового

преимуществ для достижения экономических выгод... Впрочем, в отличие от С. Гаврова, я характеризую такую политику как вершину национального эгоизма.

комплекса России: Симонов, 2006, с. 75-98]. Ни одно общество не строится исключительно по либеральным или каким-либо иным идеологическим рецептам: доля личной и государственной инициативы *всегда* соотнобразуется с текущими обстоятельствами. Свобода отдельного человека *всегда* ограничена: или законами, или его собственными представлениями (что гораздо надежнее). Говоря же о либерализме в России, следует учитывать, что в начале 1990-х гг. мы прошли форму доброкачественного либерализма и перешли к его патологическому варианту в виде *социального дарвинизма*, «...которому свойственно сведение закономерностей развития человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и выдвижение принципов естественного отбора, борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных в качестве определяющих факторов общественной жизни» [Философский..., 1983, с. 639]. Это мнение у меня сложилось в начале 1990-х гг., когда я впервые услышал тезис о том, что «пусть вымрут 20-30- миллионов старушек, зато реформы пойдут успешно». Думаю, что с моим мнением согласятся и многие современные российские либералы – сужу по статье Евгения Гонтмахера [Гонтмахер, 2007, с. 10].

Государство, империя. Удивительным образом описываемое здесь мирозерцание анархично: оно восстает против государства, власти. Я сам не люблю никакую власть, но все-таки понимаю, что государство есть особая форма *самоорганизации* сложных обществ, основанных на анонимности граждан, профессионализации труда, выделении *функции* управления. Современное общество *не может жить* без государственного управления. Понятно, что очень сложно установить *универсальный* принцип управления, государственной власти. Но вот извольте: *чувство легитимности, то есть справедливости и эффективности действий данной власти, разделяемое жителями страны, есть мандат на последующее управление.* И в этом контексте совершенно неважно, как эта власть формируется: по законам монархического наследования, аристократического консенсуса или демократических выборов. Следует добавить, что манихейская дихотомия

между государством и *гражданским обществом* имеет вполне локальный характер: она возникла в XVII в. в Великобритании в период гражданской войны. Делать на этой основе обобщения вряд ли продуктивно.

Вот что еще занятно: продолжают идеологические склоки вокруг понятия «империя». В современном, допустим, американском словоупотреблении имперские задачи нередко выступают как предпочтительные [напр.: Уткин, 2006]. Автор же использует это слово исключительно в негативном контексте. Это, конечно, предмет для обсуждения. Понятие *империя* восходит к европейской, и прежде всего древнеримской культурной традиции. *Император* (лат. «повелитель») – титул, присвоенный себе Октавианом Августом взамен непопулярного *rex*, то есть царь. По существу, говоря об империи, мы имеем дело не с *универсальным* явлением, а с *местной* европейской традицией. Это хорошо отражается в терминологии. Русский термин *царь* восходит к имени Юлия Цезаря, также как и немецкое понятие *кайзер* – император. Понятие *августейшая особа, августейшая семья* восходит к имени Октавиана Августа («август» – возвеличенный богами).

Есть некоторые общие черты понятия империя как чисто европейского явления. В первую очередь следует говорить об империи как об особом типе *социальной системы* в том понимании, которое дано Т.Парсонсом. Американский социолог определял социальные системы как «системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами», причем он считал, что *общество* – это «такой тип социальной системы, которые обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [Парсонс, 1997, с. 18, 20]. Следуя этим идеям, можно считать империю социальной системой политического (государственного) типа, но не обществом, а *сообществом* – стран, народов, земель. Об этом, собственно, говорит английский термин *имперская федерация*.

Особую роль играет *имперская идея*, то есть идеологическая оболочка имперского содружества. В Древнем Риме такой идеей было привнесение цивилизации и порядка в земли других народов. Применительно к Британской империи можно говорить о «бремени белого человека» – привнесении элементов прогресса в неевропейские части ойкумены. Российская империя через сто лет после падения Константинополя зарождалась с идеей «Москва – третий Рим», то есть с идеей сохранения и распространения православия (Россия тогда была единственным в мире самостоятельным православным государством). Имперская идея дает *имперскому народу* дополнительные силы, некую *пассионарность* для осуществления завоеваний, контроля захваченных территорий и их интеграции в имперское пространство. Это происходит также и за счет *колонизации* вновь присоединенных территорий. (Следует отметить, что для современных *бывших метрополий* характерен противоположный процесс – притягивание жителей бывших колониальных владений.)

Как очевидно из сказанного, имперский социальный организм должен решать одну весьма сложную задачу: совмещать *универсализм* с *партикуляризмом*, разные культурные традиции и территории с разными уровнями развития – в едином политическом образовании. Трудность этой задачи заключается в том, что она не имеет единого средства разрешения, она может решаться только уникальным *опытным путем*, методом проб и ошибок, методом накопления как удач, так и заблуждений. Более того, выработанные для одной эпохи или территории методы управления в других случаях могут быть совершенно неприемлемы. *Искусство поддержания баланса между партикуляризмом и универсализмом в политическом сообществе можно считать имперским вариантом национальной политики. Цель ее – поддержание гегемонии со стороны метрополии, а главный инструмент – сочетание прямого и косвенного управления.* Именно в имперских социальных образованиях происходит *всплеск высокой, «имперской» культуры.*

Надо добавить, что империя и *империализм* – отнюдь не родственные понятия. С легкой руки Гильфердинга, а затем и Ленина, под империализмом понимается внешнеполитическая деятельность, связанная с получением экономической выгоды от зависимого положения других стран и народов. Вот, например, что по этому поводу пишет современный голландский историк экономики Герман Ван дер Вее: «После окончания второй мировой войны сырьевое производство в “третьем мире” было большей частью в руках частного сектора. Контролировали это производство колониальные и постколониальные европейские компании, а также американские ТНК. Последние, отличаясь динамичностью и пользуясь политической наивностью новых государств, смогли извлечь прибыли из процесса деколонизации, установив контроль над мировой торговлей сырьем» [Ван дер Вее, 1994, с. 78; более подробно этот вопрос изложен в книге: Симонов, 2006]. Российская Федерация, выполнявшая роль метрополии в СССР, такой выгоды не получала. То же самое можно сказать и об СССР, который играл роль метрополии для советской империи в целом. Поэтому СССР можно назвать *социальной системой имперского, но не империалистического типа*.

Следует добавить и следующее соображение. Автор, в одной из помещенных здесь статей, благосклонно отнесся к высказыванию известного экономиста Е.Ясина о том, что имперская политика равнозначна *насилию*. Вообще-то это не так. М.Вебер, например, считал право на *легитимное насилие* родовым признаком *любого* государства, а в качестве исполнителей этого права выделял институты *суда* и *полиции*. Судя по моим данным [Мастюгина, Перепелкин, 1997], национальная (например) политика Российской империи основывалась совсем не на насилии. А об СССР и вообще о XX веке должен идти особый разговор. Мне, например, пока непонятно, почему именно в прошедшем веке произошел беспрецедентный всплеск насилия, кульминацией которого стали атомные бомбардировки двух японских городов – Хиросимы и Нагасаки.

Демократия. Этот термин, к сожалению, утратил свое содержание из-за частого употребления во всевозможных контекстах. Я, например, отказываюсь называть демократией пропаганду гомосексуализма в виде гей-парадов. И меня совершенно не волнуют «права» каких-то «меньшинств», особенно если они грозят стать большими, чем у меня, у «большинства». Выведение термина «демократия» из сферы политологии в область культурологи весьма опасно. Вообще-то и в политике это явление оценивается не однозначно позитивно: чтобы это понять, достаточно прочесть яркую и спорную книгу американского политолога и публициста Уолтера Липмана «Публичная философия» [Липман, 2004]. Демократия есть власть народных представителей, на основе своих мандатов организующих жизнь современной страны. Но если присмотреться внимательнее, то *демократия – одна из форм управления элит: разве пять поколений предков нынешнего президента США не учились в университетах «Лиги плюща»?*

Надо сказать, что представительное управление в современном его виде имеет очень короткую историю. Если не ошибаюсь, только в 1913 г. впервые в мире в Новой Зеландии было провозглашено всеобщее избирательное право. Следующий случай – Россия 1917 г., а в большинстве стран мира всеобщее избирательное право было принято только после второй мировой войны. Только в 1960-х гг. в США была отменена система расовой сегрегации. И уж совсем спорным достижением «демократии» является практика манипулирования общественным сознанием, зародившаяся в США в 1950-е гг. У его истоков стоял американский психолог Б.Скиннер, который писал: «Мы сможем достигнуть такого уровня управления, при котором управляемые, хотя они и следуют порядку намного точнее, чем при старой системе, тем не менее *чувствуют себя свободными*. Они делают то, что хотят делать, а не то, что их заставляют. Вот источник великой силы положительного подкрепления – нет ни сопротивления, ни возмущения. С помощью тщательной научной разработки мы управляем не итоговым поведением, а *намерением* вести себя – мотивами, желаниями, склонностями.

Любопытно, что этом случае никогда *не возникает вопрос о свободе*» [цит. по: Римашевская, 2007, с. 228; курсив Б.Скиннера].

Лично для меня подобная «демократия» значительно хуже, чем простая фальсификация выборов: ведь лучше знать, что тебя обманывают. Признаться, я не вижу иной судьбы у понятия «демократия», как быть чистой воды идеологемой, а не «руководством к действию». Кроме того, нынешние государства, называющие себя «демократическими», различаются настолько сильно, что само это понятие находится вне операционализации. Недавно я прочитал, что Дж.Буш-младший пожелал В.Путину, чтобы в России была такая же демократия, как в современном Ираке. Нужны комментарии?

Модернизация. Это понятие, насколько я знаю, было введено в научный оборот израильским исследователем Ш.Эйзенштадтом [Эйзенштадт, 1999], а впоследствии было растиражировано многочисленными специалистами, в том числе проводившими международные социологические исследования (например, американский социолог Алекс Инкелес). Надо признаться, что в какой-то период «научного взросления» работы подобного рода действуют «завораживающе»: им начинаешь верить. Но впоследствии этот эффект проходит – начинаешь понимать, что авторами выбран отнюдь не релевантный уровень обобщения.

Теория модернизации, вне сомнения, теория эволюционистского типа. Очень хорошо понятно (и исследовано), что культурные преобразования в небольшом регионе Западной Европы были местными «мутациями», приведшими в XVII-XVIII вв. к «культурной революции» в виде создания опытной науки и промышленного производства. На этой базе возник особый тип общественной организации, называемый «капитализмом». Его особенность в том, что любой «руководитель производства» вынужден изымать средства из потребления, вкладывая их в инвестиции, в расширение собственного дела. И по сути, нет ни малейшей разницы, делает это

предприниматель или государство*. Очень скоро выяснилось, что издержки собственной деятельности можно вынести и за пределы страны (см. выше об империализме).

В этом сочетании научного творчества, технической смекалки и деловой этики можно видеть сущность модернизации. Кроме того, это явление недвусмысленно проявило себя в области демографии. Но я бы ни в коем случае не стал рассматривать в качестве универсального явления «культуру модернизировать», и в частности ту ее часть, которая касается политической организации общества. Речь идет о том, что в истории человечества было много «модернизаций», например, неолитическая революция. Но «последнее» еще не значит «окончательное». Вообще-то, для человеческих групп свойственно качество эквививальности, то есть достижения одних задач разными путями. Но кто знает, что заключается в этих задачах? В этом контексте «вестернизм» выглядит как «вкусовщина». Политическая культура не возвращается на грядке, как культура сельскохозяйственная.

Когда (а к этому все идет) через 20-30 лет властителем мира станет Китай, будет, наверное, много книг о прелестях конфуцианства, особой творческой одаренности монголоидной расы, всемирно-историческом значении восстания «боксеров».

* * *

Честно говоря, я еще много чего хотел бы здесь обсудить. Например, такой сюжет. Автор, как и значительная часть русской пишущей братии, критикует в первую очередь две стороны современной российской жизни: президентскую власть и православную церковь. Но если обратиться к социологическим исследованиям, именно эти два института пользуются наибольшим доверием в обществе. Более того, можно вполне определенно

---

* Собственно, речь идет о той части из монографии С. Гаврова, где автор настаивает на какой-то особой «азиатской» сущности социализма. Думаю, что социализм является вполне «западной» идеологией: другим-то откуда взяться?

сказать, что *никакие другие социальные институты вообще не пользуются общественным доверием* [Римашевская, 2007, с. 164-165]. Странная критика.

Подчеркну, что подобное невнимание к жизни страны – отнюдь не единственный случай. Вот замечательный пример – статья сотрудника Института Европы Дмитрия Фурмана [Фурман, 2007, с. 10]. Он начинает с какого-то неудачного высказывания В.Путина. Далее он пишет о том, что с течением времени политический лидер утрачивает чувство реальности. И в заключение приводит совершенно невероятное сравнение: конечно, пишет Д.Фурман, Дж.Буш-младший совершил гораздо больше глупостей, но ведь он уйдет в рамках демократического процесса. А Путин что – не уйдет? И неужели непонятно, что главный вопрос этого сравнения заключается в том, почему именно американский избиратель позволил вовлечь себя в иракскую авантюру, конца которой не предвидится.

Мне показалось, что книга С. Гаврова – хороший пример определенного «зависания» (в чисто компьютерном понимании слова), которое демонстрирует значительная часть русской интеллигенции. Это печально, но исправимо. Я думаю, что изменить ситуацию можно только в рамках широких – и имеющих общественный резонанс – дискуссий. Сейчас идет дискуссия по идеям В.Суркова о «суверенной демократии». Но я бы сказал, что выглядит она очень жалко. Похоже, что то, о чем мы думаем и пишем, очень скоро не будет интересовать никого – даже нас самих. Именно поэтому я решил написать это предисловие в жанре критики – может быть, кто-нибудь еще поймет, что настало время думать и спорить, то есть делать *свою* работу, а не просто зарабатывать на жизнь.

Литература:

1 Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945-1990. М., 1994.

Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., УРСС, 2004. В электронной форме монография опубликована на сайте Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины: www.iweir.org.ua/doclidgenya_knigi.htm а так же в электронной библиотеке Янко Слава (Библиотека Fort/Da) http://yanko.lib.ru/books/cultur/gavrov-modernizac_vo_imya_imperii.pdf а так же в электронной библиотеке Максима Мошкова

http://lit.lib.ru/g/gawrow_s_n/indexdate.shtml а так же на сайте Международной академии образования (Москва) <http://eduopen.ucoz.ru/load/0-0-0-922-20>

- 2 Гонтмахер Е. Дожить до реформы // Независимая газета. 2007. 28 авг.
- 3 Липман У. Публичная философия. М., 2004.
- 4 Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. Народы России: История и современное положение (Учебное пособие). М., 1997.
- 5 Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- 6 Римашевская Н.М. (ред.) Сбережение народа. М., 2007.
- 7 Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М., 2006.
- 8 Уткин А. Удар американских богов. М., 2006.
- 9 Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- 10 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
- 11 Фурман Д. Поздний президент // Независимая газета. 2007. 21 авг.
- 12 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Заведующий Сектором прикладной культурологии и культурной политики Российского института культурологии, к. и. н. Л.С. Перепелкин.

Введение

Э.Гидденс «Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов. Коллапс социализма советского образца, исчезновение глобального биполярного распределения власти, формирование мощных коммуникационных мировых систем, явный триумф капитализма во всем мире... И в то же время глобальные размежевания

становятся все более решающими, а экологические проблемы все более и более масштабными. Эти и другие темы стоят перед социальной наукой»¹.

Большим упущением является, на наш взгляд, то, что обсуждение самой темы

Из-за узости такого взгляда, из-за ограничения самого предмета дискуссий

Russia after empire²

Postimperial status our country is confused. Today Russia is not yet full-fledged national state. I think that it is mutilated, lost at time and space postimperial formation. There is no concensus in public consciousness about legal state borders: it is very difficult to answer the question, why some regions constitute the state, and why other regions do not. As before the country disposes of "imperial body" (1) (E.A. Pain), which was got in inheritance from imperial stage of the territorial expansion. Hitherto the most part of society and political elite perceive imperial territorial inheritance as certain nearly sacred value, that it is impossible waive under no circumstances, inspite of "sociocultural vicinity" or "sociocultural distance" of "disputable" territory. But the most unpleasant is concluded, to my mind, in the fact that the threat of disintegration of Russia as state formation, remained from empire, is saved.

In inheritance from empire we got an ethnonational and sociocultural "flowering difficulty" (K.N.Leontiev) of Russian regions: they referes to three civilizations, three world religions; they resides to different stages of the economic development: preindustrial, industrial and postindustrial. Besides, from my opinion, nation did not formed in Russia neither in its ethnic, nor in its "postethnic", civil sense. Traditional question – how to agree so heterogeneous

---

¹ Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.12.

² Перевод статьи «Россия после империи» – Л.С. Перепелкин.

regional interests – is very important for our agenda. But deal is not only in cultural and civilizational differences. On the strength of the positions of Russian regions (territory, economic) and its differences on the scale of the stages of development they have different interests and they extremely differ on level of living, incom and social protection.

The outlying Russian regions often are attracted not to Moscow, but to other world centres of economic. For example Kaliningrad/Kenigsberge region is attracted to ES in accordance with some economic, historical and cultural reasons. In the East side of the country the states or Asian and Pacific Ocean region, first of all China, are the source of the strong economic attraction. We do not speak about strictly cultural or civilizational reorientations of Siberia and Russian Far East but about absolute economic integration of these regions in economy of foreign Asia. Nevertheless, as we know from history, political integration often follows the economic integration. Often this is a function of time. We pay attention to these well-known points to emphasize the differences in interests of Russian regions, to put a question about possibility to agree so different interests within the framework of Russian state, leaving but not left from empire.

The World history experience gives two main decisions, individually executed under influence of different historical and sociocultural contexts. The First variant expects straightening of ethno-federative relations as a procedure of regional interests co-ordination, of delimitation and delegation of authority. This is a long, often nerve-racking process for Russian authorities. Temptation to return to traditional but failed forms of state management, to simplify the co-ordinations of interests, to go to order, authoritarian management and unitary state is too great. This is the Second way.

In its frame the interests of regions are minimum agreed, the main decisions are taken in the centre, the processes of "co-ordination" realize in traditions of unitary imperial state. Such were the practices in the USSR and Empire of Romanoffs. Though there were the known exceptions with autonomy of Finland and the Constitution of Polish Kindom in tsarist Empire... This design expects

using violence against nonconformists. This is an inheritance, which unites the present-day Russian state with the state of Russian Imperia. I agree the key characteristic of empires, given by E.Yasin: existence of Empires is impossible without violence, although in soft forms. This is the main identifying sign of empires (2). To change the vector of Russian development and to get free from imperial life, it is necessary to enclose the considerable efforts, to form up the real federalism, to work on shaping of the civil nation, to form the democratic institutes and traditions.

To continue the motion in a direction of historically accustomed imperial life, so significant efforts are not required. Now it is possible to observe a reconstruction of authoritarian unitary state mechanism. But if earlier (in pre-soviet period) advantages of imperial state and authoritarian rule exceed the costs, after the Second war costs have gradually exceed the advantage. Today this is the most essential restriction on a way of the development of the country. I'll again refer to position of E.Yasin: a decay of empire began long ago. The country developed, empire (as its political form) – not, and this fact became the brake of the further development of the country (3). It is likely that choice between two variants of development is made. De facto the variant of the reconstitution of unitary state is chose. As a result we can see refusal of democracy in favour of its “operated”, even decorative variant. But differences of Russian regions can not to combine the unitary form of state organization (de jure or de facto) with democracy.

Often the choice of unitarianism affects on situational actions of authorities in relations with politicians, business, mass media. Possible, today this way is efficient, but this effect is temporary, especially tactical. If long and firm joint coexistence of heterogeneous Russian regions and their inhabitants is possible in principle, this possibility is based on two cardinal principles: existence of real federalism with elements of confederacy – and existence of civil, multiethnic nation. Civil, rather than ethnic nation expresses the generic relationship with citizenship of the empires. To reach this aim our imperial inheritance can be useful: we can not form the ethnic nation, but can form multiethnic and civil

nation. Such variant is undoubtedly preferred in the sense of observance of civil and political liberties, human rights in general too.

What can help or disturb to carry out these principles and what can help or disturb to set right the further joint life of the people on the territory of Russian state?

It is possible to build the joint life of a civil nation in federative/confederate state on a basis of consumer and achievement activity of a person. In shoulder strap for "russian daydream" in its moscow, jakutsk and other registration he can (may by only temporary) not to recall, "who is he, whence and where he goes", or, anyway, "forget" about his cultural-civilizational identity. While his "memory" does not define his social activity - an postimperial Russian state will exist in its own present borders. But today traditional religious identity of different ethnic groups is present in public consciousness often in hidden, latent form. As rule it is washed away with westernization and with the policy of total secularization, conducted by soviet power.

As a result of this politicians significant and may be the most part of population is indifferent to religions. As I.Yakovenko has noticed (4), number of those who suggest itself as a part of Russian orthodox church forms about several percents of the society and this number will not grow seriously. This indifference unites the country and smooths inter-ethnic and inter-religion contradictions. As soon as process of ethno-religion rebirth will become on-persisting mass, serious contradictions will arise, putting under question the territorial wholeness of the country. Degree of expression of traditionalism defines degree of toughness of Russia. To my mind, today a part of Russian political class tries to rest on some elements of traditionalism, first of all in its religious variant. This course has not prospect, as today former imperial mechanisms are destroy for the country. But during seventy years of the soviet authority not only traditionalists but society as a whole were greatly weakened. If compare the democratic potential of tsarist Russia and contemporary Russia, we can deduce, that this comparison will not give the unambiguous advantage to present-day situation.

For decennial events of soviet authorities our country seriously advanced on a way of modernization, it made demographic transition, it collected Russian population in city, destroyed patriarchal, including religious, traditions. The country passed industrialization, it obtained high level of mass education. But during this period, especially before 1953, we have lost many millions of high educated men, who not only strived to install in Russia democracy and republic, but who was also ready to take part personally in this process. Before the revolution of 1917, millions of men in the country rested on furcated system of civil institutions. They tried to direct the country on European way of development. But this was not got peacefully, step by step, and it was needed the revolution of 1905, but then February revolution of 1917.

At the end of the soviet period layer people, comparable with prerevolutionary on number of human quality - professional and civil, – was not in Soviet Russia. There were dissidents and sympathizing him, but almost nobody of them went in post-soviet policy, almost nobody of them renewed rows of Russian officialdom. The new authority was created with men without experience in democratic work, it was created with some portion of chance.

In soviet Russia there were not a broad democratic motion, as it was in other countries of “soviet block”. However there were sewn hundreds of thousands of people in the country, who took part in demonstrations of 1990-1991. There were men, who was ready to die for new Russian republic, as it was at August 1991 (events near White house) and at October 1993 (events near Mossovet), but there were not a necessary number of those, who was capable to take part in everyday stale work, save the ideals and value them cherish then material advantages. Moreover, there were insufficient amount of the people in country, who was ready to consider the democracy as value and use the democratic rights. "Democracy – is a public order for free people. /.../ That one, who uses his liberty, is free" (5). But once so, it is necessary to use others, who, outside of dependencies from their own glance and past, can and will die to work, capable to quick-and-dirty everyday official work. They are ready to work for sake of its material interest possess

certain internal discipline. So the rise of number of former members of power structures in our authorities must not be surprise in this sense. They were added with traditions of state management. If it is impossible on that or other reasons to rest on society, authority rests on power structures. Coming from the conditions before August 1991, such result was more probable, therefore, probably, it became the reality.

Our common history carrying concludes in the fact that it was realized certain averaged variant of possible future, not the most good, but also not the most bad. The most terrible practices of social transformation Russia has shown to whole world at years of the Civil war of 1918-1921, and terrible practices of transformations of multinational federation - in 1990-e years were demonstrated to the world by S.Miloshevich and Serbian nationalists in former Yugoslavia. Considering particularities of soviet inheritance, extreme weakness of the political class, to say nothing of practical absence of political elite, we have easy finished. The political class only began be formed, and for its formation and reproducing from their own rows efficient and responsible elite, it need, to say the least, many decades. But now it is only formed, including in its composition and rejecting pretenders not only upon their political glance, but also according their management efficiency.

The power is intrinsically heterogeneous: therefore it is necessary to take into account differences in political glance of high officials. The political class of modern Russia, with the known share of conventionality, is possible to split into two main groups: "liberal bureaucrats" and "former members of force structures". They occupy, on statement of Moscow political jokers, different "Kremlin towers". Naturally that each of these groups have its own picture of the world, they have its own belief about due and non-due, about that what is good and what is bad for Russia.

This fission perhaps calls with that, what was at years of "great reforms" of Alexander II. So, some foreign historians reveals two types of Russian political culture, which characterize the enlightened bureaucrat-"zapadnik" (western-

oriented persons) and so named "police officials". The system of values of political culture (the first type) comprised legality, equality of the people, the personal initiative and legal political power. Central for "police" political culture (the second type) were such value, as paternity, trusteeship and confession of personal authorities of the monarch, rather than law, as well as negative, suspicious attitude to independent public and peasantry. In ditto time elements of "police mentality" come to light in worldview of modern reformers since in base of their glance lay the confession of the primacy of the state interest and conservations (the preservations) of order and stability (6).

These groups of official express the different public moods. And the largest threat for democratic development of Russia – at its transiting period from soviet model of power to modern west democracy – is marked civil opposition, care from constructive dialogue between authority and society. Responsibility for this lies on the authorities and on the society. Those who “represents the power as demon”, they help it to fortify in authoritarian "orthodox-autocratic" corridor of the possibilities and they make the greater mistake.

Instead of this, it needs constant dialogue with “sober” people in the authority, in spite of their former and present professional implements, in spite of their personal political glance. It is not necessary “to represent as demon” former and present members of force structures, lamenting about big amount of them in the authorities. The dialogue washes away the positions of both sides since it can lead to compromise. Therefore it is so complicated to go in a direction of dialogue. To stand in side, feeling intellectual superiority to explain, why power is always wrong, and how bad are all its projects, and why its actions and inactions will absurdly finished, is easier. It is necessary to speak with power on language of interests, rather than ideals and principles. Today the real possibility for our civil society to assist the democratizations of Russia is consist in interaction with power first of all by means of efficient participation in process of state and corporative management. As it was got during the hole period of the reforms, for instance, by A.Chubys.

Dialogue is successful if it brings to compromise. But what is the ground this compromise can be reached?

Paradoxically, but temporary, situational compromise is received spontaneously, and it is concluded in possibility to avoid the history choice during any time, to avoid any mental decision in connection with our imperial/postimperial, to avoid the question about ourselves: are we West or Orient, are we a part of European civilization or not, where vector of our history development is directed.

The possibility of the compromise is connected with global economic conjuncture, tempestuous economic growing in countries of the third world, sharp growth of raw materials and energy resources consumption. In industrial epoch raw materials and energy resources were wholly enough for economic necessities of "golden billion", today they will be enough for the rest world too, but this will be more high level of prices. Naturally, such situation in the world trade will bring to additional financial and global political advantage for countries-exporters of raw materials, including Russia. That is why it is realizing in our country briefly-level variant of "energy and raw materials superpower" (sverkhderzhava). Now it forms rare in world history situation: for some times it will be possible to get all increasing incomes to account of growing of raw material and energy resources world prices, not fearing of change of price dynamic. Permanent rising of this price dynamic minimizes the risks of external economic shock for Russia. But this, in turn, minimizes the risks of internal political convulsions. If we shall be able to avoid an national-patriotic deadlock end, as well as cutting the intensification of election competition between different "towers of Kremlin", political stability and economic growing are practically guaranteed.

In other words, positive particularities of foreign economic conjuncture are capable to freeze ethnic and federative relations between Russian regions, greatly mute real and potential separate moods, postpone in vast distant future possible of the third stage of state deconstruction (I speak about state which going from imperial to national form of its organizations). Historical pause of "energy

superpower" will be able to become a "fairy tale about lost time". But it can enable more predictable and more firm for self-determination of Russian society and state.

Literature

1. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003, 164 с. (Pain E.A. Mezhdru imperiey i natsiey. Modernistsky proekt i ego traditsionalistskaia alternativa v natsionalnoy politike Rossii).
2. Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007, с. 7 (Yasin E.G. Fantomnyie boly ushedschey imperii // Posle imperii, p. 7).
3. Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007, с. 10 (Yasin E.G. Fantomnyie boly ushedschey imperii // Posle imperii, p. 10).
4. Яклвенко И. Империя и нация // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия. М.: 2007, с. 60 (Yakovenko I. Imperiya i natsiya // Posle imperii, p. 60).
5. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005, с. 339-340 (Yasin E.G. Prizhivetsya li demokratiya v Rossii, pp. 339-340).
6. Цит. по: Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2003, с. 14-15. (Bolschakova O.V. Rossiyskaya imperiya: sistema upravleniya /Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya/ pp. 14-15).

Глава 1. Модернизация

1. Что такое модернизация

Модернизация – макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерности.

Сегодня понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях:

1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;

2) догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;

3) процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), т.е. модернизация как некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу.

Мы знаем, что культурная антропология возникла, изучая традиционные, архаические формы сосуществования людей. Достаточно вспомнить работы классиков культурной антропологии А. Крёбера, Л. Уайта, М. Херсковица, Э. Тайлора.

В культурной антропологии эволюция множества традиционных локальных культур рассматривалось преимущественно в двух формах.

1) как линейно-стадиальной эволюция прогрессивного характера от относительно простых обществ ко все более сложным. Это понимание коррелирует с классическим пониманием модернизационных процессов. Эти взгляды в большей или меньшей степени разделяли в Англии – Г. Спенсер, Дж. Мак-Леннан, Дж. Лебок, Э. Тайлор, Дж. Фрезер; в Германии – А. Бастиан, Т. Вайц, Ю. Липперт; во Франции – Ш. Летурно; в США – Л.Г. Морган;

2) как многолинейного развития различных типов культур. В последнем случае больший акцент делался на своеобразии модернизационных процессов и вариантов модерности, которые вследствие этого возникают. Модернизация рассматривается, скорее, как реализация разнообразных исторически обусловленных типов. Так, известный специалист в области модернизационных трансформаций Ш. Эйзенштадт полагает, что «в настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов

модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ»

Говоря о генеалогии самого слова «modern», немецкий философ Ю. Хабермас отметит, что оно впервые используется в Европе в конце V в. в целях разграничения получившего официальный статус христианского настоящего и языческого римского прошлого. В последующие эпохи содержание этого понятия менялось, но лишь эпоха Просвещения и затем романтизма наполнила его смыслом, соотносимым с современным. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени.

В результате ускорения имманентного развития в период Нового времени в Европе сложилась особая цивилизация модерности, радикально отличающаяся от традиционного общества. Модерность возникла в Западной Европе благодаря формированию протестантской трудовой этики, рыночной экономики, бюрократии и правовой системы. В Западной Европе макропроцесс модернизации – перехода от традиционного (доиндустриального) общества к обществу модерности занял несколько столетий (промышленный переворот в Англии, укрепление буржуазии и обретение ею политической власти в результате английской 1640–1642 г., американской 1776 г. и Великой Французской 1789 г. революций).

Обычно выделяют три периода модернизации: I период – конец XVIII – начало XX в.; II период – 20–60-е гг. XX в.; III период – 70–90-е гг. XX в. Ряд авторов, в частности Ю. Хабермас и Э. Гидденс, полагают, что эпоха модерности продолжается сегодня, как продолжается и процесс модернизации. Некоторые авторы полагают, что модерность (современность) не может быть завершена в принципе. Так, сенегальский социолог С. Амин утверждает, что «Современность (modernity) незавершена, она открывает

двери в неизведанное. Современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент его истории».

Генеалогически модернность восходит к западной цивилизации Нового времени, в различных регионах мира распространяются присущая ей институциональная среда и элементы ценностно-нормативной системы. Модернизация как процесс и модернность как ее следствие, возникнув в западном мире, в XX в. стали распространяться в глобальном масштабе. Э. Гидденс полагает, что «Никакие иные, более традиционные, общественные формы не могут противостоять ей, сохраняя полную изолированность от глобальных тенденций. Является ли модернность исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни, развитию которого способствуют эти две великие преобразующие силы? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным»³. Согласно мнению известного израильского социолога Ш. Айзенштадта, «Исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты»⁴.

Современное общество включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. Рыночная экономика – основа автономного гражданского общества, преодолевает все границы и создает открытое общество. В отличие от

столь подробно изученного в культурной антропологии традиционного общества общество модерности построено на принципах: избирательного права; законности; универсализации прав граждан; институционализации

---

³ Гидденс Э. Последствия модерности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 119.

⁴ Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.173.

социальных изменений; светской культуре и секуляризации общества; урбанизации; автономии подсистем; рационализации; доминировании рыночной экономики; бюрократизации; профессионализации; массовом распространении грамотности и средств массовой информации, росте социальной и профессиональной мобильности.

Общество модерности состоит из граждан, обладающих неотчуждаемыми правами: гражданскими, политическими и социальными. Научная революция XVII в. и технический прогресс привели к превращению членов местных общин в граждан «воображаемой общности» – национального государства. Отличительными чертами модерности являются: в сфере политической – демократическое конституционное государство; в сфере государственного строительства – переход к национальным государствам; в сферах науки и образования – формирование автономной науки; в экономической сфере – переход к капитализму. Универсальный пакет модернизационных трансформаций, характерных для XX в., рассмотрен российским культурным антропологом Э.А. Орловой. На уровне социокультурной организации общества модернизация проявляется в форме движения от индустриализма к постиндустриализму в экономической сфере, в политической как движение от авторитарных к демократическим режимам, в правовой как переход от обычного к юридическому праву. «Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере замечен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией»⁵.

---

⁵ Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России: Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2(10). М., 2001. С. 7.

Согласно определению известного английского специалиста в области модернизационных трансформаций В. Мура, модернизация «является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада»⁶. Профессор социологии Мюнхенского университета У. Бек полагает, что «модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и все более утонченному переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности, массовому потреблению и т. д., но и – тут мы подходим к обобщенной модели – к тройной «индивидуализации»: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения («аспект освобождения»), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм («аспект разволшебствления») и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции («аспект контроля и реинтеграции»)»⁷.

Во втором значении под модернизацией понимают разнообразные процессы догоняющего развития в менее развитых или развивающихся обществах, модернизации как реакции на вызов западной цивилизации модерности, на который каждое общество дает или не дает ответ в соответствии со своими принципами, структурами и символами, заложенными в результате длительного развития. В этом значении термин «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. В этом случае понятие

---

⁶ Цит. по: Кравченко И. И. Модернизация сегодняшней России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С.16-17.

⁷ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 189.

«модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Теории модернизации, неомодернизации и конвергенции оперирует термином «модернизация» именно в этом узком смысле. О различиях и взаимодействии между досовременными (доиндустриальными) и современными обществами модерности в XIX в. писали Г. Спенсер, О. Конт, Г. Мэн, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм.

Наконец, в третьем значении модернизация понимается как процесс инновационных трансформаций наиболее развитых стран Европы и Северной Америки, которые первыми начинали процесс модернизации и давно укоренились в модерности. На тему перехода к постиндустриальному обществу существует корпус работ, в частности Д. Белла, Дж.К. Гелбрейта, Р. Иглегарта, Ф. Фукуямы, Ч. Хэнди, Л. Туроу, В.Л. Иноземцева.

Модернизация как социокультурный макропроцесс имеет свое теоретическое обоснование. Его представляют теории модернизации, на становление которых оказали влияние эволюционизм, функционализм и диффузионизм. основополагающий вклад в формирование научных концепций, объясняющих макропроцесс модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, внесли О. Конт, Ч. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Ч. Кули, Г. Мейн. Теории модернизации в их классической форме получили научное и общественное признание в 50-е – середину 60-х гг. XX в., когда широкую известность получили работы М. Леви, Э. Хагена, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Д. Лернера, Д. Аптера, Ш. Эйзенштадта, П. Бергера, У. Ростоу.

Среди исследований функционалистов следует отметить работы классика американской и мировой социологии Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию. Т. Парсонс полагает, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и не приемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу

радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т. е. на уровне основных функциональных подсистем»⁸.

Эволюционисты, прежде всего Г. Спенсер (1820–1903) – английский философ, биолог, психолог и социолог, главный акцент в своих теоретических построениях делали на анализе того, как развиваются общества. Наиболее полно Г. Спенсер изложил свои взгляды на эволюцию общества в фундаментальной работе «Основы социологии». Он и его последователи обращали пристальное внимание на поступательность социальных изменений, прогрессивно-позитивные результаты эволюционного процесса, на эволюционный характер модернизационных процессов. Они полагали, что модернизационные трансформации однолинейны: менее развитые страны должны пройти по тому же пути, по которому уже прошли развитые страны модерности, изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер. Они подчеркивали важность экзогенных, имманентных причин и описывали движущие силы изменений терминами «структурная» и «функциональная дифференциация», «адаптивное совершенствование» и аналогичными эволюционистскими понятиями. Профессор Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка отмечает, что с точки зрения эволюционистов – сторонников теории модернизации, она должна была принести всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования. Модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые, эндогенные и благотворные процессы. Путь модернизационных трансформаций состоит из последовательных этапов-отрезков, или стадий, например, «традиционная – переходная – современная», «традиционная – стадия достижения предварительных условий для начала изменений – начало непрерывного роста – созревание – достижение уровня массового потребления»⁹.

---

⁸ Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах. М., 2002. С. 662.

⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.172.

Классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» и «третьим» мирами. Авторы, тяготевшие к классическим теориям модернизации, в целом сходились в следующем. Идеология прогресса, приобретая все более секулярное наполнение, в течение всего периода модерности определяла европоцентризм исторического процесса, предполагая движение различных народов по восходящей лестнице к рационализму и экономикоцентризму. Известный американский политолог Роберт Нисбет, обобщая взгляды классиков социально-политической мысли на прогресс, говорит о том, что в целом классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути ко все более высоким уровням цивилизации. В этом случае теории модернизации являются частным проявлением парадигмы прогресса¹⁰.

Диффузионисты (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер) трактовали процессы развития, а некоторые их последователи и процессы модернизации, как преимущественно диффузионные, а не эндогенно-эволюционные по своей природе. В отличие от трактовки модернизации как спонтанной тенденции, эволюции, саморазвивающейся «снизу», диффузионисты полагали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится преодолеть отсталость своей страны с помощью планируемых, целенаправленных действий. Диффузия выступает в качестве механизма модернизационных изменений. Взаимодействие между более развитыми, модернизированными и менее развитыми, модернизирующимися обществами является решающим фактором модернизации. В трансформирующихся странах в качестве желаемой цели модернизации рассматриваются развитые страны западной цивилизации. Следовательно, модернизация – это не просто спонтанное развитие в прогрессивном направлении. В этом понимании модернизация представляет собой прямой и желательно более точный перенос инокультурных норм,

---

¹⁰ Цит. по: Василенко И. А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998. С. 136.

ценностей, институтов, моделей труда и проведения досуга из стран референтной группы в свои собственные. Модернизация не является самоподдерживаемым, самопрогрессирующим процессом. Скорее, это перенесение образцов, моделей и достижений развитых стран в свои собственные.

Модернизационные процессы в незападных обществах могут быть объяснены с использованием эволюционной и диффузионистской теорий. Учитывая взаимодействие эндогенных (эволюционистских) и экзогенных (диффузионистских) составляющих процессов модернизации, представим их авторскую классификацию:

Эндогенный вид модернизации – процесс, детерминированный эндогенной социокультурной динамикой. Модернизация, обусловленная комплексом внутренних причин, саморазвитием, самотрансформацией общества. Примером данного вида модернизации, начиная с Нового времени, служит развитие Западной Европы и Северной Америки.

Адаптивный (догоняющий) вид модернизации. Практикуется в государствах, не относящихся к западным первопроходцам модернизации, начинаясь как адаптационная реакция на процессы ускоряющейся социокультурной динамики в рамках западной цивилизации модерности, проходя по схеме вызов – ответ. Подразделяется на два подвида:

I. модернизация как самовестернизация. Иницируется с целью достижения внутренних целей, в число которых входит необходимость преодоления технологического отставания от Западной цивилизации модерна и сохранения государственной независимости. Данный вид модернизации, в свою очередь, подразделяется на два подвида:

A) оборонную модернизацию. Проводится преимущественно для укрепления военно-политического потенциала государства, изменение самого общества выступает, скорее, как побочный процесс технико-технологических заимствований. В рамках этой модели модернизации укрепление государства является абсолютной целью, а человек лишь

подсобным средством для достижения цели. Примером может служить российская модернизация от преобразований Петра I до окончания советского периода, за исключением реформ Александра II и социокультурных трансформаций постсоветского периода. Р. Бендикс заметил, что только «первая модернизирующаяся нация имеет шанс следовать своим путем автономно без внешнего давления. Все другие нации оказываются под влиянием борьбы между авангардом и арьергардом модернизации. Угроза военного поражения заставляет отставшие страны (Россия, Османская империя, Япония) реформировать бюрократию и армию. Такая модернизация описывается понятием оборонительная модернизация»¹¹. Это экстенсивная модернизация, основанная на присвоении и освоении чужих культурных достижений, заимствовании результатов инноваций без приобретения способности к самим инновациям, которую заимствовать нельзя.

В) либеральную модернизацию. Проводится для изменения общества и освобождения человека, восприятия не только технико-технологического инструментария Западной цивилизации модерности, но и процессов, которые привели к созданию этого инструментария, восприятия западных по своей генеалогии институций, норм, ценностей, моделей поведения. Классическим примером могут служить реформы Александра II, а также модернизационные процессы в России и бывших социалистических странах Восточной Европы в 90-е гг. XX в.

II. модернизация под внешней опекой. Представляет собой трансформацию национальной социокультурной системы, проводимую при непосредственном или опосредованном участии со стороны государства или ряда государств, относящихся к Западной цивилизации модерности. Геополитический суверенитет, как правило, не сохраняется. Данный вид модернизации, в свою очередь, подразделяется на два подвида:

---

¹¹ Bendix R. Social Theory and Social Action in the Sociology of Louis Wirth // American Journal of Sociology. 1954. Vol. LIX. № 6 (May). P. 523.

А) модернизация в форме частичной ответственности. Проводится в духе колониальной и полуколониальной политики, когда одна или несколько отраслей колониальной экономики обслуживают интересы хозяйства метрополии, а другие отрасли не получают значимого импульса к развитию. Модернизация колоний, как правило, не рассматривается и не формулируется как задача проводимой политики. Развитие социокультурной сферы управляемого государства является побочным результатом деятельности колониальной администрации. В качестве примера можно привести английское колониальное владычество в Индии, в результате которого сформировалась вестернизированная индийская элита, начавшая борьбу за освобождение от колониальной зависимости.

В) модернизация в форме системной вовлеченности, когда одно или несколько государств иницируют и берут на себя полноту ответственности за модернизационные процессы на опекаемых территориях. Примером могут служить Германия и Япония после окончания Второй мировой войны.

Эта схема достаточно условна, на практике наблюдается переплетение внутренних и внешних факторов, детерминирующих модернизационные процессы, хотя диффузная составляющая преобладает в процессе модернизации трансформирующихся незападных обществ.

В 70-е – середине 80-х гг. XX в. концепция прогресса вообще и теории модернизации, в частности, были подвергнуты существенной переоценке. В рамках научного дискурса и общественного сознания под сомнение была поставлена как модель эволюционного обустройства мира, его модернизация, так и сама концепция прогресса. Критики теории модернизации указывали на низкую эффективность модернизационных трансформаций в странах третьего мира, на их частичное или полное отторжение. Было признано, что сохраняется и, по всей вероятности, в дальнейшем сохранится значительное страновое разнообразие государств модерности. Так, известный израильский социолог Ш. Эйзенштадт заметил, что «противоречие – между уникальностью Запада и тем, что он был как бы моделью для остального

мира, а с другой стороны, спецификой динамики других цивилизаций, не было вполне очевидным во времена Маркса или Вебера, когда распространение капитализма и модернизация за пределами Европы были на ранних стадиях. Но оно стало гораздо более очевидным на более поздних стадиях модернизации после второй мировой войны»¹².

В результате распространения модернизационных процессов в различных регионах мира оказалось, что процесс и результаты модернизации оказываются под влиянием социокультурной традиции стран-реципиентов. Трансформирующиеся общества воспринимают инокультурные инновации, изменяя их, получая на выходе гибридные конструкции, в которых сочетаются элементы импортированного инокультурного материала и местной социокультурной традиции. Аутентичность в отношении первоначальных образцов и практическая эффективность гибридных конструкций, как правило, не высока.

Что касается наблюдаемого в XX в. глобального распространения модернизационных процессов и институциональной среды модерности, то картина этого макропроцесса вырисовывается таким образом. Вплоть до второй половины XX в. реальное превосходство Западной цивилизации, в географическом ареале которой и зародилась модерность, над остальным миром было преобладающим, если не сказать абсолютным. В качестве альтернативного проекта в течение большей части прошлого века выступал социалистический проект, представлявший собой, прежде всего в СССР, отчаянную попытку достигнуть количественных экономических показателей государств модерности. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течении XX в. в различных странах мира, прежде всего в СССР, были, несмотря на все идеологические расхождения, лишь одним из ответвлений общего модернизационного процесса, адаптационной реакцией незападных обществ. Неслучайно, что вне традиционного ареала модерности был воспринят именно социалистический вариант модернизации, поскольку

---

¹² Цит. по: Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 364.

именно он коррелировал с коллективистской ментальностью незападных обществ. Насколько социализм близок коллективизму Азии, настолько же далек индивидуалистической Евроатлантической цивилизации, где его шансы ничтожно малы. Революционные ситуации, которые сложились в Германии и Венгрии после Октябрьской революции в России, как и в случае с Россией были результатом поражения в Первой мировой войне, следствием по преимуществу автохтонного развития.

Вторым альтернативным проектом, не претендующим на универсальность, был проект национального социализма. Следует помнить, что модернизационные процессы представляют собой синтез поступательной и инверсионной динамики, прогресса и регресса хотя, при рассмотрении в достаточно длительном диахронном контексте, преобладают поступательные динамические процессы. Как диалектическое сочетание разновекторных динамических процессов, пример негативной адаптационной реакции на вызов Евро-атлантической цивилизации модерности можно рассматривать опыт тоталитарных режимов XX в., включая прежде всего опыт нацистской Германии и сталинского СССР. Использование технологических достижений модерности сочеталось с отрицанием демократических форм организации социума, прав человека, жесточайшей регламентацией творческой потенции личности.

Вследствие укоренения тоталитаризма оказалось максимально затрудненным развитие культуры и общества, обладающих имманентными возможностями самоорганизации, свойствами открытой и неравновесной системы. Тоталитарные режимы XX в. сохраняли внешнюю оболочку общества модерна, выхолостив его сущностные, онтологические основы. К странам второй модернизационной волны относится Германия прошлого века, отстающая от политически и экономически более развитых стран. Немецкие национальные социалисты пытались приспособить технологии открытого общества модерна к целям тоталитарного, закрытого общества. Фашизм в Германии явился реакцией на усиление внутреннего

социокультурного кризиса и внешнеполитическое поражение. В данном случае речь идет, скорее, об использовании потенциала модернизации в инструментальной сфере, применения ее достижений в области технологий, военного строительства, частично в сфере экономики. Тоталитарные режимы стремились приспособить часть этих достижений для воссоздания закрытого общества, идеология которого представляет собой смесь рационализма и иррационализма, опоры на науку и в то же время на наиболее архаичную, синкретическую часть социокультурной традиции.

Во второй половине XX в. положение радикально изменилось, Германия, начиная со своей западной части, стала составным, а впоследствии и ключевым элементом конструкции европейской модерности. Достаточно трудный путь проделали в этом направлении и некоторые другие страны Европейского континента, включая Италию и Испанию, позднее Польшу, Венгрию и другие бывшие социалистические страны, постепенно интегрирующиеся в Евроатлантическую цивилизацию модерности.

Остальная часть человечества, определяемая в годы после окончания Второй мировой войны как страны «третьего мира», не только не смогла предложить универсального альтернативного проекта, но и эффективных локальных вариантов развития для незападных государств. Положение изменилось во второй половине XX в., когда модернизация привела к распространению модерности далеко за пределы Западной цивилизации.

Свидетельство тому – динамичная, экономически и социально успешная группа азиатских государств, модернизационные процессы в рамках исламской цивилизации, в том числе попытка построения экономики, учитывающей в своей практической деятельности религиозные установления (запрет на взимание ссудного процента в коранической традиции).

Западная цивилизация периода модерности преимущественно развивается в горизонтальной плоскости, оставляя за скобками свое, все более уменьшающееся, вертикальное измерение. Заметим, что под вертикальным направлением мы понимаем ценности сакрально-

трансцендентного измерения, а под горизонтальным направлением – ценности земной материальной жизни. Это отход от сакрально-трансцендентных ценностей проявляется, в частности, в трансформации и наполнении новым, секулярным содержанием христианских по своей генеалогии структур. Незападные цивилизации достаточно долго не могли ответить на вызов Запада периода модерности во многом по причине своих цивилизационных приоритетов, заключающихся в доминировании их вертикального измерения над горизонтальным. В рамках модернизационного процесса стремление «догнать и перегнать» государства модерности, не теряя или, по крайней мере, радикально не трансформируя традиционной цивилизационной идентичности, достаточно проблематично.

В случае практического воплощения этих трансформационных проектов, достигаемого, как правило, ценой крайнего напряжения сил общества и государства, получившая разновекторное направление движения система не может эффективно функционировать ни в одной из этих плоскостей. Сохраняющийся и сегодня инфантилизм и мифологизм массового сознания, и далеко не только в России, продолжает ориентироваться на возможность достижения всего комплекса цивилизационных благ и уровня жизни, ничем значимым при этом не жертвуя. Так религиозный арабско-мусульманский мыслитель С. Кутбы описал идеальное мусульманское общество, которое в своей материальной жизни соответствовало бы уровню современной (Западной) цивилизации, а «по своему духу, мировоззрению – религиозным убеждениям, представлениям о жизни, цели человеческого бытия, месте человека во Вселенной, о его специфических свойствах, правах и обязанностях – базировалось на провиденциализме»¹³.

Попытки модернизации в плоскостном цивилизационном измерении, включающем в себя экономику, формы организации социума, технологии и

---

¹³ Цит. по: Виганд В.К. Ориентализация мировой системы – угроза Западу?// Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М., 2002. С.371-384.

т. д., при сохранении приоритетности вертикального измерения цивилизации, ее духовной, религиозной составляющей – это недостижимая утопия. Однако стремление к сохранению цивилизационной идентичности приводит каждый раз к индивидуальному соотношению локального (цивилизационного) и универсального (стадиального). Это соотношение в контексте локальной цивилизации, в свою очередь, не является чем-то статичным, но определяется интенсивностью переживаемой ею эндогенной исторической и социокультурной динамики, адаптационной по своему характеру в отношении к динамике экзогенной, продуцируемой в рамках Западной цивилизации периода модерности.

Во второй половине прошлого века процессы модернизации приобрели глобальный характер. Модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. Глобализация становится источником и ресурсом модернизации, инициируя кардинальные изменения жизненного мира, в которых западные общества были первопроходцами. Это длительный, исторический процесс, включающий в себя ряд определяющих элементов культурной и общечеловеческой эмансипации.

Сегодня можно утверждать, что глобализация является современным этапом развертывания единого и универсального «проекта модерна». Глобализация, проявляющаяся в движении к интегрированному экономическому, правовому, информационному, образовательному и, в конечном счете, культурному пространству, является современным этапом модернизации. Речь идет о цельном, векторном потоке модернизационных/глобализационных перемен, представляющем собой движение к взаимосвязанному, взаимодополняющему миру, основанному на институтах и ценностях Западной цивилизации модерности.

Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно-временной континуум, в единое пространство причинно-

следственных связей. Глобализация представляет собой макропроцесс распространения институциональной и ценностно-нормативной среды Западной цивилизации модерности во всемирном масштабе, что ведет к большей проницаемости границ национальных государств и значительному ослаблению национального суверенитета, когда ряд государственных функций передаются на транснациональный уровень.

Этот процесс обусловлен различными причинами, прежде всего намечающейся редукцией, сведению функций национального государства к функциям местного самоуправления (почтовая связь, часть системы образования, полицейские функции и т.д.). Важнейшая из них – полнота геополитического суверенитета на своей территории – подвергается переосмыслению, эволюция происходит в направлении уменьшения полномочий национального государства. В период поздней модерности все меньшее число государств может всерьез говорить об обеспечении национальной безопасности при помощи вооруженных сил; экономическое, образовательное, налоговое пространство во все большей степени приобретают надгосударственный характер, все меньше контролируются на национальном уровне.

В процессе глобализации идентичность модернизированного человека выходит за рамки национальных границ, приобретает транснациональные формы самоидентификации. Это повышает уровень свободы, трансформирует национальные сообщества и культурные традиции. Формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Появилась возможность отождествлять себя с глобальными транскультурными проявлениями социальной солидарности, которые в значительной мере замещают собой более ранние идентификации с мировыми религиями и нациями, национальными государствами.

Сегодня вектор исторической и социокультурной динамики переместился от институционализированных, вертикально интегрированных форм социальной солидарности к сетевым формам (Р. Кастельс), общественным движениям, глобальным, т.е. западным по своей генеалогии нормам, ценностям, моделям поведения. Человек эпохи поздней модерности может отождествлять себя с транснациональными движениями, в том числе антиглобалистов, экологов (Гринпис), сексуальных меньшинств, молодежных движений нонконформистского типа, с владельцами автомобилей, стиральных машин, шампуня, с потребителями определенных референтных марок товаров и услуг. Человек может выступать как владелец дома, построенного по определенному проекту, автомобиля определенной модели, делать выбор между огромными потребительскими общностями любителей пепси или кока-колы, болеть за футбольную команду, часто не представляющую национальное государство, гражданином которого он является, солидаризируясь с болельщиками данного клуба и т.п. Более того, новые формы самоидентификации и солидарности представляют собой отождествление с культурными продуктами, продуцируемыми средствами массовой информации в глобальном масштабе. Личность может осознавать себя как часть престижной социальной группы, которые создаются и воспроизводятся при помощи рекламы в самых различных формах.

Имперская и либеральная модели российской модернизации

Характеризуя модернизационные процессы в России, ряд авторов, в частности А. Кара-Мурза и А. Вишневский, прибегают к термину «консервативная модернизация», встраивая Россию в ряд тех стран, которые, стремясь к полноценному вхождению в модерность, ориентированы на сохранение или медленную трансформацию традиционных ценностей, институтов и отношений.

С нашей точки зрения, использование термина «консервативная модернизация» применительно к России некорректно хотя бы потому, что

целью доминирующей линии российских модернизаций является отнюдь не трансформация системного качества российской цивилизации в сторону модерности. Эта дистанцированность проявлялась как до, так и после большевистской революции 1917 г.

Так, Л. Пелликани полагает, что большевистская революция в России явилась «радикальной попыткой остановить распространение западной культуры. Советская система попыталась взять из западной цивилизации только науку и технологию, отказавшись от всего остального. Индустриальную мощь большевики использовали для борьбы с Западом и построения общества, враждебного индивидуализму и секуляризму»¹⁴, то есть враждебное самим основаниям модерности. Сходных позиций придерживается и известный английский ученый в области международных отношений К. Коукер, полагающий, что «коммунизм обострил все незападное в России. Ленин был продуктом российской реакции против Запада, а не катализатором вестернизации страны»¹⁵.

Мы не считаем вполне корректным в отношении России и употребление термина «догоняющее развитие», хотя некоторые авторы, занимающиеся проблематикой российских модернизационных трансформаций, полагают, что Россия развивается преимущественно в рамках этой модели модернизации¹⁶. Несмотря на то, что в ряде исторических ситуаций направление движения Европы (или США) как опережающего и России как догоняющего совпадает, но при рассмотрении этой ситуации в контексте¹⁷ многовекового исторического

---

¹⁴ Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 36.

¹⁵ Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 34.

¹⁶ См. например: Кравченко И.И. Модернизация сегодняшней России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 6–30.; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 58.

¹⁷ Именно в этом смысле следует понимать программную фразу И.В. Сталина о том, что «мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет!» (Цит. по: Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

взаимодействия/борьбы России и евроатлантического цивилизационного ареала участники этой гонки уже не представляются бегунами, двигающимися в одном направлении по разным, но однонаправленным дорожкам. Разнонаправленность исторических траекторий, цивилизационных парадигм, принципов развития вполне очевидна, так что достаточно сложно говорить о «догоняющем развитии» в строгом понимании этого термина.

Мы полагаем, что задача осмысления характера модернизационных процессов в России требует введения специального термина и помещения его в особый типологический ряд. Наш ключевой тезис заключается в следующем. В результате многовекового исторического взаимодействия с западной цивилизацией в России сложилась устойчиво воспроизводимая амбивалентная ситуация, при которой социокультурные основания российской цивилизации определяются и внутренне стабилизируются маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации чередуется с компонентой модели либеральной. При этом модернизационный процесс имеет свою устойчивую доминанту - имперскую модель модернизации. Нам представляется не только возможным, но и

С. 62). Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) имел в виду зримое, материальное отставание, измеряемое в тоннах выплавляемого металла, добываемой руды, угля, нефти, в штуках выпускаемых автомобилей, тракторов, аэропланов. В этом смысле империя безусловно догоняла, по отдельным показателям, и перегоняла некоторые наиболее развитые государства модерности. Но это было наращивание «материального тела» модерности, приобретающего непропорциональные, уродливые формы, когда огромная «голова» военной промышленности покоилась на рахитичном и маленьком и слабом «теле» гражданских отраслей экономики. Созданная система могла быть относительно эффективной лишь в условиях военного или предвоенного времени, в условиях мобилизации всех сил общества на очередном участке прорыва, но не могла выдержать бег на марафонскую дистанцию в состязании с развитыми государствами модерности. Но главное, что не позволяет нам рассматривать процесс российской модернизации как сугубо догоняющий, это отторжение той формы организации социокультуры, которая и порождает это «материальное тело» модерности.

необходимым рассматривать проблему российской модернизации не как саморазвертывающийся процесс, протекающий сам по себе как нечто естественное, а как один из аспектов макроисторического взаимодействия с евроатлантической цивилизацией модерности.

Что же такое имперская модернизация? Империя не ставит своей задачей эволюционировать в направлении интеграции в цивилизацию модерности, более того, она боится либерального перерождения и внутренней слабости, неизбежной при принятии инокультурных институтов политической демократии, капиталистического рынка, необходимости брать на себя обязательства в сколь-либо значительном объеме соблюдать права человека.

Задачи имперской модернизации состоят не в перерождении, размягчении империи, для нее важно взять у противника лишь те элементы, которые позволяют ему противостоять (в более мягком варианте - конкурировать). Имперская модернизация предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно изменения внутри тех или иных сфер, прежде всего связанных с потребностями военного строительства. Более того, имперская модернизация осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как инокультурные заимствования, так и достижение конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы.

Так, в отношении частного, но вполне представительного случая имперской модернизации советского периода, Пелликани полагает, что если «общество модерна - правовое общество, то коммунистическое государство в своих действиях не связано никакими законами. Коммунистическое государство не является тоталитарным вариантом государства модерна, поскольку отрицает все главные принципы модерности и заимствует только

научно-технические достижения для установления господства партийной бюрократии»¹⁸.

Имперская модернизация не связана с деконструкцией империи, напротив, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях. Именно специфика выполняемых задач позволяет рассматривать имперскую модернизацию как особый историко-культурный феномен.

Мы изложили общую модель имперской модернизации; естественно, что реальные исторические и социокультурные процессы протекают не столь прямолинейно и механистично. Противостояние и конфликт тоже являются формой культурно-цивилизационного диалога, а его диалектика не укладывается в жесткие механистические схемы. Отклонения от этих схем не отменяют общей логики, выстроенной в контексте исторического взаимодействия с Европой, нашедшего свое выражение в асимметричном и неравновесном сочетании имперской и либеральной моделей российской модернизации.

Под либеральной моделью мы понимаем такой тип восприятия культурно-цивилизационного опыта Запада, который предполагает трансформацию российского общества в либеральном направлении. Согласно точке зрения Дж. Бербанк, «воображаемый «Запад» стал моделью или антимоделью для воображаемой «России», и эта бинарная оппозиция отрезала возможность иных культурных проектов»¹⁹. Таким образом, историческая диалектика отношений России и Запада в контексте модернизации приобретает ещё одно измерение, которое не является лишь внутренним измерением российской цивилизации.

---

¹⁸ Цит. по: Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 36-37.

¹⁹ Цит. по: Большакова О.В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. А.Г. Володин. М., 2003. С. 156.

Имперская и либеральная модели модернизации в российской истории находятся не просто в состоянии последовательного чередования, эта последовательность не столь линейна. Как разные по силе проявления тенденции, они практически всегда действуют параллельно. В период, когда империя переживает очередной этап имперской модернизации, инокультурные элементы, нелегитимные по отношению к имперским элементам социокультурной системы, в эту систему неизбежно проникают: «Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований»²⁰.

Проникая в российское социокультурное пространство, эти инокультурные элементы способствует внутренней эрозии имперских оснований системы, подготавливая тем самым почву для последующего всплеска либеральной модернизационной тенденции. В свою очередь, изобилие инокультурных элементов, сопровождающееся ослаблением имперских оснований социокультурной системы, вызывает брожение в обществе и, как правило, различную по степени жёсткости репрессивную ответную реакцию со стороны имперской системы.

Постоянное проникновение в пределы российской социокультурной системы европейского влияния, инфильтрация в российскую социокультурную систему западных по своей генеалогии элементов во многом определяют амбивалентное чувство притяжения и отторжения, которое испытывает Россия в отношении Запада, ставшего «...для русских одновременно и целью, к которой стремятся, и целью, по которой

---

²⁰ Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма// Политические исследования. М., 1997. №3. С.146.

стреляют...»²¹. Что любопытно, для российского западника Запад – это, скорее, воплощенное представление о должном положении вещей: «Запад для «западника» – лишь идеальная точка зрения, а не культурно-географическая реальность»²². На другом полюсе общественной и культурной жизни знак восприятия западной цивилизации меняется на прямо противоположный: «...от Запада к нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта по защите наших ценностей, активной к ним партиципации и нашей высшей Правды, стимулирует страх перед отпадением, что автоматически ведет к партиципации ко злу Запада»²³.

Следует отметить, что рефлексия по поводу азиатской компоненты в российской цивилизации в общественном сознании выражена значительно более слабо, чем постоянная дискуссия о нашем отношении к Европе. Отмечается, что в составе России есть и своя «внутренняя Азия – азиатские народы и азиатская территория, но все-таки она не может причислить себя к Востоку, потому что в течение многих веков модернизировала свое евразийское пространство»²⁴.

Подданные империи испытывают к либеральной цивилизации противоположные чувства притяжения и отторжения. С одной стороны, империя стремится овладеть притягательными благами либеральной цивилизации – товарами, знаниями, технологиями, но с другой стороны, имперское сознание отвергает ту целостную систему, которая эти блага порождает. Сталкиваясь с обилием инокультурных заимствований, имперская социокультурная система боится перерождения, поскольку,

---

²¹ Цит. по: Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». Ч. II. Властечетричные-идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 29.

²² Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992. С. 18.

²³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991. С. 352.

²⁴ Федотова В.Г. Между Европой и Азией // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М., 2003. С. 82.

достигнув определённых количественных уровней, инокультурные элементы начинают самоорганизовываться и воспроизводить систему целиком.

Здесь вполне уместно вспомнить Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию, и отметившего, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и не приемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям наследующем уровне ценностной спецификации, т.е. на уровне основных функциональных подсистем»²⁵.

С нашей точки зрения, в России эти изменения на уровне основных функциональных подсистем строго дозировались, поскольку заимствуемое должно функционировать в узких, жёстко ограниченных рамках и ни в коем случае «не пускать корни», иначе дисистемные элементы могут оформиться в альтернативную систему. Поэтому дозирование и сегрегация инокультурных элементов является задачей, к решению которой имперское сознание всегда относится очень серьёзно.

Существующий механизм поддержания внутренней стабильности российской социокультурной системы, постоянного воспроизводства имперского сознания препятствует инновационным процессам. Система ограждается от внешней среды при помощи контроля и подавления нежелательной, с точки зрения элиты, социокультурной информации. Московское царство, Российская империя, СССР стремились воспринимать инокультурную, прежде всего западную, информацию, относящуюся к сфере технологическо-инструментальной.

Таким образом достигалось воспроизводство социокультурной, религиозной идентичности, замедлялись процессы исторической и

---

²⁵ Парсонс Т. Очерк социальной системы//О социальных системах/Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 662.

социокультурной динамики, когда «образ их воспитания, чуждый всякого основательного образования и гражданственности, признается их (московскими – С.Г.) властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи»²⁶.

Резюмируя вышесказанное отметим, что модернизационный процесс в российском обществе во внешнем аспекте детерминируется телеологией имперского противостояния Западу, которая выражается в амбивалентном отношении притяжения и отталкивания. Во внутреннем аспекте модернизационный процесс детерминируется динамикой борьбы доминирующей имперской и выступающей в качестве компоненты либеральной моделей модернизации.

Литература

1. Бенедикт Р. Образы культуры // Человек и Социокультурная среда. М., 1992.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М., 2004.
3. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. М., 2004.
4. Гидденс Э. Социология М., 1999.
5. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
6. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
7. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию СПб., 1998.
8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
9. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.

---

²⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин; Сост. и автор комментариев Г.И. Герасимова. М., 1991. С. 137.

10. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
12. Малиновский Б. Магия и религия // Религия и общество. М., 1996.
13. Малиновский Б. Смерть и реинтеграция группы // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
14. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996.
15. Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России. Библиотека в эпоху перемен. Вып. 2(10) М., 2001.
16. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
18. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
19. Эванс-Притчард Э. Нуэры. М., 1985.
20. Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1.
21. Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века. М., 2002.
22. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М, 1999.
23. Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000.
24. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000.
25. Кравченко И.И. Модернизация сегодняшней России // Эмпирические модели модернизации. М., 2002. С. 6–30.
26. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
27. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
28. Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000.
29. Большакова О.В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. А.Г. Володин. М, 2003.
30. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма// Политические исследования. М., 1997. №3.
31. Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». Ч. II. Властечетричные идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. № 3.
32. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992.
33. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991.

34. Федотова В.Г. Между Европой и Азией // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М., 2003.
35. Парсонс Т. Очерк социальной системы//О социальных системах/Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002.

II. Политическая культура: от традиционного общества к обществу модерна.

Политическая культура – способ участия людей в политической жизни, который включает в себя нормы, ценности, модели поведения, принятые в национальной политике и проявляющиеся в форме организации власти.

Культурная антропология изначально занималась примитивными, архаическими обществами, изучая, в частности, способ социальной организации и политического устройства. В той или иной мере к этой проблематике обращались культурные антропологи Джеймс Фейблман («Типы культуры»), Алфред Л. Крёбер («Стиль и цивилизации»), Рут Бенедикт («Хризантема и меч: Модели японской культуры» и «Психологические типы в культурах Юго-Запада США»), Лесли А. Уайт («Экономическая структура высоких культур»), Э.Б. Тайлор («Первобытная культура»), позднее М. Салинс, М. Харрис, С. Тайлер, Д. Шнейдер и др. Естественно, что самого понятия «П. к.» в изучаемых примитивных, архаических сообществах не было, долго не было его и в научном обиходе.

Однако с момента возникновения государства в той или иной форме существовала политическая жизнь, особенности которой и выражала П. к. Политическая жизнь общества представляет собой процесс и результат политической деятельности различных социальных групп, слоев, личностей и создаваемых ими политических институтов.

Еще Аристотель писал о том, что «...человек по природе своей есть существо политическое (politikon zoon), а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо

недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек». Включение сферы политического в пространство культуры в рамках немецкой и российской традиции исследований культуры вполне традиционно: «Политическая и социальная сфера составляют часть человеческой сферы, входят в совокупность гуманитарных проблем... дух должен включать ее в эту совокупность, которая, если в ней недостает политического, социального элемента, обнаруживает опасный для культуры пробел», – писал в 1939 г. Томас Манн в статье «Культура и политика»²⁷.

В России уже в 1896 г. в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона отмечалось, что при «рассмотрении культурной истории культуру разделяют на материальную, духовную и общественную»²⁸. Мы включаем политическую сферу в культуру так же, как и экономическую, экологическую, юридическую, т.е. говорим об экономической, экологической, юридической и политической культуре.

Описания национального характера и разделяемых данным народом политических, религиозных и иных ценностей еще в античности встречаются в книгах по географии. Интересна в этом отношении «История» Геродота и «География» Страбона, обобщающая знания о странах и народах Европы, Азии и Африки. В период Нового времени можно выделить работы С. Пуффундорфа (1632–1694), Д. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), Ш. Монтескье «О духе законов» (1748), И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791), Г.Ф. Гегеля «Философия истории» (лекции 1820 г.) и др.

Само словосочетание «П. к.» принадлежит немецкому философу И.Г. Гердеру. В работе «Идеи к философии истории человечества», рассматривая политическую жизнь древних греков и евреев, он использует словосочетание П. к. Но в научных исследованиях XVIII и XIX вв. термин

---

²⁷ Манн Т. Художник и общество. Статьи и письма. М., 1996. С.70.

²⁸ Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1896.

«П. к.» применялся редко и часто сводился к так называемой «политической культуре».

Научное понятие п. к. было разработано в середине XX в. в работах политических философов Г. Алмонда и С. Вербы, позднее Р. Такера. Впервые ввел в научный оборот понятие «П. к.» американский социолог Г. Алмонд в 1956 г., в развернутом виде концепция П. к. была представлена в совместной с С. Вербой работе 1963 г. «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах».

Г. Алмонд и С. Верба рассматривают «термин “культура” только в одном смысле: психологических ориентации относительно социальных объектов. Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения». Г. Алмонд использует понятие П. к. для анализа общественного сознания, влияющего на возникновение и функционирования политических институтов, на индивидуальное и массовое политическое поведение. В 1963 г. в книге «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах» Г. Алмонд и С. Верба определяют П. к. как ориентацию на политическое действие. П. к. – это «совокупность ориентаций относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов... Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения»²⁹.

Они выделяют три типа ориентаций на политическое действие: «Когнитивные (познавательные) ориентации», охватывающие знания и мнения относительно политической системы, ее ролях и носителях. «Аффективные (эмоциональные) ориентации», отражающие чувства, испытываемые по отношению к политической системе, ее ролям,

---

²⁹ Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций: Пер. с англ. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997. С.594.

эффективности и вовлеченности в данную политическую систему граждан. «Оценочные ориентации», содержащие личное отношение к политической системе, ее участникам и их действиям³⁰.

Но существует и более расширенное определение предмета П. к. Так, А.Я. Флиер полагает, что в сферу П. к. входят специализированные области государственной политики, идеологии, управленческой работы, военное и полицейское дело и пр.; обыденная – межличностные отношения между людьми в области частного взаимодействия. В сферу интересов П. к. входят не только выявление особых форм осуществления власти, управления конфликтами, организации сотрудничества, но и анализ социальной мифологии с учетом их рациональных и исторических оснований.

Что касается типологизации П. к., то Г. Алмонд и С. Верба в работе «The Civic Culture» выделяют три основных типа П. к.: патриархальная; подданническая; участия.

Патриархальная П. к. (или П. к. местных общин). В этих обществах нет специализированных политических ролей. Лидеры, вожди, шаманы – это смешанные политико-экономико-религиозные роли. Для членов таких обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентаций. Патриархальные ориентации также включают в себя относительное отсутствие ожиданий перемен, инициируемых политической системой. Так, в централизованных африканских племенах и княжествах П. к. в основном патриархальная, хотя развитие каких-либо более специализированных политических ролей в этих обществах может означать появление более дифференцированных политических ориентаций.

Даже крупномасштабные и более дифференцированные политические системы могут иметь в основе патриархальную культуру. Но относительно

---

³⁰ Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций: Пер. с англ. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997. С.595.

чистый патриархализм более вероятен в простых традиционалистических системах, где политическая специализация минимальна. Патриархальная культура в более дифференцированных политических системах, скорее, аффективна и нормативна, чем когнитивна. Это означает, что люди в племенах Нигерии или Ганы могут смутно осознавать существование центрального политического режима. Но их чувства относительно этого режима неопределенные или негативные, и они не интернализовали [не восприняли] формы отношений с ним.

Подданническая П. к. В ней существуют устойчивые ориентации относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что система дает «на выходе», но ориентации относительно специфических объектов «на входе» системы и относительно себя как активного участника очень слабы. Субъект такой системы (подданный) осознает существование правительственной власти и чувственно ориентирован на нее, возможно гордясь ею, возможно не любя ее и оценивая ее как законную или нет.

Но отношение к системе вообще и к тому, что она дает «на выходе», т.е. к административной стороне политической системы или «нисходящему потоку», в основе своей пассивное это ограниченная форма знания и участия, которая соответствует подданнической культуре. Мы говорим о чистых подданнических ориентациях, которые наиболее вероятны в обществах, где нет сформировавшихся и дифференцированных от других элементов системы структур «на входе». Подданнические ориентации в политической системе, имеющей развитые демократические институты, скорее, будут аффективными и нормативными, чем когнитивными. Так, французский роялист знает о существовании демократических институтов, но он не считает их легитимными.

П. к. участия. Культура, в которой члены общества определенно ориентированы на систему вообще, а также как на политические, так и на административные структуры и процессы; другими словами, как на

«входной», так и на «выходной» аспекты политической системы. Индивидуальные члены такой политической системы могут быть благоприятно или неблагоприятно ориентированы на различные классы политических объектов. Они склоняются к тому, чтобы ориентироваться на «активную» собственную роль в политике, хотя их чувства и оценки таких ролей могут варьироваться от принятия до отрицания...

Гражданская культура – это, прежде всего, культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы «на вход» политики, на участие в ней, но они также позитивно ориентированы на «входные» структуры и «входные» процессы. Другими словами, используя введенные нами термины, гражданская культура – это П. к. участия, в которой П. к. и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу.

XX в. в качестве примеров подданнической П. к. дал идеологию и политическую практику авторитарных и тоталитарных режимов, хотя ее элементы присутствуют и в более развитых обществах. Вообще следует отметить, что патриархальная, подданническая культура и культура участия далеко не всегда существуют в чистом и целостном виде, взаимопереплетаясь и дополняя друг друга.

С позиций культурной антропологии можно говорить о подразделении П. к. на авторитарную/тоталитарную закрытого общества и гражданскую (либерально-демократическую) культуру, характерную для открытого общества (по определению К. Поппера). К. Поппер противопоставил ранние формы общественной организации, племенное общество как «закрытое» – современному обществу как «открытому».

Историю социальной мысли вообще и П. к., в частности, можно интерпретировать как историю борьбы двух этих противоположных способов социальной организации. Следует помнить, что изначально, исторически общество было «закрытым» – «закрытыми» были племенные культуры, деспотии Древнего мира, государства Средневековья. П. к. «открытого общества», рассматриваемая с позиций культурной

антропологии, – это скорее исключение из правил, чем норма. С точки зрения исторической динамики П. к. «открытого общества» является новацией.

Закрытому обществу соответствует патриархальный или «подданнический» тип П. к. по классификации Г. Алмонда, авторитарный или тоталитарный тип П. к. по классификации К.С. Гаджиева, П. к. «закрытого» или «задержанного» общества по классификации К. Поппера.

К. Поппер проанализировал тоталитаризм в исторической ретроспективе, проводя параллели между различными типами закрытых обществ: племенной организацией, фашизмом, коммунизмом, религиозным фундаментализмом. Для закрытого общества характерны традиция *нормативного коллективизма*, выражающаяся в абсолютизме, консерватизме, тоталитаризме и коммунитаризме. Эта традиция со всеми различиями, не отменяющими приверженность различным формам «коллективизма», прослеживается от Ж.Ж. Руссо и Г.Ф. Гегеля к В.И. Ленину, К. Шмидту и другим консервативным революционерам, в меньшей мере к Ю. Хабермасу.

Для П. к. закрытого общества свойственно резкое ограничение самодеятельности как общества в целом, так и отдельных групп, в т.ч. профессиональных ассоциаций, самоуправления территорий (ограничение федерализма), иных субъектов политического процесса. Для нее характерно преобладание вертикальных связей над горизонтальными, отношения подчиненности, а не сотрудничества, монолога власти, а не диалога с обществом. Человек в такой политической культуре занимает четко определенное место в социальной иерархии, отождествляя себя с группой, интересы которой превалируют над его интересами. Эта П. к. не номиналистична, действующим лицом ее является не отдельный человек, а народ или его группы: «Ты – ничто, твой народ – все» – этот лозунг немецких национал-социалистов стал максимальным выражением коллективистской по своим основаниям П. к. закрытого общества.

В племенном обществе все социально установленные нормы, правила и представления имеют сакральную легитимацию. Члены общества не рефлексируют по отношению к действию сил, которые они считают магическими, к авторитету жрецов, а позднее и светской власти. Магические обряды и табу регламентируют все стороны жизни общества, в том числе предопределяя поступки индивида в конкретной ситуации, избавляя его от необходимости выбора, необходимости принимать решения, за которыми следует личная ответственность.

В рамках П. к. закрытого общества широко распространена идея общности исторической судьбы для всех индивидов, потустороннего воздаяния за те или иные поступки, совершенные в земной жизни. Идея общей судьбы, совместного спасения или гибели, доминирует над идеей индивидуальной судьбы и достижительности во всех сегментах социокультурной жизни.

Ж. Эллюль писал: «Мыслить обо всем как о политическом, маскировать все употреблением этого слова (наряду со ссылками на мыслителей, начиная от Платона и др.), отдавать все в руки государства, апеллировать к государству при всяких обстоятельствах, подчинять проблемы индивидуальности групповым проблемам, полагать, что каждый поднялся на уровень политических отношений и достаточно зрел, чтобы заниматься ими, – вот факторы, характеризующие политизацию современного человека».

В П. к. закрытого общества артикулирована идея социальной справедливости, понимаемая не как стремление к равным возможностям для конкуренции в различных сегментах социокультурной сферы, а как справедливое распределение (например, в дореволюционной русской деревне распределение земли по количеству едоков, а не трудоспособных крестьян). Отсюда негативное отношение к получению прибыли, неприятие капиталистического подхода к ценообразованию, как балансу между спросом

и предложением, ко всему, что ведет к индивидуализации и большей автономизации человека от государства, большого и локального общества.

Однако и сегодня проявляется тяга человека к культуре закрытого общества. Так, современный немецкий драматург Бото Штраус утверждает, что страна лишь настолько сильна, насколько сильно ее чувство общности, или «духовное единство»: «История требует... бунта против тотального засилья настоящего, которое исключает индивида, лишая его какого бы то ни было присутствия непросвещенного прошлого, исторического появления, мистического времени».

Эта тяга к жизни в мистическом времени далеко не безобидна, дело в том, что как писал теоретик консервативной революции К. Шмит, «Метафизическая картина мира, созданная в определенную эпоху, имеет ту же структуру, которой обладает самоочевидно присущая этой эпохе форма политической организации»³¹. Иными словами, актуализация мистической картины мира несет в себе угрозу реставрации элементов политической организации общества, очередного срыва в архаику, обращения к социокультурному наследию закрытого общества.

Характерен в этом смысле долгий и мучительный путь Германии от П. к. закрытого общества к п.к. открытого общества. Еще в 1923 г. классик немецкой литературы Т. Манн говорил о том, что «просить немца быть приверженным тому..., что народы Европы называют свободой, было бы... равнозначно требованию к нему совершить насилие над своей природой»³².

Как мы знаем, подобный срыв в архаику, стремление зачеркнуть результаты Нового времени и Великой французской революции произошел в Германии 30–40-х гг. XX в. В своем тоталитарном варианте эта П. к. стремиться использовать достижения цивилизации модерности для воссоздания отжившей социокультурной традиции, одновременной опоры на

---

³¹ Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М., 1997 г. С.37.

³² Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада. М, 2000. С. 32.

рационализм и иррационализм, на науку и трансцендентные сущности. К. Шмитт «Субстанциальная однородность должна быть установлена – если потребуется – путем отделения или уничтожения гетерогенного... Путь к освобождению немецкого народа от столетней смуты буржуазного конституционализма был указан Гитлером»³³.

Иными словами, все индивиды, кто по тем или иным причинам не вписываются в эту «субстанциональную однородность» должны быть изолированы или уничтожены. Теория государства, предложенная К. Шмиттом, есть одна из многочисленных попыток навязать единство и с помощью так называемых абсолютных ценностей совершить насилие над незаменимой личностью каждого отдельного человека.

Таким образом, в П. к. закрытого общества интересы отдельного человека заведомо подчинены интересам власти, нации, государства. Человеку нормативно предписывается жить в парадигме служения, ощущать себя лишь малой частью целого, имеющей смысл лишь постольку, поскольку она обслуживает интересы этого целого.

Во второй половине XX в. положение радикально изменилось. Германия, начиная со своей западной части, стала составным, а впоследствии и ключевым элементом конструкции европейской модерности. Достаточно трудный путь уже проделали или продолжают делать другие страны Европейского континента, включая Италию и Испанию, позднее Польшу, Венгрию и другие бывшие социалистические страны. Сегодня на этот путь встали и некоторые страны СНГ, прежде всего Украина. Процесс расширения географических границ распространения П. к. открытого общества не закончен. Последняя распространяется все дальше на юг и восток.

Важно отметить, что П. к. модерности, т.е. открытого, гражданского общества секулярна. Сегодня в рамках открытого общества исповедание той

---

³³ Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М., 1997 г. С.38.

или иной религии и приверженность к атеизму являются сугубо частным делом индивида, не будучи государственной идеологией.

Начиная с Великой французской революции церковь отделена от государства. В Северной Америке и в большей части европейских государств построено общество изобилия (или общество потребления), наиболее комфортное в материальном плане по отношению к человеку.

Но атавистические проявления идеологии закрытого общества имеют место в открытом обществе, что отражается в частности, в отношении к обществу потребления, его критике со светских, и религиозных позиций. Так, Иоанн Павел II во время визита во Львов говорил о том, что: «Нельзя переходить от неволи коммунистического режима к неволе потребительства, которая является иной формой материализма, который, хотя и на словах не отрицает Бога, однако отрицает его фактами, исключая его из жизни»³⁴.

Но процесс секуляризации имманентен П. к. открытого общества, постепенно распространяясь не только в ареале христианского мира, о котором сегодня говорят как о мире постхристианском, но и за пределами этого ареала, например, в Турции. Из выступления Ахмета Эвина: «Здесь довольно трудно найти человека, который был бы готов открыто сказать, что он не верит в Аллаха (если речь, конечно, не идет о представителе другой конфессии).

Однако таких людей с каждым годом становится все больше и больше. Общественное мнение приучается к тому, что вопрос веры – это сфера личной жизни человека, неподконтрольной государству и обществу. Индивидуализм постепенно утверждается в Турции»³⁵. Это одно из многочисленных свидетельств того, что П. к. открытого общества постепенно распространяется в различных регионах мира, хотя это неравномерный и чреватый срывами макропроцесс. И ничего с этим не могут

---

³⁴ Цит. по: Гужва И. Отпущение грехов / Эксперт. М., 2001. № 25, С.14.

³⁵ Цит. По: Власова О. Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта-3 апреля 2005. № 12 (459). С.74.

поделать группы религиозных фундаменталистов, экстремистов смертников, проповедников и администраторов.

Современные демократические общества западной цивилизации модерности являются классическими открытыми обществами, по терминологии К. Поппера. Открытому обществу соответствует либерально-демократический тип П. к. (по классификации К.С. Гаджиева) или гражданская культура (по классификации Г. Алмонда и С. Вербы).

Можно говорить о том, что гражданская культура – это П. к. лояльного участия, характеризующаяся согласованностью и соответствием П. к. и политических структур. Она представляет собой синтез П. к. участия с патриархальной и подданнической политической культурой. Становясь участниками политического процесса, граждане в то же время не отказываются от своих подданнических или патриархальных ориентаций, что делает гражданскую П. к. устойчивой в процессе ее воспроизводства, географической и темпоральной трансляции.

П. к. модерности, предполагающая институционально оформленную активность свободного индивида, порождает функциональный режим деятельности исполнительной власти, когда главным становится отраслевое бюрократическое администрирование, прагматический и рационально организованный политический менеджмент. Институциональный порядок в политике приобретает здесь законченный системный вид, которому соответствует стройная иерархия правовых институтов.

Развитая гражданская культура, создающая пространство свободного политического самоопределения ассоциированных индивидов, требует от исполнительной власти выступать не столько носителем государственной воли или управленческой рациональности, сколько посредником и арбитром политической коммуникации, без координирующих усилий которого политический порядок невозможен.

Всю историю человечества можно рассматривать как ускоряющийся процесс выделения человека сначала из природного, а затем и из социального

окружения. Наиболее артикулировано и явственно этот процесс проявился в открытом обществе, в рамках которого возникла и получила институциональное оформление центральная роль индивида вместо роли племени, группы, нации. Можно говорить о модульности человека эпохи модерности, его способности встраиваться в различные общественные страты, выбирать профессиональную специализацию, участвовать в выборах центральной и локальной (региональной) власти. Человек во все большей мере начинает сам определять свои действия и нести за их последствия всю полноту личной ответственности.

Важнейшим основанием, на котором базируется открытое общество, является протолиберальная/либеральная традиция нормативного индивидуализма, центральная среди «мегатенденций», характерных для современной эпохи, генеалогически восходящая к идее «общественного договора», идущей от Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо.

В истории общественной мысли к этой традиции относят Дж. Локка, У. Бентама, И. Канта, В. Гумбольдта, Дж. Ст. Милля, Дж. Роулса и др. Являясь систематической концепцией личности, ценностей, общества и государства, либерализм способствует появлению и стереотипизации инноваций, благоприятствуя индивидуализму, антиконструктивизму и скептицизму. В практическом плане либерализм способствует развитию рыночной экономики, которая радикально повышает уровень благосостояния человечества на протяжении последних полутора столетий.

Особенностями гражданской П. к. являются ее автономность, рациональность, демократичность, толерантность и плюрализм. Гражданская П. к. постепенно становится референтной политической культурой современности, причем не только в ареале христианской/постхристианской цивилизации. В политической сфере эта планетарная экспансия П. к. открытого общества ведет к ее унификации и постепенной деконструкции колоритных и героических, но антигуманных типов П. к.

Для последних «игра с нулевой суммой» не характерна, проблемы чаще всего снимаются в компромиссной форме, находится баланс интересов, ни один из участников политического процесса не загоняется в безвыходную ситуацию. Диалог главенствует над монологом, присутствует стремление к компромиссу с оппонентом. «В Голландии или Скандинавских странах встречаются уже элементы фундаментально демократической повседневной жизни, о которой каждому известно, что ее невозможно организовать. Политическим культурам нужен благоприятный климат – не прусский»³⁶. А. Камю, говорил о том, что в средиземноморском (западном) мире «политика предназначается для людей, а не люди для политики»³⁷. Ее отличает отказ жертвовать настоящим ради более высокого добра; готовность терпимо относиться к неясности и различиям, вместо того чтобы убирать их из политической жизни... Эта терпимость не свойственна северному миру (мы бы сказали закрытому обществу) – миру порядка, насилия и лишённой воображения склонности к войнам, которой отличается немецкий народ. Речь идет о немцах до Второй мировой войны, когда они еще не приняли ценности П. к. открытого общества, не вошли в евро-атлантическую по своей генеалогии цивилизацию модерности.

Сегодня глобализация происходит и в сфере П. к., культурное влияние современных обществ проникает в общества традиционные. Прогноз Ю. Хабермаса о возможном направлении дальнейшего развития нынешней ситуации: «В будущем из различных национальных культур могла бы отдифференцироваться общая П. к.»³⁸.

Особенности П. к. эпохи глобализации естественно определяются процессами глобализации, когда глобальный подход к культуре, экономике,

---

³⁶ Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии// Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С.53.

³⁷ Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С.144.

³⁸ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность// Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С.233.

политике исключает из рассмотрения стратегии действия отдельных единиц или агентов, когда старое понятие государственного суверенитета теряет свой прежний смысл. Глобализация лишила национальное государство статуса автономного игрока на международной арене, центр принятия решений стал международным. Это приводит к оживлению дискуссий о мировом правительстве и новом мировом порядке.

Можно предположить, что планетарной П. к. глобального мира могла бы стать культура гражданского, открытого общества, хотя бы потому, что во главе процесса глобализации следуют государства Северной Америки и Европы, которым свойственна именно такая модель П. к. В то же время влияние, которое глобализация оказывает на неглобальные формы гражданских прав и коллективного действия, зависит от позиции в социальной структуре и места страны (региона) в географии глобализации. Процессы глобализации связаны с субглобальными тенденциями в разных частях мира и сталкиваются со множеством видов реакций и сопротивления.

Человек эпохи модерна

Существование человека объективно всегда носило трагический характер, исходя из самого факта конечности земной человеческой жизни. Своеобразную психотерапевтическую функцию, призванную смягчить изначальный трагизм жизнеустройства, выполняли и выполняют различные мировые религии, религиозные секты и движения. Широкое распространение и успех учений, обращающихся к трансцендентным сферам, во многом обусловлено обещанием вечности, приобщением человека к чему-то большему и стабильному, чем его быстрая жизнь.

В средневековой Европе до Реформации повседневная жизнь, поступки человека определяли его место в вечности. Кальвинистская Реформация Римско-католической церкви изменила эти представления о возможности самоспасения человека, как ограничивающее полноту божественного суверенитета. Безысходность предопределенности человеческого места в вечности обесценила все усилия по соотношению повседневной жизни,

человеческих дел и помыслов с трансцендентным, позволив человеку, в конечном счете, поступать так, как будто ничего разумного, находящегося сверх, длительнее и могущественнее человека просто не существует. Это ощущение личностной свободы, прежде всего в повседневности, позволило реализовывать жизненный проект без необходимости как-то коррелировать свои действия с миром сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Эпоха модерна постулировала, что определение истинности и ложности событий, фактов поддается верификации, подлежит подтверждению или опровержению эмпирическим путем.

С началом Нового Времени в Европе ускорился процесс десакрализации мира, часть функций, которые ранее безраздельно находились в ведении церкви, постепенно стали переходить к возникшему национальному государству. В XIX веке начался процесс самоотождествления человека с различными идеологиями, в том числе социалистической и либеральной, а позднее, в тридцатые годы XX века, и национал-социалистической.

Человек модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. В качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные сущности, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни.

В XX веке к служителям культа и идеологам добавились генетики, медики, психотерапевты, т.е. проблема смысла и конечности человеческой жизни стала постепенно переходить в сферу ответственности науки в целом и медицины в частности. Отсюда всепоглощающая забота о теле, здоровом образе жизни, правильном, рациональном питании, посещение оздоровительных центров, спортивных клубов. В эпоху модерна тело впервые осознается как главная ценность, которой обладает человек.

Долгое время примирение человека с конечностью жизни обеспечивалось компенсаторными культурными механизмами, которые носили, по существу, мифологический характер. В качестве компенсаторных механизмов в течение длительного исторического времени использовались антропо- и гелиоцентризм (человек как венец творения, Земля – центр мира). Развитие науки и техники в эпоху модерна во многом девальвировало подобные представления, вытеснило их в сферу мифологического.

Процессы глобализации ослабили компенсаторные возможности национального государства, привели к ограничению национально-государственного суверенитета в экономической, военной, культурной и иных сферах. Эти процессы носят амбивалентный характер, т. е. способны вызывать как большую свободу личностного самоотожествления, так и чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым человека эпохи модерна связывали чувства национальной общности, сопричастности, сопереживания.

Свобода самоотожествления, модульность человека модерна расширили границы сознания и поведенческих моделей, раздвинули границы нормы, открыли путь для интенсивного инновационного развития. Инновации являются «воздухом», которым «дышат» общество и культура государств модерна. Базовой характеристикой современности является экономикоцентризм. Успешность в экономической сфере предполагает не просто создание новых товаров и услуг, но и новых рынков, что дает наибольшую прибыль.

Генерирование и использование новаций становится жизненно важным экономическим стереотипом. Привычная цепочка «инновация-стереотип» претерпевает наибольшие изменения именно в области стереотипизации, которая теряет свою «основательность» и определенность как норма. Скорее в модернизированном обществе речь идет о гетерогенных стереотипах, отличающихся относительно малым временем существования.

Гетерогенность проявляется в отсутствии единого стиля, т.е. в полистилистичности, локальности стереотипа.

Расширение границ стереотипного поведения облегчает распространение инноваций. Благодаря новым возможностям информационных систем новация становится доступна (известна) множеству людей не только в рамках данного государства, но и в различных регионах мира, где для этого созданы необходимые технические возможности.

Сегодня, когда деконструкция затронула прежние самоотождествления человека, его потребность в длительности существования (вечности), впервые в истории, может быть достигнута не опосредованно, т. е. при помощи компенсаторных культурных и психологических механизмов, а напрямую, как решение стоящей перед человеком технологической задачи.

В начале XXI века человечество оказалось в новой, никогда ранее не переживаемой ситуации: продолжая работу по перестройке, утилитарному использованию окружающей среды, материального мира, мы подходим к возможности манипулирования антропологическими параметрами человека при помощи современных средств науки и техники. Возможности перестройки, самомодификации человека открывают новые варианты будущего, вероятность которых ранее либо вообще не рассматривалась, либо не относилась к жанру научных исследований и прогностики.

Развитие науки и техники носит все более ускоряющийся, экспоненциальный характер. Благодаря новым научным открытиям и технологиям становятся возможны практические решения, снимающие трагичность основ жизнеустройства. Уже сегодня существуют крионика, генная инженерия, способные изменить индивидуальную и видовую продолжительность жизни, улучшить ее качество. Динамика научно-технической сферы может вызывать определенную межвидовую конкуренцию между видом гомо сапиенс и его творениями. Так, быстрое действие человеческого мозга уступает компьютерным системам, но возможно движение к их симбиозу, способное радикально увеличивать

возможности человека. Начиная с астрономической революции Н. Коперника, наука отвергла гелиоцентрическую модель мира, стало очевидно, что человек — «пылинка во Вселенной» и Земля «затеряна» на окраинах Галактики. Для традиционного, религиозного сознания это — шоковое открытие, подрывающее веру в избранность и могущество человека. Но в эпоху модерна человечество все лучше и лучше «справляется» с расстояниями, передачей информации, энергии, транспортировкой вещества, обозначены возможности, варианты развития. Наука и техника становятся определяющими факторами антропологической эволюции вида гомо сапиенс.

Вызовы, на которые мучительно пытается найти позитивный ответ человечество, требуют творческой интерпретации, новой трактовки человеческих возможностей, нестандартных подходов. Референтная западная цивилизация модерна испытывает значительное ускорение социокультурной и научно-технической динамики, поддерживаемый темп повседневных перемен, возможно, не имеет исторических аналогов. Мы являемся свидетелями турбулентной гонки капитализма, калейдоскопической смены окружающих человека вещей. Вещный, материальный мир постепенно теряет свою основательность, длительность временного существования, уподобляясь в чем-то театральным декорациям, неуловимо напоминая мир, созданный Набоковым в романе «Приглашение на казнь».

Зигмунт Бауман приводит данные, содержащиеся в докладе ООН, посвященном Программе развития, свидетельствующие о радикальном росте потребления за последние пятьдесят лет. С 1950 года совокупное мировое потребление товаров и услуг выросло более чем в шесть раз³⁹. Основной рост пришелся на страны модерна, наиболее развитые в экономическом отношении государства. Возникает вопрос об устойчивости данной модели

---

³⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С.144.

развития, определяемой ресурсным потенциалом планеты и адаптационными возможностями человека.

Прогностические модели развития человечества, представляющие собой экстраполяцию сегодняшних тенденций в будущее, не могут учитывать возможные в будущем новые фундаментальные научные открытия и основанные на них практические технологии. Цивилизация модерности представляет собой порождение ускоряющейся социокультурной и научно-технической динамики, которая не только вызывает глобальные проблемы, но творчески интерпретирует их, предлагая инновационные решения. Надежда на осуществление позитивных вариантов развития человечества заключается именно в этих творческих возможностях человека модерности, его веры в науку и технологии.

Это важно еще и потому, что существование человека объективно всегда носило трагический характер, исходя из самого факта конечности земной человеческой жизни. Своеобразную психотерапевтическую функцию, призванную смягчить изначальный трагизм жизнеустройства, выполняли и выполняют различные мировые религии, религиозные секты и движения. Широкое распространение и успех учений, обращающихся к трансцендентным сферам, во многом обусловлено обещанием вечности, приобщением человека к чему-то большему и стабильному, чем его быстрая жизнь.

В средневековой Европе до Реформации повседневная жизнь, поступки человека определяли его место в вечности. Кальвинистская Реформация Римско-католической церкви изменила эти представления о возможности самоспасения человека, как ограничивающее полноту божественного суверенитета. Безысходность предопределенности человеческого места в вечности обесценила все усилия по соотношению повседневной жизни, человеческих дел и помыслов с трансцендентным, позволив человеку, в конечном счете, поступать так, как будто ничего разумного, находящегося сверх, длительнее и могущественнее человека просто не существует. Это

ощущение личностной свободы, прежде всего в повседневности, позволило реализовывать жизненный проект без необходимости как-то коррелировать свои действия с миром сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Эпоха модерна постулировала, что определение истинности и ложности событий, фактов поддается верификации, подлежит подтверждению или опровержению эмпирическим путем.

С началом Нового Времени в Европе ускорился процесс десакрализации мира, часть функций, которые ранее безраздельно находились в ведении церкви, постепенно стали переходить к возникшему национальному государству. В XIX веке начался процесс самоотождествления человека с различными идеологиями, в том числе социалистической и либеральной, а позднее, в тридцатые годы XX века, и национал-социалистической.

Человек модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. В качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные сущности, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни.

В XX веке к служителям культа и идеологам добавились генетики, медики, психотерапевты, т.е. проблема смысла и конечности человеческой жизни стала постепенно переходить в сферу ответственности науки в целом и медицины в частности. Отсюда всепоглощающая забота о теле, здоровом образе жизни, правильном, рациональном питании, посещение оздоровительных центров, спортивных клубов. В эпоху модерна тело впервые осознается как главная ценность, которой обладает человек.

Долгое время примирение человека с конечностью жизни обеспечивалось компенсаторными культурными механизмами, которые носили, по существу, мифологический характер. В качестве компенсаторных механизмов в течение длительного исторического времени использовались

антропо- и гелиоцентризм (человек как венец творения, Земля – центр мира). Развитие науки и техники в эпоху модерна во многом девальвировало подобные представления, вытеснило их в сферу мифологического.

Процессы глобализации ослабили компенсаторные возможности национального государства, привели к ограничению национально-государственного суверенитета в экономической, военной, культурной и иных сферах. Эти процессы носят амбивалентный характер, т. е. способны вызывать как большую свободу личностного самоотожествления, так и чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым человека эпохи модерна связывали чувства национальной общности, сопричастности, сопереживания.

Свобода самоотожествления, модульность человека модерна расширили границы сознания и поведенческих моделей, раздвинули границы нормы, открыли путь для интенсивного инновационного развития. Инновации являются «воздухом», которым «дышат» общество и культура государств модерна. Базовой характеристикой современности является экономикоцентризм. Успешность в экономической сфере предполагает не просто создание новых товаров и услуг, но и новых рынков, что дает наибольшую прибыль.

Генерирование и использование новаций становится жизненно важным экономическим стереотипом. Привычная цепочка «инновация-стереотип» претерпевает наибольшие изменения именно в области стереотипизации, которая теряет свою «основательность» и определенность как норма. Скорее в модернизированном обществе речь идет о гетерогенных стереотипах, отличающихся относительно малым временем существования. Гетерогенность проявляется в отсутствии единого стиля, т.е. в полистилистичности, локальности стереотипа.

Расширение границ стереотипного поведения облегчает распространение инноваций. Благодаря новым возможностям информационных систем новация становится доступна (известна) множеству

людей не только в рамках данного государства, но и в различных регионах мира, где для этого созданы необходимые технические возможности.

Сегодня, когда деконструкция затронула прежние самоотождествления человека, его потребность в длительности существования (вечности), впервые в истории, может быть достигнута не опосредованно, т. е. при помощи компенсаторных культурных и психологических механизмов, а напрямую, как решение стоящей перед человеком технологической задачи.

В начале XXI века человечество оказалось в новой, никогда ранее не переживаемой ситуации: продолжая работу по перестройке, утилитарному использованию окружающей среды, материального мира, мы подходим к возможности манипулирования антропологическими параметрами человека при помощи современных средств науки и техники. Возможности перестройки, самомодификации человека открывают новые варианты будущего, вероятность которых ранее либо вообще не рассматривалась, либо не относилась к жанру научных исследований и прогностики.

Развитие науки и техники носит все более ускоряющийся, экспоненциальный характер. Благодаря новым научным открытиям и технологиям становятся возможны практические решения, снимающие трагичность основ жизнеустройства. Уже сегодня существуют крионика, генная инженерия, способные изменить индивидуальную и видовую продолжительность жизни, улучшить ее качество. Динамика научно-технической сферы может вызывать определенную межвидовую конкуренцию между видом гомо сапиенс и его творениями. Так, быстрое действие человеческого мозга уступает компьютерным системам, но возможно движение к их симбиозу, способное радикально увеличивать возможности человека. Начиная с астрономической революции Н. Коперника, наука отвергла гелиоцентрическую модель мира, стало очевидно, что человек — «пылинка во Вселенной» и Земля «затеряна» на окраинах Галактики. Для традиционного, религиозного сознания это — шоковое открытие, подрывающее веру в избранность и могущество человека. Но в

эпоху модерна человечество все лучше и лучше «справляется» с расстояниями, передачей информации, энергии, транспортировкой вещества, обозначены возможности, варианты развития. Наука и техника становятся определяющими факторами антропологической эволюции вида гомо сапиенс.

Вызовы, на которые мучительно пытается найти позитивный ответ человечество, требуют творческой интерпретации, новой трактовки человеческих возможностей, нестандартных подходов. Референтная западная цивилизация модерна испытывает значительное ускорение социокультурной и научно-технической динамики, поддерживаемый темп повседневных перемен, возможно, не имеет исторических аналогов. Мы являемся свидетелями турбулентной гонки капитализма, калейдоскопической смены окружающих человека вещей. Вещный, материальный мир постепенно теряет свою основательность, длительность временного существования, уподобляясь в чем-то театральным декорациям, неуловимо напоминая мир, созданный Набоковым в романе «Приглашение на казнь».

Зигмунт Бауман приводит данные, содержащиеся в докладе ООН, посвященном Программе развития, свидетельствующие о радикальном росте потребления за последние пятьдесят лет. С 1950 года совокупное мировое потребление товаров и услуг выросло более чем в шесть раз⁴⁰. Основной рост пришелся на страны модерна, наиболее развитые в экономическом отношении государства. Возникает вопрос об устойчивости данной модели развития, определяемой ресурсным потенциалом планеты и адаптационными возможностями человека.

Прогностические модели развития человечества, представляющие собой экстраполяцию сегодняшних тенденций в будущее, не могут учитывать возможные в будущем новые фундаментальные научные открытия и основанные на них практические технологии. Цивилизация модерна

---

⁴⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С.144.

представляет собой порождение ускоряющейся социокультурной и научно-технической динамики, которая не только вызывает глобальные проблемы, но творчески интерпретирует их, предлагая инновационные решения. Надежда на осуществление позитивных вариантов развития человечества заключается именно в этих творческих возможностях человека модерности, его веры в науку и технологии.

Сегодня нарастает динамическое напряжение между высокоразвитыми странами, движущимися в направлении к постиндустриальному, информационному обществу и странами третьего мира, для которых малодостижимой мечтой является строительство индустриальной цивилизации. Этот конфликт, который часто называют конфликтом севера и юга, опасен по целому ряду причин. Огромна разность демографических потенциалов, уровня жизни, возможности экономической самореализации в мире, где потребительские стандарты заданы западной цивилизацией модерности. Массы людей в странах третьего мира оказались разбужены глобальной массовой культурой, несущей высокие стандарты потребления, референтные модели поведения, в том числе в сфере повседневной жизни. В обозримой исторической перспективе воплотить новые стандарты в жизненную практику вряд ли возможно для абсолютного большинства человечества. Массы разбужены, нарастают миграционные потоки в более благополучные регионы мира, прежде всего в США и Европу.

Историческая практика показывает, что необходимые технические средства, способные снять наиболее острые противоречия на очередном витке развития цивилизации, становятся доступными, когда общество подготовлено к их восприятию, испытывает в них внутреннюю потребность, как артикулированную, так и имплицитную.

Человеку свойственно отождествлять себя с чем-то более устойчивым, длительным и фундаментальным, чем конечная человеческая жизнь, ему присуща тяга к солидарности, групповой идентичности. Стремление к трансвременной культурной идентичности вплоть до начала Нового времени

в Европе выражалось в религиозных чувствах, в каком-то смысле дающих иллюзию личного бессмертия.

В Европе Нового времени произошло радикальное изменение отношения к человеческой личности. Социогенез этого процесса был обусловлен трансформациями, происходившими в позднее Средневековье, когда в обществе наметились инновационные процессы, выходящие за рамки, обусловленные социокультурной традицией. Средневековое общество в Европе ограничивало возможность индивидуального выбора, человек ощущал себя членом определенной социальной группы, прихожанином церковного прихода, исполнял определенную гендерную роль, и процесс самоотождествления с определенной коллективной идентичностью был достаточно линейен, предзадан, аскриптивен.

В процессе формирования общества модерности постепенно получала легитимизацию личность нового типа. Индивидуальность, независимость личности от коллектива (общины), получили теоретическое обоснование, актуализировавшись в моральных, эстетических и философских концепциях. Статус человека теряет социальную предзаданность, у личности появляется возможность встраиваться в различные социальные страты, субкультуры, то есть появляется возможность осуществления личной, индивидуальной биографии. Невиданная на более ранних отрезках исторической динамики свобода личностного самоосуществления, привела к еще большей свободе самоотождествления, которое также потеряло аскриптивный статус.

Поль Сартр говорил о том, что в современную эпоху недостаточно просто родиться буржуа, нужно прожить жизнь, как подобает буржуа, что было совершенно немыслимо в эпоху Средневековья. Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением⁴¹. Социокультурная традиция начинает в меньшей мере влиять на процесс стереотипизации переживаемого опыта,

---

⁴¹Цит. по: Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.

ускорение динамических процессов сопровождается потоком инноваций. Человек Нового времени живет в обществе риска. Впервые в человеческой истории личность обращается к возможности рационального выбора различных открытых для нее возможностей действия.

С началом Нового времени религиозная коллективная идентичность ослабла, роль замещения божественного дискурса во многом начинает играть национальная идентичность. Человек модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. В качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные сущности, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни.

Человек стал отождествлять себя с нацией как трансвременной сущностью, которая отчасти удовлетворяла тягу к бессмертию, происходил процесс «десакрализации» мира, замещения религиозного чувства национальным. В более поздний период начался процесс самоидентификации человека с различными идеологиями.

Характерная для модерна интенсивность социокультурной динамики приводит к уменьшению онтологической стабильности. Сегодня, в период позднего модерна, динамичных глобализационных процессов, скорость динамических процессов во многом приближаясь к пороговым адаптационным возможностям человека, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер, нарушается последовательность, единство жизненного мира. Национальная, идеологическая (партийная) идентичность постепенно дополняется и замещается новыми формами, на ее замещение оказывают серьезное влияние процессы ограничения полноты геополитического, экономического, культурного суверенитета национального государства.

Новые формы идентичности во многом формируются под воздействием транснациональной (глобальной) массовой культуры. Идентичность выходит за рамки национальных границ, стремление к личностному бессмертию находит свое выражение в формах гетерогенной солидарности. Как заметил Ф. Гиренко: «В соответствии с законами индивидуализации каждый желает получить свою порцию субъективности (национальной, языковой и т. д.). Каждый хочет отныне иметь свою память, а не универсальную; свой рассудок, а не машинный; свою фантазию, а не то, что выработано в недрах безликих редакций и мозговых трестов сознательными машинами. Но как найти (и понять) что-то свое, если оно все время распадается на что-то чужое... субъективность отделилась от человека и прижалась к машине, которая производит образы. Субъективность стала слишком серийной»⁴². Самоидентификация становится «модульной», обретается иллюзия приобщения и выбора к многочисленным трансвременным формам потребительской общности, условно говоря, «кока-кола» как напиток и как брэнд существовали до нас и вряд ли на нас закончатся. Сегодня формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Появилась возможность отождествлять себя с транскультурными проявлениями социальной солидарности.

Сегодня вертикально интегрированные, институционализированные формы социальности дополняются и замещаются ее сетевыми формами. Человек эпохи позднего модерна может отождествлять себя с транснациональными движениями, субкультурами, группами потребителей определенных марок (брендов) товаров и услуг, референтность которых утверждается и воспроизводится в этом качестве средствами массовой

---

⁴² Цит. по: Савицкая Т.Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы// Глобальное сообщество: картография постсовременного мира/ Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С.79.

информации, прежде всего в их электронной форме. Тенденция к диверсификации, большей вариативности личностного самоотожествления не линейна, поскольку наблюдается и влияние прямо противоположной тенденции, заключающейся в уплощении личности и культуры под воздействием растущей технологизации и стандартизации практик повседневного существования.

Сегодня нарастает динамическое напряжение между высокоразвитыми странами, движущимися в направлении к постиндустриальному, информационному обществу и странами третьего мира, для которых малодостижимой мечтой является строительство индустриальной цивилизации. Этот конфликт, который часто называют конфликтом севера и юга, опасен по целому ряду причин. Огромна разность демографических потенциалов, уровня жизни, возможности экономической самореализации в мире, где потребительские стандарты заданы западной цивилизацией модерности. Массы людей в странах третьего мира оказались разбужены глобальной массовой культурой, несущей высокие стандарты потребления, референтные модели поведения, в том числе в сфере повседневной жизни. В обозримой исторической перспективе воплотить новые стандарты в жизненную практику вряд ли возможно для абсолютного большинства человечества. Планетарные массы разбужены, нарастают миграционные потоки в более благополучные регионы мира, прежде всего в США и Европу.

Историческая практика показывает, что необходимые технические средства, способные снять наиболее острые противоречия на очередном витке развития цивилизации, становятся доступными, когда общество подготовлено к их восприятию, испытывает в них внутреннюю потребность, как артикулированную, так и имплицитную.

III. Влияние российской ментальности на процессы модернизации

Рассматривая процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию, Т. Парсонс отмечает, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и не приемлемый, проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т. е. на уровне основных функциональных подсистем»⁴³.

Выраженная амбивалентность российской культуры затрудняет выполнение одной из ее важнейших функций, которая «заключается в обеспечении легитимности политических и экономических систем общества»⁴⁴. Как может культура на своем высшем, архетипическом уровне отвергать частную собственность, стремление к сверхмерному, по ее представлениям, обогащению, юридическое право, противопоставляя его народной правде, понятиям, обычному праву, умалять значимость личности, отдавая приоритет общине и государству, воспринимать индивидуальную судьбу как часть общей (что всему миру, то и бабьему сыну) и, в то же время, допустить реализацию прямо противоположных, отвергаемых частей дуальных оппозиций. Насколько эффективно могут функционировать подсистемы следующих (подчиненных) уровней, когда ценности высшего уровня имплицитно блокируют эффективность и функциональность подсистем. Ответ на эти вопросы имеет очень серьезное значение для определения перспектив модернизационных процессов в российской социокультурной сфере.

Социокультурная среда сопротивляется формированию эффективно функционирующих подсистем в сферах права, экономики, обеспечения прав человека. Советские публицисты, отвечая на обвинения в том, что в СССР отсутствуют основные гражданские права, говорили, что у нас нет свободы

---

⁴³ Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / Пер. с англ. А. Харраша, Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С.662.

⁴⁴ Иглегард Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 279.

слова, собраний, политической жизни в западном смысле, но у нас обеспечиваются базовые, «физиологические» права человека. Право на воспроизводство жизни при минимальных собственных усилиях личности: работа для всех, пусть и с невысокой оплатой, соответствующей, впрочем, достигнутому уровню производительности труда (право на минимально необходимую для поддержания жизни пайку), государственная забота о воспитании детей, включающая в себя систему пособий, льгот, сиротских учреждений (воспитаем настоящего советского человека).

Видимая возможность спасения от воспроизводимых элементов архаики, возможность их элиминирования заключается в неоднородности социума и культуры. Скорость интериоризации, творческого освоения человеком того нового, что несут с собой модернизационные процессы, различна в рамках социальных страт и субкультур. Максимальную степень адаптации к модернизационным процессам демонстрирует наиболее образованная часть общества, составляющая российский средний класс, включающий в себя предпринимателей, представителей научной и художественной интеллигенции, менеджеров и. т. д. Часть наших сограждан соединяет в себе достаточно высокую степень образованности с выраженными предпринимательскими способностями.

Минимальная скорость адаптационных процессов характерна для наименее образованной части наших сограждан, в большинстве своем выбирающих докапиталистические адаптационные стратегии, в том числе уход от большой экономики к ведению натурального хозяйства, в своем максимальном выражении предполагающие обращение к еще более архаической форме – собирательству во всех его видах, т.е. соберем не только плоды земли, а вообще все, что плохо лежит. Выбор данных адаптационных стратегий свидетельствует о конкретике индивидуального и коллективного мышления, ограниченности или даже невозможности оперирования капиталистическими абстракциями, важнейшими из которых являются деньги, различные виды ценных бумаг, биржевые и внебиржевые

сделки, т.е. любые операции оторванные, абстрагированные от номиналистических проявлений материального мира.

Характерное для российской ментальности имплицитное неприятие абстракций отнюдь не уникально. В традиционном европейском обществе человек и вещь сопротивлялась схематизации, математическим абстракциям в применении к экономике и обществу. В трансцендентной сфере идеальные идеи вещей дополнялись идеально-божественным прообразом человека. Эти прообразы были достаточно абстрактны, но по определению единичны, уникальны. В культуре и обществе модерности цифры и символы, математическая множественность приходят на смену вещественности традиционного мира, где вещь и ее производство были наглядны, осязаемы, конкретны. Человек в различных своих ипостасях, как прихожанин определенного прихода, член ремесленного цеха, потребитель товаров и услуг тоже был более номиналистичен, индивидуален, не так легко как в последующие эпохи, подпадал под действие закона больших чисел, становясь некоей формализованной, абстрактной величиной. Новое время прорастает в освященной религиозной, социокультурной традицией жизни, в старом европейском городе, меняя смыслы, ценности, разрушая цельность существования, теплоту человеческих связей, дифференциация приходит на смену синкретической нерасчлененности: «Все, что раньше было осязаемо глазом и рукой, она превратила в отвлеченность. Базар стал биржей, клубом, газетой, рестораном, пивной, залом для митингов. То, что было раньше краской, формой, лицом, голосом, – стало цифрой, знаком, буквой, символом»⁴⁵.

По отношению к богатству и бедности западноевропейские народы в свое время разделяли представления, сходные с сохранившимися в современной России. Это отношение выразилось в период позднего средневековья в системе социальных взглядов католической церкви. Богатство человека воспринималось как божий дар, который необходимо

---

⁴⁵ Волошин М.А. Лики творчества. Книга четвертая. Л.: Наука, 1989. С. 420.

использовать в интересах как можно большего количества людей, родственников, наемных работников, просто бедных. Богатство не осуждалось, но и не поддерживалось стремление к его приумножению, европейское средневековое общество строго подходило к абстрактным, деперсонифицированным, капиталистическим способам хозяйственной деятельности, особенно в сфере финансов. Католическая церковь, рассматривавшая хозяйственную деятельность как подчиненную локальность в контексте высших ценностей спасения, сурово осуждала ростовщичество как форму денежной, непродуцирующей, паразитической экономики. Миряне, занимавшиеся выдачей денег под проценты, подлежали церковному осуждению, священники, уличенные в аналогичных действиях, отлучались от церкви. Своими санкциями католическая церковь способствовала сохранению христианской по своему духу ценностно-нормативной системы средневекового, докапиталистического общества. Ростовщичество породило вексель, который отделил долг от личных отношений кредитора и кредитруемого. Вексель является абстрагированным долгом, бумагой, которую можно продавать и покупать. К векселю восходит генеалогия акций и ценных бумаг. Возникает биржа, занимающая центральное место в хозяйственной сфере капиталистического общества: «Плывут пароходы, идут поезда – это все результат того, что произошло на бирже»⁴⁶.

В рамках российской ментальности, сохраняющей значимые элементы традиционализма, более понятно и естественно простое воспроизводство жизни. Деньги уже воспринимаются как некая не совсем конвенциональная абстракция, предпочтительнее, когда необходимые для жизни продукты производятся своими руками, в рамках натурального семейного хозяйства, плоды труда обмениваются на недостающие артефакты материального мира либо напрямую, либо используя различные денежные суррогаты, например спиртное: самогон, водка выполняли роль своеобразного заместителя денег,

---

⁴⁶ Шафаревич И. Р. Духовные основы российского кризиса XX века / Две дороги – к одному обрыву. М.: Айрис пресс, 2003. С. 369.

начиная, по меньшей мере, со времени военного коммунизма. В рамках российской социокультурной традиции достаточно легитимно неприятие символизации обменных отношений, абстрактных по своей сути, торговли, товарно-денежных отношений вообще, отторжение того торгового настроения, которое описал М. Монтень применительно к современной ему Голландии: «В странах, в которых, как в Голландии, преобладает торговое настроение, все человеческие действия, все нравственные качества служат предметом торга. Малейшая услуга, вызываемая в других местах простым человеколюбием, здесь покупается за деньги»⁴⁷.

В своих мемуарах С.Ю. Витте вспоминал атмосферу, характерную для русского образованного общества в семидесятые годы XIX века, когда над всем довлел: «дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей... это настроение царило во всем интеллигентном либеральном слое»⁴⁸. Это настроение устойчиво, его воспроизводство вполне конвенционально в рамках отечественной социокультурной традиции. Оно присутствовало и в более давней истории России, вырываясь наружу в крестьянских, казачьих бунтах Разина, Пугачева, Болотникова, огромном количестве более мелких волнений, получив свое законченное, телеологическое воплощение в первые десятилетия советской власти в СССР. В художественной форме это мироощущение гротескно, но от того более убедительно, выразил М.А. Булгаков в «Собачьем сердце». Бывшая симпатичная дворняга, ставшая человеком по воле научного, по своей сути западного, «ургийного» (сотворенного трудом), подхода к жизни, поет хором революционные песни, играет на балалайке и всю сложность мироустройства снимает простейшим рецептом: все отнять и поделить.

С конца 50-х начала 60-х годов по СССР прокатывается волна беспорядков, массовых драк, группового хулиганства, свидетельствующих о

---

⁴⁷ Ковалевский М.М. Дух законов // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 475.

⁴⁸ Койвисто М. Русская идея / Пер. с фин. Ю.С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2002. С.145-146.

нарастающей тенденции к хаотизации социокультурного пространства. Собственно аналогичная ситуация наблюдалась в России и после отмены крепостного права, вызванная распадом, трансформацией привычных социокультурных форм, общего уменьшения репрессивности культуры и социума. Массовые хулиганские действия несли в себе как элементы стихийного, мало осознанного протеста против условий внешней, материальной жизни, так и явились реакцией на процесс имущественной дифференциации, неравенства доходов, самой возможности сравнения своего и чужого материального положения. Комплиментарность народной правды по отношению к уравнивательной потенции социалистической идеологии была одной из определяющих причин значительной продолжительности социалистического эксперимента в СССР.

Участники массовых силовых акций могли рассматривать свои действия как форму «защиты коммунистических идеалов, как попытку вернуть партию и советскую власть к первоначальным формам советского утопизма. Нельзя не признать, что снижение уровня массовых беспорядков было в определенном смысле поражением большевистской идеологии, симптомом потери влияния в обществе ее исходных утопических идеалов: меньше становилось людей, способных выйти на улицу в их защиту»⁴⁹. К началу 70-х годов интенсивность массовых беспорядков значительно уменьшилась, что косвенно свидетельствовало о потере крестьянами и рабочими, вчерашними выходцами из крестьян, веры в то, что уравнительно понимаемые идеалы социальной справедливости разделяются верховной государственной властью. Чудаковатые правдолюбцы, образы которых с такой любовью описаны В.М. Шукшиным, постепенно приобщаются к городской, (массовой) культуре, все четче разделяя сферу публичного, социального и частного, локального. Жизнь в первой сфере предполагает участие в партийных, комсомольских, профсоюзных собраниях, субботниках,

---

⁴⁹ Ахиезер А.С. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С.165.

иных формах общественных работ, исполнение определенной социальной роли, поддержания конвенциональных правил игры. В сфере частного пространства можно расслабиться, пить водку и философствовать на кухне, обличать начальство, изливать душу. Бунт был вытеснен из публичной в приватную сферу жизни, сохраняя при этом свою алогичность, четкое (бинарное) разделение на своих и чужих, черное и белое, добро и зло. К светлому и доброму полюсу, объединяющему своих, относятся коллеги по работе, собутыльники, т.е., как правило, люди, которые знают друг друга лично. К противоположному, темному полюсу мироздания, относятся мировая закулиса, империалисты, «очкастый частный собственник», позднее региональное или московское начальство, т.е. иные, чужие, непонятные, потому и могущие олицетворять силы зла. В приватной сфере коллективное бессознательное выражалось одним и тем же набором знаковых фраз: «Мы тут вкалываем, а они там с жиру бесятся», «Я воевал», причем безотносительно к реальному участию в каких либо военных действиях. Эти мизансцены включает в себя и элементы невербальной коммуникации: рвется на груди рубашка, кулак стучит по столу, звенит посуда, человек вопрошает у мира, другого человека: я достаточно значим для окружающих, для мира, «тварь я дрожащая или право имею», вопрошание, выражающееся сакраментальной фразой: «ты меня уважаешь»?

Феномен стремления к равному (по едокам) распределению, патернализму государства по отношению не только к нуждающимся в определенной поддержке по социальным, биологическим причинам гражданам, но и всем остальным, в том числе здоровым и сильным, со временем не исчез, видоизменяясь и воспроизводясь в соответствии с новыми условиями исторической и социокультурной динамики. На излете советской эпохи «Б. Ельцин пришел к власти на той же волне потребительских требований «борьбы с привилегиями коммунистической номенклатуры», «поиска и дележа денег КПСС», «повышения уровня жизни

без повышения цен» и т. д.»⁵⁰. Основными обвинениями в адрес реформаторов были даже не упреки в утрате державного статуса государства, а индифферентное отношение власти к вопросам социальной справедливости, государственное безразличие к богатству и бедности, отсутствие кары за богатство и социальной поддержки в бедности.

В годы постсоветских реформ неприязнь к людям, выбивающимся из среднего ряда как некий ментальный инвариант, проявилась в ненависти к олигархам, людям материально успешным, использующим капиталистические формы адаптации к новому качеству социокультурной среды. Уравнительная, склонная к патернализму, высокому уровню перераспределения ментальность российского общества за последние годы изменилась далеко не так значительно, как внешние культурные, социальные, экономические декорации жизни человека. Она проявляется и как общий фон событийного ряда, так и в отдельных, знаковых событиях, шокирующих проявлением архаики. Председатель Союза промышленников и предпринимателей, А.И. Вольский, так изложил свое видение проблемы взаимоотношения власти и бизнеса: «Взаимоотношения с властью надо решать путем переговоров, явных и тайных». А чтобы проблемы не возникали вновь, «игра должна вестись по правилам». И пояснил: «Правила – это специфическое русское выражение и имеет более широкий смысл, чем закон». Сам господин Вольский согласен с тем, чтобы предприниматели оплатили свою свободу, например, помогая Владимиру Путину «бороться с бедностью» или договорившись увеличить «какие-то специфические налоги на доходные отрасли»⁵¹. Иными словами, в сегодняшней, реформаторской Росси, сила по-прежнему не в законе, а в архаической народной правде, воспринимающей капиталистические отношения как измену, отход от синкретизма, распределительности, убогости земной материальной жизни.

---

⁵⁰ Кара-Мурза А.А. «Американизм» и «псевдоамериканизм» как феномены современного российского сознания // Между «Империей» и «Смутой»: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С. 34.

⁵¹ Цит. по: Нетреба П. Аркадий Вольский ушел с правового поля // Коммерсант. 2003, № 134. С. 2.

В 90-е годы прошлого века в российской экономике наблюдалось беспрецедентное использование натурального обмена, взаимозачета. Развитие натурального товарообмена было обусловлено не только ситуативной реакцией экономического организма на сокращение государственного заказа и относительное сжатие денежной массы, но и практическим, вещественным выражением коллективного бессознательного, народной правды, получившей возможность зримого хозяйственного воплощения.

Рассматривая динамику модернизационных процессов в российской социокультурной системе, следует учитывать, что изменение внешней среды, как материальной, так и духовной, оказывает значительное влияние на народную ментальность, вопрос в интенсивности и длительности однонаправленного воздействия. После бегства из Египта Моисей водил свой народ по пустыне сорок лет, пока не выросли несколько поколений людей, не знавших рабства. Важнейшей задачей российской модернизации является сохранение в течение достаточно длительного периода условий для более свободной социализации и инкультурации личности, в большей мере эмансипированной в отношении российской социокультурной традиции. Необходимость в достаточно длительном и непрерывном временном интервале свободы, кроме всего прочего, объясняется и определенными ограничениями по абсорбции инноваций в единицу исторического времени, предельной скоростью личностной интериоризации того нового, что несут с собой процессы исторической и социокультурной динамики. Дилемма, которую пытается решать модернизирующаяся Россия, заключается в исторически детерминированной необходимости поддержания все более ускоряющегося темпа динамических процессов, и, в то же время, в необходимости не допустить очередного срыва в социокультурный хаос, архаику уравнилельной народной правды. Это постоянное балансирование на грани срыва особенно ярко проявляется в периоды революций и реформ. По словам Г.П. Федотова: «Все новейшее развитие России представляется

опасным бегом на скорость: что упредит – освободительная европеизация или московский бунт, который затопит и смоем молодую свободу волной народного гнева»⁵². Разновекторная направленность явленных и имплицитных социокультурных процессов приводит к критически высокому уровню вариативности возможных направлений будущего развития. В множественности вариантов развития социокультурной сферы российского общества постоянно присутствует переменная, представляющая собой результат встречного взаимного «гашения» разнонаправленных процессов, не запланированных ни одной из сторон, осознано или неосознанно инициировавших сам процесс.

В результате постоянного существования в условиях отягощенной расколом дульной оппозиции⁵³, российская социокультурная система находится в постоянной критической близости от зоны бифуркации, переходя то в одну, то в другую модальность, противится энтелехии, определенности, телеологической стройности. Что означает собой перманентная жажда физического неделания, в знаковой форме явленная в образах Емели, Иванушки-дурачка в русских народных сказках, былине об Илье Муромце, лежащем на печи тридцать лет и три года, как не отчаянную попытку сохранить полноту жизненных возможностей, открытость вариантов развития. В конечном счете, это попытка эмансипации от личной судьбы. Сохранение возможности жить как в зоне бифуркации, так и в непосредственной близости от нее, более того, сохранение веры в чудо, в необязательность, прерывистость причинно-следственных связей до сих пор является значимыми элементами массового сознания. Это имманентное стремление к избежанию определенности, «окончателности» судьбы, хорошо выразил Ортега-и-Гассет: «Жизнь – это неизбежная потребность определиться, вписать себя целиком в исключительную судьбу, принять ее,

---

⁵² Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческофские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. с.160.

⁵³ См напр.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 390-394, 160-162.

иными словами, решиться быть ею. Независимо от наших желаний мы обязаны осуществить наш «персонаж», наше призвание, нашу жизненную программу, нашу «энтелехию»... Гете отказывается подчинить себя конкретной судьбе, которая, по определению, оставляет человеку только одну возможность, исключая все остальные. Он хочет сохранить за собой право распоряжаться. Всегда»⁵⁴. В исторической судьбе России имплицитно присутствует амбивалентное начало, желание сохранить за собой право распоряжаться, избежать определенности судьбы. Наблюдается реверсионное движение, когда стремление к модернизации чередуется с восстановлением элементов архаики. Разновекторность, амбивалентность ментальных представлений проявляется и в многообразии практических действий, во всех сферах материальной жизни, в обществе и культуре. Отсюда на выходе, в сфере практических результатов получается «ни то, ни се, а черт знает что», имеет место наличное положение вещей, в 90-е годы прошлого века получившее емкую характеристику В. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда».

Как успешность российской модернизации, так и степень ее радикализации прямо коррелируют с возможностью адаптации архаической «народной правды» к социокультурным основаниям цивилизации модерности. А.С. Ахиезер в этой связи говорит о медиации⁵⁵, переводящей с одного ценностно-нормативного, мировоззренческого, технологического языка на другой, инициирующей процессы, способные в исторической перспективе привести к элиминации дуальной оппозиции между архаикой и либеральной цивилизацией модерности.

Успешность модернизационных процессов достаточно определенно коррелирует с показателем среднедушевых доходов, уровень которых может способствовать или блокировать самоосуществление личности здесь и

---

⁵⁴ Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 465.

⁵⁵ См. напр.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 267-273.

сейчас, в горизонтальной плоскости бытия. Создание значимых возможностей для массового материального жизнеосуществления и будет означать завершение догоняющей фазы модернизации, достижение столь желанного для коллективного бессознательного «конца истории», но по ее иронии в секулярных, а не религиозных формах. Борьба с бедностью важна в контексте формирования массового слоя успешных потребителей товаров, услуг, продуктов культуры. Чем больше будет в России успешных потребителей, тем меньше останется жизненного, смыслового пространства не только для людей подполья, горних высей и бездн духа, но и для докапиталистического человека вообще. Жизнеосуществлению в плоскости материального бытия комплиментарен образ мира, редуцированный к супермаркету, где многое имеет формализованный (денежный) эквивалент, сформировано комплиментарное человеку позднего модерна пространство открытых жизненных возможностей.

Существует определенная альтернатива, предполагающая выбор между успешной самореализацией в горизонтальной плоскости бытия и сублимацией нереализованных потенций, между возможностью земного, горизонтального самоосуществления личности и значимостью для массового сознания альтернативных, эскейпистских жизненных сценариев. Самореализация человека масс в горизонтальной плоскости бытия вытесняет иные, в том числе асоциальные и вертикально ориентированные жизненные стратегии в область маргинального. Если такой возможности нет, компенсаторные варианты жизнестроительства выходят на первый план в качестве некоего заместителя самоосуществления в сфере земной материальной жизни.

Осуществление горизонтального жизнеустроительного проекта, что, собственно, и предполагает модернизация, ведет к упорядочиванию, космологизации российского социокультурного пространства. Процессам модернизации комплиментарна личность, обладающая внутренним локусом контроля, самодисциплиной, готовностью подчиниться срединной культуре,

способная контролировать свои витальные действия, соотнося их с конвенциональными представлениями о норме и патологии, осуществлять запланированные жизненные проекты. Человек с доминирующим внутренним локусом контроля вполне может обойтись без стоящего за спиной полицмейстера⁵⁶. Жизнь человека в обществе позднего модерна предстает как череда проективных достижительных действий осуществления, творения, делания, пусть часто и в редуцированных формах массового потребления, что противоположно религиозному мироощущению неделания: «Если есть вообще религиозное дело, то это дело не от мира сего, и если есть религиозность как предметная ценность, то она мыслима только за пределами мира, нам данного»⁵⁷.

При отсутствии значимой возможности самоосуществления в материальной плоскости бытия нереализованная энергия личности направляется как в маргинальную сферу, включающую в себя девиантные формы поведения, в том числе алкоголизм и наркоманию, так и в компенсаторную сферу национализма, мессианских учений, религиозного фундаментализма, светских и религиозных идеологий. Приоритетность вертикального измерения жизни и всех производных, несущих в себе элементы этого измерения, в том числе связанных с отечественной религиозно-философской традицией, наиболее явственно артикулирована в комплексе представлений, обозначаемых под названием «русская идея». В постсоветской России этот комплекс представлений обладает знаковым, символическим значением, отношение к которому разделяет общество на сторонников и противников проектов, имеющих значительную вертикальную составляющую: «Дальнейшее движение возможно или как преодоление «русской идеи», – то есть перевод ее в чисто этно-культурологические термины, «в наследство», в историю, которую нужно помнить и знать, или

---

⁵⁶ Мережковский Д. С. Земля во рту // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С. 258.

⁵⁷ Степун Ф.А. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 72.

как движение назад – к национальной мифологии, как принципиальный отказ от рациональных подходов к проблеме исторического пути России»⁵⁸. В то же время имеющие вертикальное измерение идеологические конструкции достаточно эффективны в процессе массовой ресоциализации людей, находящихся в маргинальной области бытия. Детерминированность проектов личностного жизнеосуществления уровнем базовых материальных возможностей общества является правилом, наиболее действенным в отношении человека масс. Это правило имеет и определенные номиналистические исключения, личность может быть достаточно активной как в горизонтальном, так и вертикальном измерениях бытия.

В периоды практического осуществления жизнеустроительных проектов, для которых имманентен восходящий или нисходящий вектор в координатах вертикального измерения бытия, происходит делокализация маргинальной сферы, экспансия элементов, несущих выраженную апокалиптическую окраску. Дионисийская стихия народной жизни, сдерживаемая в определенных рамках репрессивными механизмами культуры и социума, в периоды радикального ускорения исторической и социокультурной динамики, революций и глубоких реформ занимает основной объем бытия, когда начинает доминировать мироощущение, жизненные практики, нормы и ценности, имманентно присущие коллективной архаике. В письме к П.Б. Струве, написанном в 1918 году, когда революция и начинающаяся гражданская война приоткрыли архетип массового человека, содержится его яркая и эмоциональная оценка, данная В.В. Розановым: «Мне было совершенно ясно, что русский человек, русская душа – абсолютно анархична; что она – мечтательна, фантастична, поэтому и практически ни к черту не годится... Я всю жизнь боялся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: «ты победил, ужасный хохол». Нет, он увидел

---

⁵⁸ Волкогонова О. Д. Русская идея. Мечты и реальность // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / Под общ. ред. С.Н. Юшенкова. М: Новый фактор, 2002. С.172.

русскую душеньку в «преисподнем содержании»⁵⁹. Это характеристика вполне соотносится с одной из ветвей русской литературной традиции XIX века: «Личность у нас еще только наклеивается, и оттого гоголевские типы – пока самые верные русские типы»⁶⁰. Белинский говорил об этом без особого сожаления, справедливо полагая, что эмансипация личности не столь быстрый исторический процесс. Болезненность этого процесса во второй половине XIX века была еще не столь очевидна, казалось, что нравы смягчаются, варварство постепенно вытесняется цивилизацией: «Во всех странах, охваченных историческою жизнью, общественные понятия несколько смягчились, формы быта стали несколько разумнее, чем было до конца прошлого века»⁶¹. Эти взгляды соответствовали европейскому мироощущению XIX – начала XX века, возвышенным представлениям о человеке и культуре, о рациональности человеческого поведения, всему комплексу представлений, сломанному Первой мировой войной, показавшей хрупкость цивилизации и гуманизма.

На индустриальном этапе развития общества модерна предполагалось достижение определенного уровня пунктуальности, собранности, технологической комплиментарности личности и индустриальной экономики. Большевистский террор 1917-1953 годов имел не только идеологическое, но и отчасти утилитарное обоснование. Это была попытка, используя крайние формы насилия, привить выпавшему из контекста православной ценностно-нормативной системы советскому человеку некий нравственный императив, пусть и в его простейших, утилитарных формах.

---

⁵⁹ Цит. по: Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2 / Печ. по изд.: Richard Pipes. *Struve: Liberal on the Right, 1905-1944.* Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1980 / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Моск. школа политич. иссл-й, 2002. С. 557.

⁶⁰ Белинский В. Г. Письмо к К. Д. Кавелину (22 ноября 1847 г.)// Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955 – 1956. Т. XI. С. 433.

⁶¹ Чернышевский Н. Г. Предисловие к изданию полного перевода «Оснований политической экономии» Милля (второй вариант) 1864 г.// Полн. собр. соч.: В 15 т./Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина и др. М.: Гос. Издат. Худ. лит., 1939 – 1950. Т. IX. С. 889.

Исторически в российской социокультурной системе доминируют внешние формы контроля над личностью, внутренний локус личностного контроля не стал преобладающим в обществе ни в царской России, ни в послереволюционный период, его формированию не способствовали годы революционного хаоса и гражданской смуты. Из воспоминаний А.С. Изгоева, относящихся к периоду гражданской войны: «Русскому народу <...> только такое правительство и нужно. Другое с ним не справится. Вы думаете, народ вас (т.е. кадетов) уважает. Нет, он над вами смеется, а большевика уважает. Большевик его каждую минуту застрелить может»⁶². В тридцатые-сороковые годы, в полдень сталинской эпохи, в общественное сознание вколачивались простые истины: нельзя опаздывать на работу, брать чужое (закон «о колосках»), вколачивались почти буквально гвоздями, как и в годы гражданской войны, когда представители этого же народа не в аллегорическом, а в прямом смысле забивали гвозди в офицерские плечи и головы. Варварскими методами решалась задача массовой переделки докапиталистического российского человека, приспособления его для индустриальных нужд советской модели общества модерна.

Проблема, которую приходится решать на различных отрезках исторической и социокультурной динамики в процессе модернизации, заключается в переплетенности горизонтального и вертикального измерения российской жизни, обилии докапиталистических, маргинальных жизненных стратегий, всего того, что не укладывается в рамки рационального поведения, сопровождающееся пониманием свободы, как анархии и порядка как авторитаризма.

Пределная точка российского понимания свободы как анархии и войны всех против всех (по Гоббсу) была пройдена осенью 1999 года, знаковыми были взрывы жилых домов в Москве и Буйнакске, после которых началось реверсионное движение к порядку, интерпретируемому в русле

---

⁶² Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческое очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 113.

отечественной социокультурной традиции. В этой предельной области свободы деконструкция внешнего контроля над личностью лишь отчасти компенсируется усилением ее внутреннего локуса контроля, радикализуется социокультурный хаос, происходит общее ослабление нормативности, уменьшение дееспособности структур государственной власти, сопровождаемое локализацией потенциалов формирующегося гражданского общества. Социокультурное пространство оказалось пронизано разновекторными, хаотическими импульсами, но именно в переходные периоды в культуре и обществе открывается максимальная степень свободы для инноваций, конкурентного отбора, борьбы за будущее, за возможность перехода отдельных инновационных элементов в конвенциональную модальность. В последующем происходит стереотипизация инноваций, которые сочетают определенную комплиментарность в отношении социокультурной традиции с инструментальной эффективностью на новом этапе исторической и социокультурной динамики.

Серьезным естественным ограничителем модернизационных процессов является инверсионный характер динамических процессов в социокультурной сфере жизни российского общества, аномально высокая степень локализации срединной области в культуре и социуме. Определенная амплитуда колебаний имманентна процессам исторической и социокультурной динамики вообще, проявляясь в том числе в наиболее развитых странах модерности, вопрос в размахе противохода, наличии или отсутствии общих смыслов, некоторой амбивалентности крайних позиций, общего смыслового пространства для диалога. Для стран классического западного модерна эти колебания служат средством селекции инноваций, включения части из них в конвенциональное пространство социокультурной традиции. Последующий этап развития сохраняет достаточно высокую степень преемственности по отношению к предыдущему, коррекции подвергаются локальные, номиналистические тенденции и артефакты. В рамках российской социокультурной системы страшен не сам колебательный

процесс, но размах его амплитуды, отсутствие минимально необходимой комплиментарности между полюсами, реверсионный ход-противоход модернизационных процессов.

К концу уходящего исторического периода накапливается значительный потенциал несоответствия между глубинными основами синкретической народной правды и тенденцией к большей степени дискретности, специализированности в рамках социокультурной сферы. Слом старого порядка воспринимается в восторженных тонах, возникают массовые надежды на абсолютное, революционное переустройство жизни. Вот, слава Богу, началось, говорит извозчик в воспоминаниях Ф.Степуна о Февральской революции 1917 года, становится на землю, крестится. Узнав о революции в Петрограде, унтер-офицер из народа у Г.Чулкова говорит: «Греха теперь не будет»⁶³. Новый исторический этап воспринимается в начале как попытка построить царствие божье на земле или как минимум воздаяние за грехи правящей элиты, позднее просто интеллигента, человека в очках и галстуке. Большевики смогли взять и удержать власть в России во многом благодаря совпадению с народной правдой, осознанию «исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, т. е. человеку, быть может, и не богатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью»⁶⁴.

У части общества, проигравшего в результате изменений последнего периода, накопилась значительная отрицательная энергия, направленная против постсоветских реформ, воспринимаемых как одна из форм деструктивного развития, разрушающего легитимную в рамках отечественной социокультурной традиции ценностно-нормативную систему российского общества. Достаточно настороженное отношение сложилось к

---

⁶³ Чулков Г. И. Мартовские дни // Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. С.317.

⁶⁴ Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. С. 139.

постепенному отходу от патерналистской модели социального государства, радикальному росту имущественного неравенства, дивергенции жизненных шансов молодого поколения, росту индивидуалистических жизненных стратегий личности. То, что мы наблюдаем сегодня, является формой общественной реакции по промежуточным итогам постсоветских реформ. Вопрос о степени радикальности практических действий, обусловленных результатами этой рефлексии, остается открытым, вызывая беспокойство на рациональном и интуитивном уровнях у успешной, адаптировавшейся к реформам части общества. Крайними элементами постсоветской эпохи стали этнические сепаратисты, криминальные и полукриминальные элементы практически во всех сферах жизни общества, владеющие средствами массовой информации торговцы страхом, негативной, шоковой информацией. Вследствие хаотизации социокультурного пространства в российском общественном сознании возникла устойчивая дихотомия, предполагающая выбор между свободой, редуцируемой к анархии и безопасностью, воспринимаемой как авторитарный порядок. «Реакция всегда и везде составляет неизбежное последствие появления на сцене крайних элементов; это общий исторический закон. Вопрос заключается в том: какова реакция и как она действует? Восстанавливает ли она только то, что нужно, опираясь на здоровые и умеренные силы общества, или она, в свою очередь, впадает в крайность и тем самым вызывает новые колебания?»⁶⁵.

Генезис и устойчивость гражданского общества достаточно четко коррелируют с уровнем развития экономики, тем, что в результате этого развития получает человек. Согласно Э. Геллнеру «гражданское общество можно уподобить велосипеду: оно падает, когда теряет скорость, когда ослабевшая экономика больше не может обеспечивать постоянное улучшение благосостояния большинству его членов. Большинство вполне готово отказаться от великих принципов, пожертвовав ради иллюзорного

---

⁶⁵ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 515.

благополучия вполне реальной свободой»⁶⁶. Постсоветская модернизационная волна принесла торжество локальности, определился доминирующий вектор общественного и культурного развития от общего к частному, полистилистичности и ценностному релятивизму. То, что раньше было публичным, находясь в сфере интересов государства, стало приватным. Наблюдается колоссальное расширение сферы приватного при одновременном сужении сферы, подверженной публичному контролю. Иди, человек, будь свободен, – он же алчет Великого инквизитора, который скажет: я знаю, как надо. «Это единственно русское. Не столько «идея», сколько физиология – ощущение свободы, как чего-то богопротивного, – рабства, как богоугодного... В свободе – грешные, в рабстве – святые. Святые рабы. Святая Русь – земля святых рабов»⁶⁷. Обмен свободы, автономности, локальности – на авторитаризм и соборность, условно говоря, праздника пива на военный парад и факельное шествие, дающие ощущение единства: я не один, нас много, мы народ.

Формирование доминантного для данного общества типа личности, обладающего внутренним локусом контроля, толерантного к различным этническим группам и культурам, является следствием длительных процессов исторической и социокультурной динамики. Вспомним политику санкций, значительных штрафов, налагаемых управлениями средневековых городов за грязь, мусор и нечистоты перед частным домом, политику, которая, в конце концов, привела к формированию ответственного, взвешенного поведения западноевропейца, его эстетического отношения к окружающей материальной, в том числе природной среде. Как травяной газон приобретает свою законченную, телеологическую форму в течение нескольких сотен лет, так и рациональное, цивилизованное, срединное

---

⁶⁶ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 22.

⁶⁷ Мережковский Д. С. Земля во рту // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910. С. 258-259.

поведение человека достигается в течение достаточно длительного исторического времени.

Литература

1. Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / Пер. с англ. А. Харраша, Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С.543-686.
2. Иглегард Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291.
3. Волошин М.А. Лики творчества. Книга четвертая. Л.: Наука, 1989. С. 416-426.
4. Шафаревич И. Р. Духовные основы российского кризиса XX века / Две дороги – к одному обрыву. М.: Айрис пресс, 2003. С. 360-428.
5. М.М. Ковалевский Дух законов // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 413-490.
6. Койвисто М. Русская идея / Пер. с фин. Ю.С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2002. 244 с.
7. Ахиезер А.С. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610 с.
8. Кара-Мурза А.А. «Американизм» и «псевдоамериканизм» как феномены современного российского сознания // Между «Империей» и «Смутой»: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. С. 31-35.
9. Цит. по: Нетреба П. Аркадий Вольский ушел с правового поля // Коммерсант. 2003, № 134. С. 2.
10. Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 704 с.
11. См напр.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 390-394, 160-162.
12. Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 433-462.
13. См. напр.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 267-273.
14. Мережковский Д. С. Земля во рту // Большая Россия. СПб.: Общественная польза, 1910.

15. Степун Ф.А. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000.
16. Волкогонова О. Д. Русская идея. Мечты и реальность // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее / Под общ. ред. С.Н. Юшенкова. М: Новый фактор, 2002.
17. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2 / Печ. по изд.: Richard Pipes. Struve: Liberal on the Right, 1905-1944. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1980 / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Моск. школа политич. иссл-й, 2002.
18. Белинский В. Г. Письмо к К. Д. Кавелину (22 ноября 1847 г)// Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955 – 1956. Т. XI.
19. Чернышевский Н. Г. Предисловие к изданию полного перевода «Оснований политической экономии» Милля (второй вариант) 1864 г.// Полн. собр. соч.: В 15 т./Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина и др. М.: Гос. Издат. Худ. лит., 1939 – 1950. Т. IX.
20. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-философские очерки. М.: РОССПЭН, 1997.
21. Чулков Г. И. Мартовские дни // Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999.
22. Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001.
23. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000.
24. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
25. Мережковский Д. С. Земля во рту // Больная Россия. СПб.: Общественная польза, 1910.

IV. Российский модернизационный проект в контексте глобализующегося мира

В последние десятилетия наметилась тенденция к формированию единой протоцивилизации модерности, когда институты и в некоторой мере ценности западного мира становятся референтными для значительной части незападного человечества. Мы являемся свидетелями не завершения, а начала этапа глобализации, когда частное, локальное во многом начинает уходить на периферию истории, выполняет компенсаторную, дополнительную роль.

Ссылаясь на мнение антрополога Питера Уорсли, Э.Гидденс отмечает, что до настоящего времени как целое человечество не существовало, формирование социальных связей в рамках всего человечества. «Мир стал единой социальной системой в результате усиления отношений взаимозависимости, затронувших сегодня практически каждого человека. Социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы живущих в них людей. Усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества можно обозначить универсальным термином глобализация. Было бы ошибкой думать о глобализации только как о процессе роста мирового единства. Глобализацию социальных связей прежде всего следует понимать как преобразование пространства и времени современного существования. Другими словами, наша жизнь все в большей степени испытывает на себе влияние действий и событий, происходящих достаточно далеко от той социальной реальности, в которой протекает наша повседневная деятельность. Несмотря на то, что сегодня она развивается особенно быстро, глобализация никоим образом не является чем-то абсолютно новым, поскольку этот процесс начался около двух трех веков назад, когда влияние Запада стало распространяться по всему миру»⁶⁸.

Мы наблюдаем и участвуем в процессе создания инфраструктуры будущего глобального мира, переплетения и взаимодополнения информационных, энергетических, финансовых систем.

Это стихийное переплетение рынков, вызванное усовершенствованием промышленных, транспортных, информационных технологий, с одной стороны, и «виртуализацией» денег и денежного обращения с другой.

Идейным основанием модернизации и глобализации является христианский универсализм (нет ни эллина, ни иудея). Модернизация представляет собой векторное изменение социокультурной сферы, уменьшение локальной и возрастание универсальной составляющей,

---

⁶⁸ Гидденс Э. Социология: Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.483.

мегатренд от локализма к универсализму. Глобализация так же актуализирует универсальное, способствуя деконструкции национального, локального. Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно временной континуум, в единое пространство причинно следственных связей⁶⁹. Формируется человечество как мозаичное целое, когда отдельным его частям не безразлично, что происходит в иных частях, особенно это касается динамики валютно-финансовых и товарно-сырьевых рынков. Значимое событие в любой точке Земли получает отражение в едином информационном пространстве, предполагая если не прямую реакцию, то хотя бы формирование определенного общественного мнения.

Во все большей степени усиливаются процессы ограничение роли и функций национального государства, во многом сведению их к функциям местного самоуправления (почтовая связь, часть системы образования, полицейские функции и т.д.). Важнейшая из них - полнота геополитического суверенитета на своей территории - подвергается радикальному переосмыслению, деактуализируется. В период глобализации все меньшее число государств может всерьез говорить об обеспечении национальной безопасности при помощи вооруженных сил; экономическое, образовательное (дистантные формы образования), налоговое пространство во все большей степени приобретают надгосударственный характер, во все меньшей степени контролируются на национальном уровне.

В последние десятилетия происходит интенсивный процесс формирования интернациональной, глобализированной элиты, основу социогенеза которого составляет деятельность транснациональных корпораций, формирующееся взаимозависимое экономическое, культурное, политическое и информационное пространство. Глобализированная элита представляет собой гетерогенное образование, состоящее из сегментов

---

⁶⁹ Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge. Polity Press, 1990. P. 64.

национальных элит, основу экономической, культурной, информационной деятельности которой составляет использование, по преимуществу, потенциала интегрированных международных (глобальных) рынков. Интересы новой международной элиты постепенно расходятся с интересами той части элиты, которая сохраняет национальный характер, ориентируясь в своей деятельности по большей части на национальный рынок. Намечается все больший разрыв в доходах между частью социума, по преимуществу использующей возможности национальной экономики и той его частью, которая в большей степени использует потенциал международных (глобальных) рынков. Национальные и, в большей степени, формирующиеся глобализированные элиты не только восприимчивы к ускорению социокультурной динамики, но более того, сами во многом являются ее источником.

Глобализация представляет собой процесс формирования унифицированного институционального пространства, ведущий к максимальной проницаемости границ национальных социокультурных систем, их контекстуализации, когда ряд функции национальной системы передаются на транснациональный уровень, к открытости каналов межкультурной коммуникации. Генеалогически новая глобальная общность в своих истоках во многом восходит к Западной цивилизации модерна. Она воспринимает от нее, прежде всего, институциональную среду и часть ценностно-нормативной системы, когда институты и, в некоторой мере, ценности западного мира становятся референтными для значительной части незападного человечества.

В этой своей части глобализационные процессы повторяют, дублируют, усиливают процессы модернизации. Воспринимаются те ее элементы, которые либо смогли показать свою операционную эффективность, содействия целям развития, либо до сих пор воспринимаются в этом качестве остальным миром. В качестве примера может служить политика приверженности демократии, что способствует

установлению более высокий рейтинг национального государства, обеспечивая большой приток инвестиций, повышая курсы акций, государственных и корпоративных облигаций и т.д.

Другой вопрос, насколько демократические методы управления эффективны, адекватны тому уровню развития, на котором находится данное государство. В условиях глобализации национальное государство, вынужденное играть по определенным правилам, не может сколь либо длительное время препятствовать процессам модернизации, в том числе и в политической сфере, эти процессы во многом автономны от требований, задаваемых социокультурной традицией.

Процессы глобализации представляют собой синтез поступательной и инверсионной динамики. Регрессивные движения возможны, в частности, как реакция на финансово-экономические кризисы, например, на обвальное падение на региональных финансовых и товарно-сырьевых рынках, в результате которых происходят процессы резкого уменьшения мобильности финансового капитала. Процессы глобализации носят открытый, неравновесный, нелинейный характер, что в значительной мере определяет особенности национальной социокультурной динамики. Исторические, социокультурные альтернативы, которыми мы можем оперировать, имеют определенное предельное значение, определяемое суммой причинно-следственных связей, накопленных в процессе диахронного развития, они, во многом и определяют ту номиналистическую пропорцию локального и универсального, что складывается в культуре и обществе государств, переживающих воздействие глобализационных процессов.

Говоря о глобализационных процессах, необходимо избегать их редукции к модели «макдонализации» мира; интересы международного, транснационального бизнеса, выражающиеся в максимализации прибыли, требуют учета сложившихся национальных культурных особенностей, поскольку успешное продвижение на национальные рынки универсального потребительского продукта как в сфере материального, так и духовного

(культурного) потребления, требует его частичной интерпретации в духе национальной социокультурной традиции.

Мы рассматриваем глобализацию как движение к универсальному экономическому, правовому, информационному, образовательному и, в конечном счете, культурному пространству, в значительной мере являясь адаптационной трансформацией проекта модерна, очередным, современным нам, этапом модернизации. Глобализация является современным нам этапом развертывания единого и универсального «проекта модерна».

Важным является вопрос, следует ли считать модернизацию законченным, воплощенным, снятым процессом при достижении основных характеристик модерна в различных сферах организации человеческой жизни. Процессы исторической и социокультурной динамики не только не замедляются, но демонстрируют радикальное ускорение, продолжаются самотрансформации как в рамках Западной цивилизации модерна, так и в ее новом, восточном ареале (Япония, динамичные страны Азии). Что представляют собой эти процессы: продолжение модернизации, или постмодернизацию? Если постмодернизацию, то она отрицает или продолжает модернизационные процессы? Глобализационные процессы разворачиваются в бурно меняющемся мире, который теряет многие устоявшиеся характеристики, генеалогически восходящие к заре Нового времени. А.И. Неклесса отмечает, что Мир Нового времени стремительно уходит в прошлое, что сопровождается системным кризисом основ, конструкций общества, базирующегося на устойчивости национальных культур и рационально-ценностных формах мироустройства. Национально-государственная система международных отношений, международное право, базирующееся, начиная с Вестфальского мирного договора, на незыблемости национального суверенитета подвержены процессам деконструкции. Серьезные трансформации переживает классическая, производящая экономика, оттесняемая под давлением виртуальной неэкономики на периферию экономического пространства, не менее серьезны трансформации

в сфере идеологии и национальной культуры. Под сомнение поставлена как модель эволюционного обустройства мира, его модернизация, так и сама концепция прогресса⁷⁰.

Уже сегодня глобализация становится скрепами планетарной общности людей, человечества как целого, когда любое значимое событие в любой точке Земли становится достоянием единого информационного пространства, предполагая если не реакцию, то хотя бы формирование определенного общественного мнения. Процессы мирового разделения труда в мире, где главенствует западная капиталистическая цивилизация, вряд ли могут быть равноправными и справедливыми, так как это не входит в правила игры, которые задаются сильнейшими.

Страны западной цивилизации имеют почти полную монополию на так называемые «закрывающие технологии», которые не только могут приносить своим владельцам сверхприбыль, но и экономически уничтожать конкурентов, закрывая целые отрасли экономики. Они имеют возможность производить товары с максимальной добавленной стоимостью, экспортировать новые технологии, выносить производство значительной части материальной продукции за пределы национальных границ.

Новые индустриальные страны вынуждены импортировать технологии, в значительной мере оплачивая научно-технический прогресс в постиндустриальной капиталистической экономике, прежде всего в США. Они могут производить и продавать продукцию с меньшей добавленной стоимостью. Развивающиеся страны, страны третьего мира вынуждены продавать сырье, т. е. продукцию первого передела, для которой свойственна минимальная добавленная стоимость. Эта неэквивалентность обмена вызвана базовыми, системными причинами. Наиболее проблематичен переход стран в постиндустриальную группу, поскольку достижение этой задачи выходит далеко за рамки индустриального рывка, который, в частности, продемонстрировали

---

⁷⁰ Неклесса А.И. Конец цивилизации, или зигзаг истории/ Глобальное сообщество: картография постсовременного мира/ рук. Проекта, сост. И отв. Ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С.110.

миру новые «Азиатские тигры». Индустриальные усилия, использование чужих технологий неизбежно ведут к дальнейшему формированию и укоренению индустриальной цивилизации. Для движения в сторону постиндустриализма необходима собственная творческая интерпретация проблем научно-технического прогресса, разработка собственных технологий. Поскольку именно этот путь дает возможность за счет максимальной добавленной стоимости получать максимальную прибыль и добиваться максимальной эффективности.

Западная цивилизация модерности является локомотивом мирового развития, ускорения социокультурной динамики в планетарном масштабе. Господство модернистской парадигмы, предполагающее ускоряющуюся турбулентную гонку капитализма, при которой скорость изменений достигает некоторой критической отметки, в том числе и в отношении адаптационных возможностей человеческой психики. Медицинская статистика сообщает о значительном росте психиатрических, психосоматических заболеваний, свидетельствующих о том, что человек просто не успевает адаптироваться к потоку социокультурных изменений, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер.

Вещный, предметный мир постепенно теряет свою определенность, длительность существования, ускоряется изменение моды, практически каждый год обновляются модельный ряд технических устройств, используемых человеком. Неким идеалом стала одноразовая вещь, которую после однократного или крайне непродолжительного использования во имя дальнейшего развития экономики можно и даже нужно просто выбросить. Перманентный экономический рост, требует для своего поддержания все большего количества ресурсов, многие из которых являются невозполнимыми, приводит к загрязнению окружающей среды. Климатические изменения также во многом являются следствием постоянного роста производства и потребления.

Модели, в которых рассматривается развитие этих тенденций в течении ближайшего столетия наглядно свидетельствуют о том, что данная система не

может устойчиво развиваться в течение сколько-нибудь длительного времени. Вступают в действие ресурсные, экологические, социальные ограничения, происходит общее истощение, деградация всех природных систем, и, как следствие, под вопрос ставится не только достигнутый качественный уровень жизни, но и физическое выживание значительной части человечества. Экологи, антиглобалисты предлагают в связи с этим пойти на замедление темпов роста, перейти от экспансии, расширенного воспроизводства человечества к простому воспроизводству, сбалансированному с возможностями природной среды. Эти взгляды во многом близки традиционным воззрениям, господствующим в более традиционных, незападных цивилизациях, которые предполагают более гармоничное сосуществование человека и природной среды.

В наступившем столетии человечество оказалось перед сложным и крайне важным по своим последствиям выбором, двумя путями развития. Первый предполагает дальнейшее ускорение экономического развития, социокультурной динамики, что в среднесрочной перспективе ведет к катастрофическим последствиям для биосферы планеты, в том числе и для человечества. Второй путь предполагает переход к более статичному состоянию социума, которое характеризуется не только использованием новых, ресурсосберегающих технологий, а предполагает замедление всех присущих человечеству форм динамики, уход от идеологии прогресса.

Эти пути развития отнюдь не являются конфликтом «хорошего с лучшим», столь характерным для художественного метода социалистического реализма, оставляя мало места для исторического оптимизма.

При рассмотрении биосферы, ресурсного потенциала планеты Земля в целом, как закрытой системы, оба пути представляют собой трудноразрешимую дилемму. Этот выбор актуален для закрытых, равновесных систем и становится менее актуальным при рассмотрении нашей сегодняшней среды обитания как открытой и неравновесной системы.

Западная цивилизация, нацеленная на взрывное развитие, которое по

определению является синонимом жизни, понимаемой как экспансия, является единственным поводом человечества, способным буквально вытолкнуть его в космос, начать новую великую эпопею космической колонизации. Во Вселенной достаточно материи, которая может послужить ресурсной базой для дальнейшей экспансии капиталистической экономики и человечества, которое представляет, в данном контексте, западная цивилизация модерности. Экономический человек получает привычную материальную мотивацию, во многом аналогичную той, что двигала людьми в процессе колонизации на планете Земля. Именно отсутствие гармонии, практическое уничтожение биоценоза планеты Земля, т. е. во многом «самоедский» характер западной цивилизации может привести либо к серьезнейшему системному кризису человечества, либо, в качестве позитивной альтернативы, к космической экспансии.

Вероятно, не случайно начало модернизации совпало с великими географическими открытиями и с «замыканием» планеты кругосветной экспедицией Магеллана, а начало глобализации – с выходом человека в космос, давшим возможность увидеть всю планету и инструментально работать в планетарных масштабах⁷¹.

Глобализация стала очередным этапом процесса модернизации и в исторической перспективе ведет к формированию единого человечества, объединенного посредством экономической, информационной, возможно и «полицейской» интеграции.

Может показаться, что сегодняшняя глобализация не имеет идеологии. Формально это так, но общая фоновая идеология глобального мира все же просматривается. Это фоновая идеология представлена глобальной массовой культурой.

Несмотря на свое глобальное распространение, массовая культура по своему происхождению-производству преимущественно западная, более того, американская. Это преимущественно секулярная культура, с

---

⁷¹ Ильин М.В., Иноземцев В. Л. Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001.С.10.

множественными вкраплениями языческих и неязыческих мотивов, мистики и суеверий. Это совершенно явно не монотеистическая культура, она все более отворачивается от иудео-христианской религиозной традиции, вернее не слишком выделяет ее из сонма языческих богов, инопланетных разумов, игр света и тьмы.

Это положение разительно контрастирует с тем, что происходит в ареале незападного, прежде всего мусульманского мира. Становясь все более многолюдным, этот мир по-прежнему сохраняет приверженность религиозной традиции.

Согласно прогнозам демографов, рассматривавших потенциал роста населения по отдельным регионам и в целом по планете, его численность должна достичь исторического максимума к концу XX века, после чего начнется длительный исторический процесс депопуляции человечества. Рост народонаселения в течение всего этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран, с их более низким уровнем доходов на душу населения, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины, т. е. развивающиеся страны в течение некоторого времени будут продолжать следовать своим социокультурным традициям. В северных регионах Земли уже сегодня превалирует и в течение этого столетия окончательно утвердится совершенно иная модель человеческого воспроизводства, предполагающая нуклеарную семью с одним ребенком, что не обеспечивает простого количественного воспроизводства населения.

В наступившем XXI веке незападные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достижительную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить того, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной, модернистской жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта. Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север-Юг,

а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угрозой растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного незападного большинства.

Процессы глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неофитов Запада, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наименее малочисленная, но наиболее вестернизированная и секуляризированная часть незападного мира становится шансом западной цивилизации сохранить культурную преемственность при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества. Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается историческая миссия глобализации.

Мы полагаем, что ускорение процессов исторической и социокультурной динамики резко меняет привычную нам карту европоцентричного мира, прогресса, ведет к деконструкции тех элементов модерна, которые потеряли свою эффективность, приобрели излишнюю ригидность, исчерпали или близки к исчерпанию своего адаптационного потенциала. В частности, вышесказанное относится к широкому инструментальному использованию наследия европейского просвещения и Великой французской революции, с ее сакраментальным лозунгом «свобода, равенство, братство». С течением времени приходит достаточно ясное осознание того факта, что эта часть европейского социокультурного наследия не технологична, не может быть использована в целях проведения эффективной практической политики в рамках Незападного мира.

Эта политика, проводимая на уровне политических, экономических, социальных и культурных действий имеет выраженную амбивалентную основу. С одной стороны, это апостериорное осознание неэффективности практического применения части европейского культурного наследия, с другой – проявление большего прагматизма, цинизма и двойных стандартов. Несколько редуцируя, можно говорить о различных стандартах в отношении Западного и Незападного мира, различных подходах к западным и незападным регионам мира, в рамках которых сложились различные виды стратегии и технологии человеческого существования.

В контексте бурных институциональных и ценностно-нормативных трансформаций, которые переживает современный мир, прежде всего его наиболее модернизированные, динамичные части, как на Западе, так и на Востоке, возникает вопрос о эффективности догоняющих стратегий модернизации, которые практикуют многие незападные страны, в том числе и Россия. Мало того, что наиболее современные страны перешли к постиндустриальному обществу, они еще и деконструируют часть неэффективных, обладающих низким адаптационным потенциалом, эффективностью институтов и ценностей модерна. В этих условиях нам (России), либо остается завершать национальный проект по созданию общества модерна, с последующей деконструкцией части его элементов, или в очередной раз попытаться «перехитрить» историю. Сегодня эта «хитрость» может состоять в попытке войти через постмодернистскую дверь, напрямую перейти к постиндустриальной экономике, мультикультурному, мультиконфессиональному обществу и культуре, легализовать наши локальные различия, рассматривая их не как тормоз развития, а как источник избыточной креативности, потенциальных инноваций, которые могут быть востребованы на современном и будущих этапах исторической и социокультурной динамики. Но следует понимать, что и опасность такой креативности, очередного поиска «третьего пути» зашкаливающе высока.

Мы знаем, что модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. Глобализация становится источником и ресурсом модернизации, инициируя кардинальные изменения жизненного мира, в которых западные общества были первопроходцами. Это длительный, исторический процесс, включающий в себя ряд определяющих элементов культурной и общечеловеческой эмансипации.

Глобализация является экзогенным двигателем модернизации в локальных сообществах, влияя на ее воспроизводство и степень радикализации. Интенсивность, глубина, приоритеты модернизации во многом задаются процессами глобализации, вызывающими адаптивную реакцию и переструктурирование национальной социокультурной системы.

Процессы социокультурной регуляции в модернизирующемся обществе определяются под воздействием двух, во многом противоположных, источников, а именно социокультурной традиции, с одной стороны, и экзогенным влиянием (глобализация как экзогенный субъект российской модернизации). Социокультурная традиция в свою очередь, достаточно амбивалентна, что, в не малой степени, обусловлено процессами адаптационной модернизации, которым социокультурная сфера российского общества подвергается около трех столетий. В это период, со срывами и отступлениями, происходит процесс адаптации экономической, военной, социокультурной, политических сфер жизни общества и государства к вызовам западной цивилизации модерности, сформировавшейся в Новое время.

- I. В условиях современного мира, в котором формируется единое информационное пространство, идеология почвенничества (самобытничества), третьего пути не является позитивной альтернативой для России. Глобальный взаимообмен идеями, технологиями, знаниями становится определяющим фактором исторического развития человечества, идущего по пути создания единого пространства культуры.

- II. Для успешной модернизации российской социокультурной системы необходима открытость как внешних, так и внутренних социокультурных и экономических коммуникаций.
- III. Дальнейшее движение России по пути модернизации во многом равнозначно движению к экуменизму, толерантности, отказу от мессианской роли, политической, экономической и культурной интеграции в состав Единой Европы, западной модели цивилизации позднего модерна.
- IV. Важнейшим условием успешности модернизационных процессов является отход от архаического синкретизма, который, во многом, обуславливает характеристики российской социокультурной традиции, возможен на пути поликонфессиональности, повышения общего уровня толерантности в культуре и обществе.
- V. Успешное осуществление в России модернизационного проекта требует ясного осознания того, что Россия является частью Европейской (христианской) цивилизации, в этом направлении развивается российская социокультурная система в течение длительного исторического периода.
- VI. Глобализация является очередным этапом модернизации, характеризуясь формированием интегрированного экономического, информационного, политического и культурного пространства.
- VII. Глобализация представляет собой векторный поток перемен, движение к взаимосвязанному, взаимодополняющему миру, основанному на институтах и, в меньшей мере, ценностях западной цивилизации.
- VIII. Процессы глобализации являются мощным экзогенным двигателем российской модернизации, влияя на ее воспроизводство и степень радикализации. Интенсивность, глубина, приоритеты модернизационных процессов в России во многом задаются процессами глобализации, вызывающими адаптивную реакцию российской социокультурной системы.
- IX. Дихотомия универсализма и локализма в российской социокультурной системе проявляется в перепадах регионального развития, наличием доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных районов.

Российская модернизация представляет собой «гибридизацию» и «анклавное» развитие.

X. Формирующийся российский средний класс является потенциальным субъектом российской модернизации, имманентной общественной силой, способной сделать этот процесс самоподдерживающимся, вне зависимости от наличия воли к модернизации у политической власти.

XI. Гетерогенность российского социокультурного пространства является как вызовом, поиск ответа на который продолжается и сегодня, так и источником избыточной креативности, возможностей, вариантов будущего развития.

Мы знаем, что начиная с европейского Нового времени историческая и социокультурная динамика в России характеризуется диахронным мегатрендом, представляющим собой движение от традиционной к модернизированной институциональной и ценностно-нормативной системам. Формирование мегатренда обусловлено адаптационной реакцией на взрывной рост социокультурной динамики в рамках западной цивилизации. Наблюдается разная степень интенсивности динамики мегатренда, движение неравномерно, осуществляется рывками (реформы, революции), за которыми следует возвратное (инверсионное) движение. На этом этапе закрепляется лишь часть инноваций, характерных для периода интенсивной динамики. Тем не менее, инверсионное, возвратное движение следует рассматривать лишь как флуктуации в рамках мегатренда.

Его возникновение является ответом на вызов западной цивилизации, который Российская империя не могла не принять. Мегатренд характеризуется имманентной инерцией, но характер этой инерции различен в разные исторические эпохи и в различных социальных слоях. В период существования Российской империи, Советского Союза и первых постсоветских лет (90-е годы XX века) характер инерции определялся модернизаторскими усилиями верховной власти, общество играло лишь комплиментарную (дополнительную) роль. Современный этап

модернизационного развития социокультурной сферы российского общества развивается в контексте глобализации, которая рассматривается нами как продолжение модернизационного проекта. Процессы глобализации во многом выступают в роли внешнего субъекта российской модернизации, вызывая адаптационную реакцию российской социокультурной системы.

Литература

- 1 Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997.
- 2 Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
- 3 Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко–культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3.
- 4 Белик А.А. Психология культур: от архаических обществ к современной культуре. М., 2001.
- 5 Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е.Крюкова и др. Научн. ред. В.А.Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
- 6 Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М., 2004.
- 7 Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб., 2000.
- 8 Неклесса А.И. Конец цивилизации, или зигзаг истории / Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит. 2002. С.109–142.
- 9 Бхаскар Р. Общества М.: Прогресс, 1991.
- 10 Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
- 11 Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию/ Пер. с англ. под ред. А.А. Панченко. – СПб: «Евразия», 1998. – 352 с.
- 12 Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебное пособие. – М., 2001.
- 13 Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.
- 14 Политическая культура: теория и национальные модели/ Гаджиев К.С., Гудименко Д.В., Каменская Г.В. и др. М.:, 1994.
- 15 Политические системы и политические культуры Востока / Моек гос ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М., 2006.
- 16 Терборн Г. Глобализации: Измерения, исторические волны, региональные эффекты, нормативное регулирование // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная

литература. Сер. 11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.–информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2002. № 4. С.11–16.

17 Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М., 1992.

18 Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

19 Шмитт К. Глоссарий: Заметки 1947-1951 годов // Политическая наука: Типы власти в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. – М., 1997.

20 Савицкая Т.Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы// Глобальное сообщество: картография постсовременного мира/ Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С.76-104.

21 Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

22 1.Ильин М.В., Иноземцев В. Л. Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001.

Глава II. После империи

I. История России и СССР от А.Ахиезера, И.Клямкина, И.Яковенко и Е.Гайдара

В октябре 2005 года фонд «Либеральная миссия» и «Новое издательство» выпустили в свет новую книгу известных российских культурологов и политологов Александра Ахиезера, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко – «История России: конец или новое начало?» Несмотря на то, что на суд читателя представлены философские, культурологические и политологические опосредования непростых исторических событий российской истории, написана она удивительно простым и ясным литературным языком. Возникает впечатление того, что книга эта написана на одном дыхании, в один присест. Но такое представление обманчиво, подобная легкость письма достигается только трудом, работой над многими редакциями текста. Сам текст очень уплотнен и информативен – это как раз тот редкий случай, когда «словам тесно, а мыслям просторно». Наконец, книга просто увлекательна, очень

скоро замечаешь, что ее можно начинать читать буквально с любой страницы, а оторваться от текста уже трудно.

Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко объединили свои усилия для того, чтобы читатель мог лучше понять феномен и эволюцию российского государства, его базовые политико-идеологические и социокультурные основания. Авторам, а соответственно и читателям, интересны также способы консолидации политической власти, элиты и населения, используемые государством на разных исторических этапах.

Тем не менее у читателя может возникнуть вполне справедливый вопрос: почему опять обращение к истории? – ведь исторические события давно описаны, а многие из них вошли в хрестоматии по курсу школьной истории. Вопрос риторический, но многие ли наши сограждане читали не только корпус работ Р. Пайпса и М. Геллера, но и классиков исторической науки – С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского, М.Н. Покровского... Благодаря новой книге Александра Ахиезера, Игоря Клямкина, Игоря Яковенко читатель может не только освежить и пополнить свои знания по отечественной истории, но и получить объяснения причин и следствий тех или иных исторических событий и процессов. Опираясь на репрезентативно представленные работы по отечественной истории, авторы рассмотрели огромный исторический материал, хронологически охватывающий период от истоков формирования Киевской Руси до наших дней, – мы погружаемся в поток российской истории, во многом определяющий нашу современность и возможные сценарии будущего.

Но главная причина этого интереса к истории в том, что российское (советское) прошлое не отпускает настоящее, и для того, чтобы лучше понять возможные альтернативы для современной и будущей России, нам необходимо думать над неразрешенными в истории проблемами и несросшимися разломами социокультурного раскола. Пусть и в новой форме, они воспроизводятся сегодня – мы вынуждены их решать во имя свободного развития российского человека и европейского выбора страны. Несмотря на достаточно модные в 90-е годы

прошлого века утверждения о конце истории, это не про нас, мы по-прежнему живем в ее гуще.

Заметим, что о многих известных и даже хрестоматийных событиях российской истории и современности Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко размышляют в контексте либерального подхода, что соответствует изначальному замыслу книги. Мы вполне сочувствуем авторскому желанию привлечь внимание читателя к тому, как Киевская Русь и Московия укоренились в первом осевом времени и к процессу длительного и мучительного, но еще не завершеного вхождения России во второе осевое время – время законности, соблюдения прав человека и прав собственности – усвоения страной европейских ценностей. Но они не оставляют без внимания и макропроцесс воспроизводства и постепенного изживания системы авторитаризма (или так называемой «Русской Системы»⁷²).

Поскольку именно особенности «Русской Системы» непосредственно определяют содержание нашей истории, а опосредованно и современности, мы укажем на ее основные черты. Прежде всего, «Русская Система – это система, при которой Русская Власть блокирует субъектность элитных групп, опираясь на пассивную или активную поддержку лишенной субъектности населения» (126). Иными словами, субъектом политики является власть, персонифицированная в характерных для разных исторических эпох образах великого князя, царя, императора, генерального секретаря ЦК КПСС – они одни и обладают полнотой субъектности. Народ такой субъектностью не обладает, исключение составляют периоды серьезных кризисов государственности (смутное время, крупные казацко-крестьянские восстания, революции).

Но особенность этой системы в том, что субъектность элитных групп общества также претерпевает максимально возможное в данных исторических

---

⁷² Авторы книги «История России: конец или новое начало?» используют в данном случае терминологию Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, которые в 1995-1998 годах опубликовали ряд статей, посвященных российской истории в журнале «Рубежи» и в «Русском историческом журнале».

обстоятельствах ограничение. Конкретные, исторически обусловленные, методы блокировки субъектности российской элиты находятся в широком диапазоне: от массовых физических репрессий до сравнительно мягкого выдавливания отдельных представителей элитных групп с российского политико-экономического поля в европейскую и североамериканскую эмиграцию. В качестве исторических примеров подобных репрессий можно вспомнить антибоярскую опричнину И. Грозного и уничтожение партийной элиты И. Сталиным, но есть и промежуточные методы, примером которых сегодня может служить арест и тюремное заключение М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева.

В основе «Русской Системы» лежит так называемая «отцовская» – патерналистская – матрица, построенная по образу положения и властных полномочий «большака» в патриархальной крестьянской семье. Для нее характерна и военная/полувоенная матрица, организующая общество и государство, что особенно наглядно в периоды внутренних кризисов и смут, когда система самовосстанавливается движением народных низов, а во внешней политике государства она проявляется в стремлении к военнодержавию. Военная/полувоенная матрица организует и русскую власть: «Русская Власть – это, конечно, Власть-моносубъект. Но лишь потому и постольку, поскольку в пределе она – Власть-милитаризатор, чем и обусловлено в конечном счете ее историческое своеобразие» (153).

Для своего существования и воспроизводства эта авторитарная система вынуждена искать и находить внешнего или внутреннего «врага», делить мир на «мы» и «они». По своим ментальным основаниям она мобилизационна и изоляционистски-оборонна, а ее адепты склонны искать причины возможных поражений не в системных изъянах, но объяснять их в духе конспирологии и преступного небрежения и ошибок отдельных исполнителей. Сама «Русская Система» непогрешима, она лишь страдает от происков внешних и внутренних врагов, а также ошибок и нерадения исполнителей, из числа которых всегда можно выбрать виновных во всем. Так что, устранив недругов и примерно

наказав исполнителей, можно и дальше проводить аналогичную политику, совершать выдающиеся ошибки и нелепицы, которые, впрочем, с точки зрения самой системы, таковыми не являются.

Вместе с авторами книги «История России: конец или новое начало?» обратим внимание читателя еще на один источник формирования и воспроизводства «Русской Системы». Это особенность нашего принятия и интериоризации христианства. Мы знаем, что европейское христианство возникло как народное движение в географических границах Римской империи, при всех эксцессах периода становления сохраняя преемственность с поздней античной культурой. Позже христианизация захватила и окраинные европейские народы, где процесс распространения христианства шел уже не снизу, но сверху, от власти, не имея к этому сколь-либо серьезных внутренних предпосылок. К моменту распространения христианства на территории Киевской Руси местное язычество было еще вполне жизнеспособно, на столетия после этого оставаясь фундаментом, на который надстраивались институты христианской церкви. Следствием этого явилось перенесение языческих по своей генеалогии представлений на формирующиеся институты, в том числе институт власти. В народе возникает феномен двоеверия, когда стихийный сельский язычник принимает внешнее (обрядовое) христианское благочестие, не меняя своего внутреннего качества. Во власти наблюдаются сходные процессы, когда православный царь выступает прямым преемником и воплощением языческого тотема, разумеется, в обрамлении христианской фразеологии. Таким образом, в течение столетий христианство остается лишь формой, разлученной с содержанием, слабо и частично проникая в гущу народной жизни.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что «русская система» выражается в «синтезе “отцовской” культурной матрицы, языческой интерпретации христианства и армейской организации жизни» (163).

Обладая устойчивой неустойчивостью, эта система парадоксальна, ее архаичное соотношение догосударственного начала и государства способствует воспроизводству глубинного социокультурного раскола⁷³, оформленного в соответствующем духу времени ситуационном обличье. И главная причина воспроизводства старых и возникновения новых линий (трещин) социокультурного раскола в отечественной истории заключалось в том, что сам «культурный фундамент конструкции оставался расколотым. Расколотым же он оставался потому, что в большое, государственно-организованное общество были перенесены модели жизнеустройства локально-племенных, догосударственных миров» (85).

Важно помнить, что сам по себе социокультурный раскол не является чем-то уникальным и единичным, через него «прошли все народы на стадии их превращения в государственные» (21). Мы отличаемся от других народов лишь особой устойчивостью раскола к течению исторического времени, его воспроизводством тогда, когда у народов Западной Европы он был уже не только преодолен, но и стал далеким прошлым. Естественно, что внешнее оформление и содержательное наполнение конкретных форм социокультурного раскола в каждую историческую эпоху соответствует ее неповторимым условиям, и именно в них выражаются ее основные противоречия.

Что касается интенсивности раскола, то она отличается в разные периоды российской истории. Не углубляясь в эмпирику его многочисленных исторических проявлений, столь обстоятельно рассмотренных в книге «История

---

⁷³ Более подробно о социокультурном расколе см.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М.: Филос. общество СССР, 1991. 318 с.; Ахиезер А.С. Раскол // Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.390-394.; Ахиезер А.С. Без попыток диалога раскол в русской культуре непреодолим // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С.73-76.; Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С.51-76. А также цикл статей: Ахиезер А.С. Проблемы государственной власти в России // Рубежи, 1995, № 6; 1996, № 1-5, 7, 9.; 1997, № 1-7.

России: конец или новое начало?», остановимся только на трансформациях социокультурного раскола в России XX века. В досоветской России ситуация социокультурного раскола была явственна – тогда различные социальные группы и субкультуры тяготели к одному из двух полюсов устойчиво воспроизводящейся бинарной оппозиции. Мы полагаем, что к концу XIX – началу XX века с известной долей условности можно говорить о сформировавшемся полюсе социокультурной динамики, вокруг которого группировались образованные и экономически успешные социальные группы – потребители и творцы технических достижений цивилизации и высокой (элитной) культуры, в определенном смысле модернисты, устремленные в будущее. Второй полюс, условно обозначаемый нами как полюс социокультурной статики, выражался в архаической, часто дописьменной народной культуре, вокруг него концентрировалась основная масса крестьянства⁷⁴ и мещанства небольших российских городов.

Придя к власти, большевики постепенно ослабили оба этих полюса, лишив их прежней силы и определенности. Мы понимаем, что как социокультурная реальность, так и ее полюса не могут воспроизводиться во времени без участия живого, действующего человека, современника и соучастника событий. Большевики постепенно уничтожили физически, изгнали из страны, вытеснили в маргинальную область подавляющую часть образованных и экономически успешных людей, зачастую упразднив само название представляемых ими социальных групп. Но полюс социокультурной динамики не может быть полностью уничтожен, ведь это означает распад общества и гибель государства. Большевики заполнили модернистский полюс социокультурной динамики собой, но это было уже качественно иное наполнение, особенно после масштабных сталинских чисток партийных кадров второй половины 30-х годов XX века.

---

⁷⁴ Вспомним характеристику, данную российскому крестьянству середины XIX века В. Вейдле: «Крестьяне... сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена». См.: Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. С. 139.

Что касается полюса социокультурной статики, то архаические массы крестьянства и мещанства были раздроблены и перемолоты молохом коллективизации, индустриализации, государственных репрессий. Здесь большевики уже не могли пойти на полное или преимущественное уничтожение представителей этих социальных групп, ведь они совокупно составляли более 90% населения страны. Поэтому хотя их физическое уничтожение было частичным – это миллионы и миллионы наших соотечественников, – точную цифру сознательно умерщвленных людей мы не знаем и сегодня. В результате советского периода нашей истории второй, выражающий архаику, полюс бинарной оппозиции, потеряв определенность своего системного качества, оказался ослаблен и частично демонтирован. В результате стала размываться сама бинарная оппозиция социокультурных полюсов, заметно уменьшилось и символическое расстояние между ними.

В силу ряда историко-культурных факторов сложилось так, что в Московском царстве, России и СССР сравнительно медленно формировался культурно-смысловой комплекс, опосредующий разведение этих космологических полюсов. Расколотой стране не хватало медиации, диалога между полюсами как разговора людей и идей, что сужало выражающую интересы сущего срединную область культуры и социального бытия.

Однако формирование такого опосредующего культурно-смыслового комплекса резко ускорилось в России/СССР в течение прошлого века. Медиация, диалог всех со всеми происходил в течение большей части XX века в лагерных бараках, на фронтах мировых войн и локальных конфликтов, в коммунальных квартирах, душных «есенинских» пивных, в поездах, в геологических экспедициях, в процессе освоения сырьевых запасов Сибири и подъема казахстанской целины. Так, за счет физического усекновения и социальной изоляции людей неординарных, составлявших ранее основу полюса социокультурной динамики, с одной стороны, и введения всеобщего среднего образования – с другой, подтянувшего до срединного уровня выходцев из слоев

социокультурной архаики, общество к концу советского периода стало куда более однородно.

Возвращаясь к тексту книги «История России: конец или новое начало?», которая и подвигла нас на эти размышления, отметим, что в ней рассматриваются четыре периода развития российского государства, каждый из которых рано или поздно заканчивался катастрофой. Книга, собственно, и состоит из одноименных этим историческим периодам разделов: Киевская Русь: первая государственность и первая катастрофа; Русь Московская: вторая государственность и вторая катастрофа; Империя Романовых: новые трансформации российской государственности и третья катастрофа; Советская Россия: возрождение державности и четвертая катастрофа.

И лишь последняя, пятая, ее часть названа «Постсоветское государство в ретроспективе и перспективе», когда текущий период еще не завершен и будущее пока еще только вероятно. Но и в современном нам постсоветском периоде в ослабленном и сниженном виде воспроизводятся системные изъяны и пороки сформировавшейся в Московском царстве, Российской империи, СССР социокультурной традиции «Русской Системы». И именно наследование этим порокам и изъянам, несмотря на уже отмеченное нами уменьшение глубины и снижение интенсивности традиционного социокультурного раскола, позволяет говорить о возможной открытости этого катастрофического ряда отечественной истории.

В чем же, собственно, мы видим предпосылки возможного будущего социокультурного срыва, где тенденции, указывающие на потенциальную неустойчивость очередного этапа развития страны? К сожалению, эти тенденции проявились уже сегодня, когда историческое время ускоряется, и результат совершенных ошибок не заставляет себя ждать слишком долго. Мы полагаем, что поиск рецептов для решения новых проблем и вызовов эпохи в авторитарной социокультурной традиции, насильственная актуализация опыта Московского царства, допетровского периода нашей истории, – ведет к повторению схожих исторических ошибок. Сегодня тянуть общество назад в Средневековье, не

только утверждая православие в качестве доминирующей государственной религии, но и рассматривая его чуть ли не как государственную идеологию, – есть опаснейшее заблуждение. Эти действия способны не упрочить, но подорвать социокультурные основания существования постсоветского государства, тем самым ставя под вопрос и его территориальную целостность.

Несмотря на столь серьезные последствия подобной политики сегодня все более отчетливо звучат голоса современных «почвенников», отрицающие универсальную сущность христианства, в котором «нет ни эллина, ни иудея», голоса, в которых все смысловые акценты смещены к подчеркиванию богоизбранности, ни на что не похожей самобытности России и самости русского человека. При этом само христианство рассматривается лишь как удобный инструмент для этнической консолидации и мобилизации русского народа, некий маркер, с помощью которого можно четко разделить человечество на «мы» и «они», «наши» и «не наши», праведные и греховные.

Замысел такой «приватизации» христианства и использования его для этих специфических нужд отнюдь не нов, но в досоветский период нашей истории подобные планы в определенной степени пересекались с той социокультурной реальностью, в которой жила страна. Мы вполне солидарны с А. Ахиезером, И. Клямкиным и И. Яковенко в том, что «...имперско-державная и православная формы государственной идентичности в те времена не были столь ослаблены, как после распада советской империи, успевшей за время своего существования навязать стране атеизм и лишить церковь ее традиционной функции: источником легитимации верховной власти она быть перестала и вернуть ей эту роль в светском конституционном государстве не представляется возможным» (682).

Но размывание традиционных ценностей, происходившее в течение последних десятилетий как в позднем СССР, так в постсоветской России (в наиболее явном виде), привело сегодня к резкой активизации охранительного традиционализма. Сегодня звучат заявления, согласно которым человек может считать себя русским только в случае принадлежности к

православному вероисповеданию: «Православие для нас, русских, – наша матрица, цоколь нашего исторического бытия»⁷⁵. Да, в течение многих веков российской истории это было именно так, но после более чем семидесятилетнего насильственного подавления различных вероисповеданий подобные обобщения сомнительны. Российская империя по преимуществу была страной православной. Но в результате атеистического советского периода и агностического постсоветского, в течение которого сохранялся светский характер образования и массовой культуры – российское общество стало куда менее религиозно.

Наверное, не нуждается в дополнительном объяснении то, почему сегодня, после советского периода нашей истории, мы живем в принципиально иной реальности. Укажем только на результаты социологических опросов, проводимых в 2004 году Всероссийским центром изучения общественного мнения, когда лишь чуть больше половины (51,7%) респондентов, принадлежащих к самым разным этнонациональным группам населения России, заявили, что они верят в Бога. При этом более половины из них (57,5%) параллельно, как бы «на всякий случай», верят в такие сверхъестественные силы и явления, как колдовство и магия, переселение душ, судьба, гороскопы, приметы, НЛО и инопланетяне⁷⁶.

Кроме того, большинство (48,8%) россиян позитивно относятся к распространению в России праздников, пришедших к нам из-за рубежа, таких, как католическое Рождество, день святого Валентина и т. д.⁷⁷, не обнаруживая какого-либо желания отстаивать традиционные для страны религиозные ценности. Эти статистические данные свидетельствуют также о

---

⁷⁵ Дугин А. Г. Русская православная церковь в пространстве Евразии: Выступление на VI Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001 г., Храм Христа Спасителя) // Основы евразийства. М.: Арктогея–Центр, 2002. С. 207.

⁷⁶ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. С.250.

⁷⁷ Там же. С.248.

том, что ни о каком антизападничестве, якобы исконно свойственном русскому человеку, говорить не приходится.

Но главное все-таки в том, что данные социологических опросов свидетельствуют о преобладающей в российском обществе индифферентности в отношении вопросов веры. Сегодня воцерковленных православных людей совсем не много в общем числе тех, кто в той или иной мере идентифицирует себя с православным вероисповеданием. Иными словами, все попытки опереться на православие как государственную идеологию имеют незначительный инструментальный потенциал, ведь несколько процентов российских граждан составляют абсолютное меньшинство от населения страны.

Кроме того, обращение к православию как доминирующей государственной религии и единственно верной идеологии имеет не только государственное, но и собственно церковное измерение. Мы знаем, как марксизм в СССР стал ответственен за ужасы ленинско-сталинского периода нашей истории, хотя имманентных предпосылок для этого в самом марксизме было не так уж и много. Православная церковь, взвалив на себя груз государственной идеологии, тем самым берет на себя и груз ответственности за светскую по определению государственную политику, решения, которые далеко не всегда популярны. В качестве примера достаточно вспомнить вызвавший столь значительный общественный резонанс закон о монетизации льгот. И если «Царство Мое не от мира сего»⁷⁸, а человеческими руками Царство Божие построить на земле невозможно, то стоит ли в угоду псевдопатриотам и лжеправославным поддаваться очередному мирскому соблазну? И здесь нам кажется уместным вспомнить предостережение русского философа Е.Н. Трубецкого, отметившего опасные тенденции своего времени, достаточно явственно воспроизводящиеся и в дне сегодняшнем: «Громилы, лжеправославные, лжепатриоты, а с ними и новые лжепророки подготовят

---

⁷⁸ Иоанн, 18, 36.

новый и более страшный, чем теперь, взрыв большевизма»⁷⁹ – в наших сегодняшних реалиях могут подготовить почву для новой, пятой по счету, российской катастрофы.

В современной России все более заметны и проявления идеологического новаторства «патриотов»-почвенников, заключающиеся в опоре на русский этнический национализм. Этот национализм особого толка, он направлен скорее не на построение национального государства, но на возрождение империи. Другое дело, что имеется в виду строительство этнонациональной – русской, а не всемирной – идеократической империи. Пусть в разной степени, но Российская империя и СССР были такими стремившимися к всемирности идеократическими империями. Беда в том, что исходящее от вышеозначенной категории наших сограждан новаторство, как и обращение к социокультурной архаике, ведет ровно к тем же трагическим для страны и современникам событиям последствиям.

И здесь автору этих заметок трудно удержаться от несколько ернического отступления. Если вполне в «патриотическо»-почвенническом духе пофантазировать на тему всемирного (жидомасонского) заговора против святой Руси, Российской империи, СССР, то картина вырисовывается следующая. Представим себе некие могущественные и злокозненные силы, которые не только планируют погубить святое российское государство, но и выделяют для этих богомерзких целей определенные денежные средства, осуществляют информационную и иную поддержку данного «проекта», тасуя колоду наличных в стране политических сил, выбирая – кто же сможет выступить в неприглядной роли подобного погубителя?

Ответ, на первый взгляд, парадоксален, но при более внимательном рассмотрении все становится на свои места. В многонациональном и многоконфессиональном государстве ставка на русский национализм и националистов может привести лишь к радикальному увеличению

---

⁷⁹ Трубецкой Е.И., князь. Из путевых заметок беженца// Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 307.

национализма «малых» народов, усилить в стране не центростремительные, но центробежные силы. В полиэтническом и поликонфессиональном российском обществе крайне опасно играть на этнонациональных чувствах – акцент на этнической и религиозной идентичности ни к чему, кроме повышения вероятности распада государства, привести не может.

К сожалению, рудименты «Русской Системы» присутствуют в ментальности российской политической элиты и части общества⁸⁰, функционируя как взаимосвязанный комплекс, представленный в широком наборе исторических вариаций. Для российского общественного сознания не прошла даром длительная «селекционная» работа власти, когда «любое личное “хочу” постепенно лишалось статуса подлинности и переводилось в разряд профанного по сравнению с безличным и одновременно персонифицированным государственным “надо”. Более того, это “надо” надлежало воспринимать не как нечто навязанное и предписанное извне, а как предельное проявление личного “хочу”. Иными словами, человеку предписывалось желать лишь сознательного и беспрекословного подчинения государевой воле, усматривая в нем высшую добродетель» (163).

---

⁸⁰ «Убежденные сторонники «русской системы» в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, составляют менее 7% респондентов. Невелик и их резерв (22%), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков «русской системы». В том и другом случае речь идет о группах населения с очень высоким процентом пожилых людей и низким уровнем образования. Между тем сторонники модернистской альтернативы «русской системе» (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют 33% населения при несколько большем по численности резерве (37%)». Данное утверждение основывается на результатах социологического исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века». Опрос был проведен по всероссийской выборке 1600 человек на базе ВЦИОМ по заказу Клуба «2015» исследовательской группой в составе Т.И. Кутковец (автор исследования), А.И. Гражданкиной, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко. См.: Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости. С.103.

Мы вполне признаем, что «Общество в большинстве своем отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и опеки. “Русскую систему” оно переросло еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего. Дальнейшая модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми»⁸¹. Однако российская элита тоже часть общества, и ее неготовность управлять свободными людьми, вкуче с латентным сохранением ментальных элементов «Русской Системы» даже у части общества, при определенном стечении исторических обстоятельств может привести к попытке ее институционального воспроизводства. То, что любая подобная попытка будет неудачна – понятно уже сегодня, мы вполне солидарны с авторами в том, что «жизненную почву, питавшую такие проекты, XX век оставил в прошлом» (694). Тем не менее, заведомая неудачность подобных прожектов не снижает степень их опасности для человека, общества и государства. Вспомним, что национал-социалистический проект в Германии тоже был неудачен, но насколько была трагичной попытка его осуществления для немцев и других народов Европы.

Перефразируя Чехова, можно сказать, что все мы, вне зависимости от разделяемых нами научных концепций и исповедуемых политических взглядов, в той или иной степени вынуждены по капле выдавливать из себя остаточную ментальность догосударственного человека и державного/имперского раба. Заметим, что остаточная ментальность догосударственного человека нисходит к архаическому доосевому времени, а державного/имперского раба – ко времени его укоренения в первом осевом времени. Процесс излечения, сопровождающийся усвоением норм и ценностей второго осевого времени, труден и мучителен, но без него незавидны перспективы российского общества и человека – и этому

---

⁸¹ Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости. С.103.

излечению немало способствует книга А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?»»

Итак, для самого существования постсоветского российского государства не только неэффективны, но крайне опасны как опора на этнический национализм и неоимперскую политику, так и попытка превращения православия в национальную идеологию. Сегодня граждане России находятся перед очередным историческим выбором, но внятного ответа на вопрос о том, какую Россию мы задумали строить – нет ни у политической элиты, ни у общества. Понятно, что основные варианты такого строительства группируются вокруг двух принципиально различных альтернативных проектов. Или мы строим демократическую, рациональную, успешную и высокотехнологичную постиндустриальную Россию, или стремимся к воспроизводству духовных, а то и институциональных элементов «Русской Системы».

Сегодня в обществе присутствуют обе эти разнородные и разнонаправленные тенденции⁸². Но стремление к их одновременному воплощению ведет не только к максимальной неэффективности, но и к заведомой неосуществимости проекта по строительству новой России, попутно содействуя раздвоению массового сознания и привнесению в общество известного элемента шизофрении.

---

⁸² И в этом наблюдаются некоторые исторические аналогии не только с эпохой Александра III, с его политикой «подмораживания» России, но и с действиями российского правительства при Николае I. См., например, характеристику проводимой при Николае I внутренней политики, данную А. Безансоном: «Позиция же правительства была противоречивой. На практике оно продолжает линию Просветителей и силится административными методами подтолкнуть Россию к современной европейской цивилизации. И вместе с тем оно самовластно внедряет идеологию, полностью противоречащую его реальной деятельности. Оно настаивает на основополагающем, онтологическом различии России и Европы, оно пропагандирует русское мессианство, запечатленное в имперском лозунге “Православие, самодержавие, народность” – лозунг империи провозглашён». Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М.: Издательство «МИК», 1998. С. 16.

Мы, как и авторы, полагаем, что стратегическая доминанта развития страны не может быть одновременно направлена в противоположные стороны, рано или поздно исторический выбор делать придется. Как российской политической элите, так и обществу в целом хватит кокетничать и прятаться от истории – Россия это Европа, необходима политическая воля для определения стратегического вектора развития страны: «Обретение Россией европейской идентичности, ее интеграция в западное цивилизационное целое соответствует ее стратегическим интересам не меньше, чем интересам самого Запада» (700).

Придерживаясь твердого убеждения, что этот стратегический вектор может и должен быть направлен на интеграцию России в евроатлантическую по своей генеалогии цивилизацию модерности, заметим, что такого рода интеграция не может быть единомоментной, это сложный и длительный макропроцесс. Вспомним, например, что Турция стремится в Европу со времен Мустафы (Кемалья) Ататюрка. Да, это долго, но сегодня европейцы всерьез обсуждают вопрос об институциональной интеграции Турции в Европейское сообщество. Но Россия с куда большим основанием относится к Европе, нет только четкого политического выбора и терпения, и тогда тактические неудачи в масштабе нескольких лет – не десятилетий – заставляют политическую элиту шарахаться из стороны в сторону, эскейпистски отворачиваться от настоящего и будущего во имя отдаленного прошлого.

Следует отметить, что и главная проблема России, заключающаяся в необходимости перехода к органическому интенсивному саморазвитию, не может быть решена в рамках «Русской Системы», поскольку она всегда использовала экстенсивную модель развития. Очевидно, что «экстенсивное развитие – это развитие за счет присвоения чужих ресурсов. Ресурсы могут быть естественными (земля, люди) и культурными (знания, технологии). Но в том и другом случае они присваиваются в готовом виде... Экстенсивная модернизация, т.е. присвоение и освоение чужих культурных достижений, отличается от интенсивной тем, что предполагает заимствование результатов

инноваций без приобретения способности к самим инновациям, которую заимствовать нельзя» (264).

Что касается пределов использования экстенсивной модернизации, то в процессе перехода к постиндустриальной экономике неэффективны приемы периода ускоренной индустриализации. Сегодня рабский труд неконкурентоспособен, уже нельзя вернуться к такому положению вещей, при котором несвободный ученый и инженер добивался достижения военно-технического паритета с наиболее развитыми странами Европы и Северной Америки. Из воспоминаний свидетелей событий, исторических документов и художественных произведений мы знаем, что платой за научные открытия и технологические изобретения служили относительно приемлемые в сравнении с остальной системой ГУЛАГа условия жизни – койко-место с постельным бельем и достаток хлеба с некоторой толикой масла.

Успех модернизации в постсоветской России определяют наличие свободного человека и открытость миру, формирование продуцирующего инновации социокультурного пространства. Нужна модернизация не во имя перманентного усиления военно-политической мощи империи, но во имя развития общества и человека. Нужен воздух свободы, которого так мало в социокультурном пространстве, пронизанном эманациями «Русской Системы».

В условиях постсоветской России экстенсивный тип развития малоэффективен, для его поддержания нет прежних базовых ресурсов. Но мы и сегодня живем преимущественно в экстенсивной парадигме, используя последний ресурс экстенсивного развития – изобилие нефти, газа и иных природных запасов. Наличие огромных сырьевых запасов пролонгирует возможность экстенсивного развития, отодвигая в неизвестное далеко переход к интенсивному инновационному развитию на основе революционных технологий. Живя за счет использования природной ренты можно пропустить очередную научно-техническую революцию, плавно и

скачкообразно наращивая свое отставание от регионов, использующих парадигму интенсивного развития.

Что касается ограничений ресурсной базы экстенсивного развития, то сегодня практически невозможно территориальное расширение российского государства, затруднено установление политического и хозяйственного контроля над сопредельными территориями. Хотя и здесь еще не все потеряно, вспомним хотя бы проект по созданию «либеральной империи». К относительно новым ограничениям, препятствующим экстенсивному развитию, относится уменьшение трудовых ресурсов и распространение европейской модели демографического воспроизводства народонаселения. Заметим, что это не только наиболее важные внутренние ограничения для экстенсивного развития, но и для институционального воспроизводства «Русской Системы», в том числе и в ее державно/имперской ипостаси.

Самое серьезное внутреннее ограничение, переводящее проекты по восстановлению имперского величия и могущества в чисто идеократическую плоскость, относится к сфере демографии. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что укоренившаяся в современной России модель нуклеарной семьи с одним ребенком не обеспечивает не только увеличения, но и простого воспроизводства населения страны. Но тем ценнее каждая человеческая жизнь, тем меньше возможностей для ведения крупномасштабных военных действий, коими так богата была российская история. В истории остались слова генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, обращенные к удрученному огромными потерями под Нарвой императору Петру Великому: «Не печалься, батюшка-царь, бабы еще нарожают». В постсоветской России – больше не нарожают, можно сколько угодно грезить об имперском могуществе и державном величии – без многодетной патриархальной семьи эти грезы так и останутся в области утопии. Конец патриархальной семьи в России, переход на нуклеарную семью преимущественно с одним ребенком – это условие и синоним конца российского империализма. Нет массы молодых людей – нет

физической возможности для удержания, а тем более восстановления империи ни в границах 1991, ни тем более 1913 года.

Для проведения российской политической элитой авторитарно-консервативной и неоимперской политики самым серьезным внешним ограничением является институциональное расширение Европейского союза и Евroatлантического оборонительного альянса. Сегодня Россия непосредственно соприкасается с НАТО на северо-западе, и опосредованно, через Украину и Беларусь, практически на всем протяжении своих западных границ. Мы наблюдаем беспрецедентное по своим масштабам и скорости происходящего расширение единой Европы, захватившее и «братьев славян», которые делают совершенно недвусмысленный выбор в пользу Запада, а не Востока, европейской интеграции, а не союза с Россией. Так, «большинство православных народов ориентированы сегодня на интеграцию в западную цивилизацию и в лидерстве России и опеке с ее стороны потребности не испытывает» (682), а «...(украинский народ. – С.Г.) демонстрирует отчетливую готовность продать имперское первородство за чечевичную похлебку членства в НАТО и ЕЭС»⁸³.

Но «если есть “незалежна Украина”, то нет и не может быть полноценной (русской. – С.Г.) империи. Если есть украинская нация, то нет имперского русского народа, включающего в себя велико-, мало- и белорусов. Украинцы на наших глазах предают великий принцип инаковости России по отношению к Европе, великое дело противостояния, страха и ненависти к Западу, завещанное нам еще Александром Невским»⁸⁴. Большое видится на расстоянии, и более или менее адекватное осознание важности произошедшего осенью/зимой 2004/2005 годов на Украине будет осознано

---

⁸³ Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. Т. XVI. М., 2005. С.68. Заметим, что статья И.Г. Яковенко, посвященная новейшим процессам в Украине и их соотнесенности с российскими трансформациями, дополняет книгу «История России: конец или новое начало?» в части последнего раздела «Постсоветское государство в ретроспективе и перспективе».

⁸⁴ Там же. С.67.

как народами, так и историками несколько позднее, по своим более отдаленным результатам. Мы полагаем, что в результате «оранжевой» революции на Украине потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение проект нового российского империализма; не успев начаться, провалилась попытка сколачивания антизападного блока из государств СНГ.

Итак, российское общество и политическая элита имеют дело не просто с расширением европейских и евроатлантических структур на восток Европы, но и с активным участием в этом процессе наиболее близких россиянам славянских народов. Сегодня это независимая Украина, завтра, с большой долей вероятности, Республика Беларусь. Мы полагаем, что проевропейский выбор славянских народов резко сужает возможности для любых форм имперской реставрации, об этом можно только грезить, но подобные проекты заведомо непереводимы на язык практической политики. Таким образом, все неоимперские проекты в этом роде обречены сохранить свой имитационно-фарсовый характер, как, впрочем, и иные попытки воссоздания тех или иных элементов «Русской Системы».

Мы вполне согласны с авторами в том, что «...интеграция в европейское (западное) цивилизационное целое предполагает всего-навсего последовательное жизневоплощение тех правовых принципов, которые записаны в действующей российской Конституции» (696). Но из советской истории мы знаем так же и то, что декларирование демократических принципов еще не означает их практического соблюдения. Здесь достаточно вспомнить сталинско-бухаринскую конституцию 1936 г., и проходившие с 1965 г. выступления правозащитников под лозунгом – «Соблюдайте вашу конституцию». Сегодня мы наблюдаем восстановление модели имитационно-правовой государственности, когда «имитационность неизбежно распространяется и на демократию, т.е. на сферу *политических* прав и свобод» (658). Более того, «Имитационность – это и есть способ функционирования государства в обществе с протогосударственной культурой...» (658), и пока

культура протогосударственна, а общество атомизировано – нельзя априорно исключать возможность негативных сценариев нашего будущего.

Русским европейцам нельзя самоуспокаиваться и благодушествовать: играя в великодержавную риторику, политическая элита страны способна заиграться, под воздействием собственной пропаганды выйти за границы здравого смысла, против своей воли оказаться втянутой в ситуационную логику неоимперского процесса. Следование неоимперской практической политике катастрофично, неизбежно сопряжено с человеческими страданиями и территориальной дезинтеграцией российского государства, разрушением его географической целостности.

Сегодня все мы современники и невольные свидетели/участники происходящих в стране событий. Мы знаем, что в постсоветской России сказанное слово слабо влияет на изменения социокультурной реальности, но способно вызвать научный и общественный резонанс. Мы знаем также, что вопрос о роли личности в истории открыт и сегодня, пока мы остаемся современниками событий, у нас остается хотя бы теоретический шанс что-то изменить, попробовать избежать осуществления наиболее негативных сценариев российского будущего. Завтра, когда очередные исторические события уже произойдут, это будет уже невозможно, поэтому мы, вслед за авторами книги «История России: конец или новое начало?», пытаемся успеть сегодня. Этим желанием успеть и объясняется наше стремление не только откликнуться на аналитический дискурс Александр Ахиезера, Игоря Клямкина, Игоря Яковенко, но и обозначить свою научную и гражданскую позицию по отношению к изменчивым трактовкам нашего прошлого, свою надежду на исторический европейский выбор нашего настоящего и будущего.

Гибель советской империи. Взгляд Егора Гайдара.

Гибель Римской империи, Византии, империи Романовых происходила героически, бурно, представляя яркий, фактурный материал для будущих поколений историков, поэтов, музыкантов. Это материал для античной

трагедии, эпоса, для Вагнера, наконец. Не то гибель империи советской – это история не для Шекспира, не для поэта-романтика и даже не для Проханова. Эта история для экономиста – и вот перед нами книга экономиста Егора Гайдара о гибели советской империи⁸⁵. Это история о времени, которое все-таки потеряли, о безумной организации народного хозяйства, массовом импорте хлеба, спасительных и губительных скачках цен на нефть. Советская империя не пала под ударами внешних врагов, но истлела изнутри, ее экономика не смогла не только ввести советского человека в общество потребления, но и просто его прокормить.

Кажется, что гибель империи случилась так недавно, но за эти полтора десятилетия успело вырасти и социализироваться новое поколение россиян, для которых империя осталась в нежных воспоминаниях счастливого пионерского детства, пятачка на метро и прочих малых, но столь милых радостей советской эпохи. Для них там осталась детство, и сколь бы ни было сегодня хорошо их материальное положение и высока ступень, занимаемая в социальной иерархии, – все равно в детстве, там, в советской эпохе, было лучше. Так же полагают и многие их более взрослые соотечественники, для которых в «прекрасном» советском далеко остались молодость, походы, песни у костра, бесконечные разговоры на кухнях. Свойство человеческой памяти таково, что все плохое со временем уходит на второй-третий план, а хорошее, даже если его было совсем чуть-чуть, помнится как главное, как основное содержание эпохи. «У нас была прекрасная эпоха», мы впереди планеты всей, нас уважали и боялись – у нас была великая империя. И не было якобы никаких весомых причин для ее распада, так, злая воля геополитических конкурентов да «продавшейся» им «пятой колонны» – демократов. Вот такие настроения и оценки бытуют в массовом сознании, так рождается столь хорошо описанный Гайдаром постимперский синдром.

---

⁸⁵ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 440 с.

Но если речь идет о распаде Советского Союза, то причем же здесь Россия, какие такие уроки могут быть для современного российского государства? Ведь в совсем еще недавние 90-е годы новое российское государство пыталось свернуть с наезженной веками имперской колеи, тогда казалось, что мы навсегда отказались от имперских амбиций.

Советский опыт свидетельствует, что имперский путь развития ведет страну к катастрофе. Тем не менее сегодня «риск движения в этом направлении высок». Гайдар сравнивает постсоветскую Россию с Веймарской республикой, приводя примеры почти дословных совпадений отказа от духа и символики демократического национального государства в пользу имперского прошлого – «имперская государственная символика была восстановлена в Германии через 8 лет после краха империи – в 1926 г., в России – через 9 лет – в 2000 г.». Но постимперский синдром в России неразрывно связан с синдромом авторитарным, ведь для власти так велико искушение избежать длительной и порой мучительной процедуры согласований в рамках демократической системы различных экономических, политических, социальных и этнорелигиозных интересов. Гайдар называет формируемую сегодня систему «закрытой (управляемой) демократией или мягким авторитаризмом».

Действительно, сложно и временами мучительно трудно в режиме переговоров, общественного диалога согласовывать интересы разных социальных групп, территорий, столь далеких друг от друга как географически, так и культурно, таких, например, как Северный Кавказ и Дальний Восток. Куда проще выстроить властную вертикаль, пронизывающую бытие сверху донизу, доходящую до каждой социальной, профессиональной и этнической группы, субъектов хозяйствования, политических партий и некоммерческих организаций – передавать им по властной цепочке приказы и распоряжения начальства.

Но если простота авторитарных решений безусловна, то их эффективность вполне условна, более того, они могут принести лишь

сегодняшнюю, краткосрочную выгоду. Выигрывая в тактике, повышая текущий уровень управляемости, авторитарная власть проигрывает в стратегии, ставя под угрозу будущее страны, наше личное будущее. Гайдар полагает, что «факт назначения Президентов автономных республик федеральным центром дает сильные козыри в руки националистам, позволяет им легко доказывать, что Москва воспринимает жителей автономий не как полноправных граждан страны, а как покоренных подданных. Лучший подарок сепаратистам придумать трудно».

Авторитарная политика в духе российской социокультурной традиции ведет к самовоспроизводству разрушения, свидетельством чего могут служить повторяющиеся срывы нашей истории, революционный, а не эволюционный путь развития, когда каждый последующий этап отрицает предыдущий, происходит разрыв исторической и культурной преемственности. Только в XX веке страна пережила два таких разрыва с прошлым, первый – трагический разрыв первых десятилетий советской власти и второй – очистительный, удивительно мягкий, в период социальной революции 90-х годов.

Представляя читателю конкретные цифры, отрывки из сугубо секретных тогда писем и служебных записок представителей различных уровней советской номенклатуры, Е.Гайдар показывает, как неадаптивная авторитарная система шла к своему саморазрушению. В последний период своего существования советская империя перестала отвечать на вызовы времени, по существу решать накопившиеся проблемы. Еще при Сталине их решение сознательно подменялось устранением людей и социальных (этнических) групп, которые эти проблемы озвучивали. Но и после исчезновения человека, превращения его в лагерную пыль, не артикулируемая более проблема остается, постепенно разрушая систему, когда внутри уже ничего нет, все истлело дотла, и осталась лишь одна внешняя оболочка. Гайдар полагает, что именно Сталин во многом ответственен и за крах советской экономики, ведь именно он закладывал ее

фундамент: «И. Сталин, выбрав модель индустриализации, противоположную бухаринской, заложил фундамент экономико-политической системы, в котором со временем стали образовываться крупные трещины, создающие риск его разрушения при относительно скромных внешних воздействиях».

Но советская империя разрушилась не только вследствие дефективности экономического фундамента, недостаточности средств для поддержания зернового импорта, резкого падения цен на нефть и удивительной интеллектуальной немощи и косности правящей бюрократии. Обо всем этом с аргументами и фактами, с привлечением множества архивных и малоизвестных материалов, академично и строго рассказал читателю Е.Гайдар. Существует еще одна важная причина – когда нет демократии, а есть авторитаризм, тогда вероятность саморазрушения системы резко возрастает. Для него не надо внешнего заговора, оно часть авторитарной системы и потому неизбежно, заранее неизвестны только конкретные сроки. И эти сроки неизвестны поэту, но известны экономисту.

Сегодня Россия, как и СССР семидесятых-восемидесятых годов, зависит от конъюнктуры мировых сырьевых рынков, прежде всего углеводородов, зависит от импорта продовольствия. И если прибавить к этой экономической составляющей возможного кризиса отказ от демократии – согласование интересов внутри страны и открытую и скрытую имперскую экспансию вовне – тогда повторение судьбы Советского Союза становится все более вероятным. Только далеко не очевидно, что у истории есть еще один вариант такого удивительно мягкого демонтажа континентальной империи, как это было в случае с распадом СССР. Потому не надо искушать судьбу склонностью к авторитаризму и имперскости, раз за разом совершая одни и те же ошибки, необходимо усвоить уроки, преподанные Советским Союзом, уроки, о которых так ярко и безжалостно напомнил всем нам Егор Гайдар.

Литература

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М.: Филос. общество СССР, 1991. 318 с.
3. Ахиезер А.С. Раскол // Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.390-394.
4. Ахиезер А.С. Без попыток диалога раскол в русской культуре непреодолим // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С.73–76.
5. Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С.51–76.
6. Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001.
7. Дугин А. Г. Русская православная церковь в пространстве Евразии: Выступление на VI Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001 г., Храм Христа Спасителя) // Основы евразийства. М.: Арктогея–Центр, 2002.
8. Иоанн, 18, 36
9. Трубецкой Е.И., князь. Из путевых заметок беженца // Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000.
10. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости.
11. Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М.: Издательство «МИК», 1998.
12. Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. Т. XVI. М., 2005. С.63-76.
13. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 440 с.

II. Россия в постимперском географическом и социокультурном пространстве

Проблема геополитического лидерства сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и

волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких референтных позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы – Германия, Великобритания, Франция, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во многом на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Мы имеем в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика, стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее, несмотря на имперскую традицию,

с которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник Кемаль Мустафа (Ататюрк)⁸⁶.

В Москве с лекцией «Дилеммы европеизации в свете соперничества внутри элит», посвященной сравнению турецкого и российского модернизационного опыта, выступил основатель Стамбульского центра политических исследований Ахмет Эвин. Совпадений здесь, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка семидесяти лет. СССР и стал такой перелицевавшейся, воспринявшей новую марксистско-ленинскую идеологию российской империей, новое вино было влито в старые мехи, очень быстро приобретя привычный вкус, цвет и запах русского империализма.

Поразительна настойчивость турецкой элиты, с которой она не просто стремится в единую Европу, но и воспринимает западные по своей генеалогии нормы, ценности, модели поведения, что относится и к размыванию традиционных исламских ценностей⁸⁷.

Мы полагаем, что главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство

---

⁸⁶ В качестве одного из примеров такого негативного отношения и даже отторжения империи можно привести следующую характеристику: «В государстве, которое, простираясь от Востока до Запада, соединяет в себе различные национальные элементы, обладающие различными характерами и культурой, внутренняя организация естественно порочна в самой своей основе и является потому несостоятельной». См.: Кемаль М. Путь новой Турции. Т. III. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920-1921. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. С. 72.

⁸⁷ Из выступления Ахмета Эвина: «Здесь (в Турции. – С.Г.) довольно трудно найти человека, который был бы готов открыто сказать, что он не верит в Аллаха (если речь, конечно, не идет о представителе другой конфессии). Однако таких людей становится все больше. Общественное мнение приучается к тому, что вопрос веры – это сфера личной жизни человека, неподконтрольной государству и обществу. Индивидуализм постепенно утверждается в Турции». Цит. По: Власова О. Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта-3 апреля 2005. № 12 (459). С.74.

социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколений представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, традиционно ориентированной части турецкого народа в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность⁸⁸.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей личности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующим с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента. Именно в рамках такой самовоспроизводящейся картины мира империя рассматривается как великая ценность, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести такое военно-политическое, экономическое и культурное

---

⁸⁸ Вспомним в связи с этим первых русских атеистов-вольтерьянцев из дворян в екатерининский период нашей истории.

противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию некоторой квазиимперской группировки из стран-сателлитов. Ключевую роль в этом неоимперском строительстве должна была играть пророссийская Украина, но после народной «оранжевой» революции эти геополитические мечтания не только сохранили, но и упрочили свой виртуальный статус.

Сегодня украинская политическая элита совершенно четко определилась со своими идеологическими ориентациями и ценностными предпочтениями, в том числе и с геополитической ориентацией. Ориентация эта вполне однозначна: Украина – это неотъемлемая часть Европы, западного мира вообще.

Мы полагаем, что в результате «оранжевой» революции на Украине потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение проект нового российского империализма; не успев начаться, провалилась попытка сколачивания антизападного блока из государств СНГ. Большое видится на расстоянии, и более или менее адекватное осознание важности произошедшего осенью/зимой 2004/2005 годов на Украине будет осознано как народами, так и историками несколько позднее, по своим более отдаленным результатам. Автору очень хочется верить, и для этого есть крайне серьезные и значительные предпосылки, что таким не очень отдаленным, не позднее 2008 года, следствием «оранжевой» украинской революции станет демократизация и демонтаж авторитаризма и неоимперскости⁸⁹ в современной постсоветской России.

---

⁸⁹ Вот как описывает современное состояние российского общественного сознания Григорий Померанц: «Но пока пустое место (имперского духа. – С.Г.) не занято, снова приходит тоска по безграничному физическому расширению (и бессмысленная воля удерживать во что бы то ни стало какие-нибудь Южные Курилы). И снова захватывает воля к саморазрушению, гениально вылившаяся в «Петушках» Ерофеева и заворожившая наших современников». См.: Померанц Г. С. Из глубины холодной смуты // Неуслышанные голоса. Том 2. М.: Независимое издательство «Пик», 2003. С. 324.

Другой вопрос, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской элиты берет все более отчетливо просматриваемый курс на установление авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному, поэтому уже сегодня неизбежен поиск тех режимов и политических лидеров, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. И здесь выбор достаточно невелик, если он вообще есть. Возможно один-два лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня, и совершенно не возможно не усомниться завтра.

Можно, наверное, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Слободан Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борьбе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, – тем выше будет уровень конечных издержек, как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем бесшабашнее и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пенитенциарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же, все же.... Кроме того, на примере того же Слободана Милошевича видно, что заработанные непосильным трудом деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от привходящей политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристичной внутренней и внешней политики становится более понятно стойкое нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе

с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, что не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску – бывает в истории и так....

Но можно попытаться избежать такого развития событий, покаяться, нижеайше испросить у сильных мира сего иммунитет от уголовного преследования, на деле подкрепив свое прошение примерным поведением в период революционного кризиса. Следование здравому смыслу, заключающееся в признании сложившегося в мире баланса сил вполне может получить свое вознаграждение, в том числе длительный спокойный и обеспеченный отдых в живописных уголках планеты – где-нибудь на Таити, Лазурном Берегу и т.д. Такая судьба вполне может ожидать политиков адаптивных, способных на диалог не на уровне идеологических абстракций, но интересов. Мы говорим о возможном выборе политических лидеров, но их выбор самым серьезным образом влияет на жизнь нации. Да, у нее будет свой выбор, но степень гуманности и бескровности перемен во многом зависит от национальных лидеров, политической и военной элиты, это их историческая ответственность.

Но правители приходят и уходят, а народы остаются, остается геополитическое положение, остается влажный балтийский ветер со стороны Европы, остается историческая неизбежность европейской интеграции. Мы полагаем, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Мы не питаем иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровнях. Но надо осознавать

не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, не совместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод⁹⁰. Мы полагаем, что попытка имперской реставрации ведет к неизбежному сужению личного жизненного пространства, радикально уменьшает вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах, кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неоимперского государства. В нем всего два главных действующих лица – чиновник и силовик (человек с ружьем), и на подхвате – обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов.

Осуществление подобной исторической альтернативы нас абсолютно не устраивает, мы полагаем, что сегодня необходимо максимально четко и жестко сказать «нет» неоимперским поползновениям на постсоветском пространстве, постараться не позволить в очередной раз продлить

---

⁹⁰ Вот как обосновывал необходимость авторитарного, в условиях своего времени, самодержавного правления в начале XX (!) века Н.И. Черняев: «Стоит бросить хотя бы беглый взгляд на карту России, чтобы понять неизбежность Самодержавия для целостности Империи. Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части всей суши. На этой территории живет редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой степени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия. Вспомним, что наша родина имеет естественные границы только на севере и на Дальнем Востоке; на западе же и на юге она их лишена. Ввиду этого она еще более нуждается в крепком, связующем начале». См.: Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. С.30. Насколько разительны совпадения этих идеологических построений столетней давности и сегодняшней неоимперской, а потому заведомо антидемократической политики, проводимой частью российского истеблишмента!

существование империи, как это было после окончания Гражданской войны в России/СССР.

Что происходит в стране сейчас – строительство национального государства или путь имперского реванша? Этот вопрос применительно к России уже не кажется риторическим, как это было бы еще лет десять назад. И здесь нас не спасает история, ведь ее опыт должен быть осознан, отрефлексирован обществом – только так может быть выработано противоядие от имперской идеологии и имперских форм государственного устройства.

Работа над историческими ошибками проведена не была, в общественном сознании стало популярным ложное представление о том, что советская империя стала жертвой конъюнктурных внешних обстоятельств и предательства части политической и интеллектуальной элиты – демократов. Но если все так просто, тогда достаточно попробовать изменить внешние обстоятельства, «укрепить» геополитические позиции российского государства, «пристегнуть» к нему Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, а там, чем черт не шутит, и Украину с Беларусью. Вот такой выстраивается неоимперский проект – в пору бы воспринять его как неудачную первоапрельскую шутку, но мешает все более отчетливое ощущение того, что проект этот не только реален, но уже находится в стадии выполнения. Очевидно, что его осуществление не может не привести к самым серьезным внешнеполитическим издержкам, поставить Россию на грань между войной «холодной» – латентной, и «горячей» – открытой.

Естественно и то, что самые серьезные потери от этого военно-политического противостояния будет нести само российское общество, так апатично «сдающее» сегодня демократические завоевания горбачевско-ельцинского периода. Но демократия – это единственная возможность общества застраховаться от внешнеполитических авантюр, потому сведение ее к декоративным, сугубо внешним, бессодержательным формам означает отказ от самой внешнеполитической «страховки». Мы знаем, какую

огромную цену заплатил народ Германии за отказ от демократии и развязывание Второй мировой войны. Не меньшую цену заплатили за этот выбор немецкой политической элиты и народы Европы. Но это чужой исторический опыт, слишком «далекая» для российского общества аналогия, нас ведь и собственный исторический опыт ничему не учит.

Выстраивание в России системы «управляемой демократии» минимизировало участие общества в принятии решений как во внутренней, так и во внешней политике. Решения эти принимает часть политической элиты, которую с известной долей условности можно определить как ностальгирующих по советской империи «государственников». Ключевой вопрос, на который им приходится отвечать, заключается в следующем: Россия – это часть Европы, потенциальная часть Запада или самостоятельный центр силы – как ЕС, США, Китай? От ответа на этот вопрос зависит наше настоящее и будущее.

Если российская политическая элита отвечает, что Россия часть Европы и потенциальная часть Запада, по аналогии с Германией, которая только после окончания Второй мировой войны вошла в Евро-атлантическую цивилизацию, то тогда расширение ЕС и НАТО на Восток и Юг, на Украину и Грузию не только не опасно, но и желательно. Тогда это движение вместе с Россией – они в НАТО и ЕС раньше, мы позже. Естественно, что формы интеграции в эти международные структуры у маленькой Грузии и большой России могут быть различны.

Есть и другой вариант ответа – Россия является самостоятельным центром силы, самостоятельной восточно-христианской цивилизацией, воплощавшейся ранее в российской и советской империях и долженствующая воплотиться в империи новой. Этот ответ предполагает, что НАТО является военно-политическим конкурентом, продвижение которого к границам России таит в себе серьезную угрозу – угрозу самой возможности имперской реставрации.

Насколько серьезно воспринимается эта угроза и насколько далеко может пойти российская военно-политическая элита, чтобы эту угрозу нейтрализовать? В случае с Украиной угроза воспринимается максимально серьезно. Ведь только вместе с Украиной Россия может в той или иной мере вернуться к имперскому пути развития на основе «православно-славянской» идентичности. Без Украины центр российской имперскости неизбежно сдвинется на Восток, обе головы двуглавого орла будут повернуты от европейско-византийского наследия к наследию востока, монголов, Китая. И если Византии уже давно нет, то набирающий экономическую и геополитическую мощь Китай есть и сегодня. Без Украины новый российский неоимперский проект может стать лишь проектом «возвращения в Орду», идеологическим и военно-политическим дистанцированием от Запада, уходом из Европы.

Сегодня российские «государственники» симпатизируют традиционному имперскому проекту – Россия во главе славянского государственного образования – во главе Украины и Беларуси. Это ядро распавшегося СССР, ядро традиционного российского государства – это, говоря языком геополитики, основная часть хартленда. На какое-то, очень небольшое историческое время, его ресурсов может хватить для противостояния объединенной Европе и НАТО, затем последует очередная геополитическая и социальная катастрофа – это тоже повторение пройденного. Важным для российской политической элиты является и то, что при неоимперском «объединении славян» ярлык на «княжение» будет выдаваться в Москве, в случае же обращения на Восток, к Китаю, «раздача ярлыков» может переместиться в Пекин.

Ясно, что при таком наборе альтернатив неоимперская часть политической элиты России будет отчаянно бороться за Украину, за ее имперскую интеграцию, или, по меньшей мере, пророссийский курс. Ведь интеграция Украины в ЕС и НАТО снимает даже теоретическую возможность традиционной имперской реставрации.

Ставки по Украине зашкаливающе высоки, именно здесь возможен мощный геополитический слом с российским участием, в отличие от событий на Кавказе, в Грузии, которые при всей своей остроте и возможной трагичности могут не выйти за рамки локального конфликта. Не на Кавказ, но на Украину направлено геополитическое острие имперской реставрации. Нужен ли этот геополитический слом, раскол и разделение страны на свой запад и свой восток самим украинцам? Думаю, что нет – вне зависимости от политических и партийных симпатий, даже вне зависимости от языка – украинского или русского. И не так уже важно, поддерживают украинские избиратели Партию Регионов, блок Юлии Тимошенко, Нашу Украину – им всем это не нужно. Это нужно лишь внешним по отношению к Украине неоимперским силам.

Не нужна имперская реставрация и народам России – прекраснородушные неоимперские мечтания «за чашкой чая» дорого обходятся при попытке их практического воплощения.

Главным вопросом, который встает перед политическими, экономическими, культурными элитами постсоветских государств, является проходящий в рамках глобализации процесс ограничения национального суверенитета. Это ограничение предполагает передачу части национального суверенитета на наднациональный уровень, это достаточно объективный и жесткий в своем воплощении процесс. Можно его принимать и под него подстраиваться, но возможно и противостоять, идти против сбивающего с ног ветра истории.

Фундаментальная ошибка части российской политической элиты, полагающей, что есть вероятность выстраивания эффективной и жизнеспособной полуавтаркической политической системы, сохраняющей на своей территории всю полноту суверенитета, распадается на целый ряд более локальных ошибок. Итак, попробуем рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, процесс демократизации «по западному образцу» не только привносится извне, но и имеет определенное количество приверженцев в

разных странах мира, в том числе и в России. Пусть количество этих людей не столь велико, во всяком случае, не преобладающе, это наиболее активная, молодая и успешная часть нации. Это сильные люди, которым не нужно патерналистское государство, люди, которым не нужна империя, люди, которые не будут жертвовать своими средствами, энергией, а тем более жизнью во имя любого антизападного политического проекта. Кроме того, они не расплывлены по огромной стране, но преимущественно сконцентрированы в двух столицах – Москве и Петербурге. Излишне, наверное, напоминать, что революции, как правило, происходят именно в столицах. И здесь ничего не спишешь на конспирологические теории, западную финансовую помощь, происки ЦРУ и Мосада⁹¹. Это все вовне, а внутри этих людей почти инстинктивное отторжение авторитарного государства и имперскости.

Во-вторых, мы имеем совсем недавний опыт военно-политического противостояния со странами НАТО, противостояния, ускорившего падение СССР. Но Советский Союз был куда более сильным, чем современная Россия в различных областях, в том числе в экономике⁹² и в военной области. Советский Союз обладал куда более значительными демографическими ресурсами и «выгодным» геополитическим положением. Всего этого нет у современной России, попытка военно-политического противостояния с Западом приведет к достаточно быстрому обрушению новой постсоветской государственности, ускорит наступление третьего этапа деконструкции империи⁹³. Парадокс истории заключается в том, что любая попытка навязать свое влияние на постсоветском пространстве, приступить к очередному многотрудному этапу собирания земель русских приведет к серьезному риску потери еще сохранившихся земель.

---

⁹¹ Естественно, что этим людям за поддержку западного проекта ничего платить не надо, это глубоко осознанная внутренняя позиция.

⁹² По валовым натуральным показателям СССР был второй/третьей экономикой мира.

⁹³ Первый этап наступил в годы революции и Гражданской войны, второй – в 1991 году.

Кроме того, попытка противостояния объективным процессам, выстраивание антизападного политико-экономического проекта неизбежно потребует обращения к мобилизационной идеологии, поскольку исключительно на неприкрытом насилии подобный режим не сможет существовать в течение сколь угодно малого исторического времени⁹⁴. В связи с этим отметим, что Россия пережила историческое искушение интернациональным социализмом, в общественном сознании возникло даже некое противоядие, но не по отношению к социализму как таковому, но, по крайней мере, по отношению к его интернациональной составляющей. Искушение национальным социализмом, более или менее агрессивными формами национализма еще впереди⁹⁵.

Суть очередной волны «бархатных революций» заключается в отбраковывании политических режимов, претендующих на традиционный, но чрезмерный в современных условиях контроль над процессами, происходящими на национальной территории, в традиционном понимании национального суверенитета. Кто сознательно хочет противиться истории – это несение их личного креста, путь, приводящий в конце концов если не в Нюрнберг образца 1946 года, то хотя бы в благоустроенную и цивилизованную Гаагу времени суда над Слободаном Милошевичем. Но,

---

⁹⁴ Другой вопрос, что и вооружившись мобилизационной идеологией, он просуществует ненамного дольше, время авторитарных политических режимов не просто уходит, но уже ушло.

⁹⁵ То, что происходит сейчас, в чем-то напоминает тридцатые годы прошлого века, когда советский режим отбрасывал интернациональную идеологию, заменяя ее идеологией национальной. «Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР «родина» объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть, прежде всего, национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая. На нее покушаются – мы дадим отпор. И враги – это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии». Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2/ Сост., вступительная статья, примечания Бойкова В. Ф. СПб.: София, 1991. С 53.

господа, как и прыжок из самолета с заведомо неисправным парашютом – это может быть вашим личным политическим выбором – не надо втягивать в него народы, не надо настаивать на коллективном самоубийстве подданных.

Мы настаиваем на том, что любой политический проект, предполагающий сохранение традиционного объема национального суверенитета, несет в себе более или менее значительную антизападную составляющую, и, вследствие этого, обречен на неудачу. Соотношение сил в мире далеко не в пользу тех, кто уповающих на подобные проекты, оно абсолютно, заведомо проигрышно⁹⁶. Худших недоброжелателей для своих народов, чем патриоты-государственники, сегодня просто не существует. Как известно, дорога в ад вымощена благими намерениями, и патриоты-государственники способны привести в этот ад народы, никуда более они привести не способны⁹⁷.

Некоторые российские политологи, в частности Г. Павловский⁹⁸, утверждают, что время революции закончилось, наступило время

---

⁹⁶ «На планете сложилась жесткая иерархия, покоящаяся на трех формах доминирования Запада: финансовой (транснациональные компании, базирующиеся преимущественно в США), военно-политической (превращение НАТО под главенством США в единственного «мирового жандарма») и информационной (благодаря бесспорному лидерству США в соответствующей сфере технологий)». См.: Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко и др. Под ред. Ю.Н. Пахомова. Киев: Наук. думка, 2002. С. 613.

⁹⁷ А.Н. Яковлев отмечает, что постсоветским лидерам «достались руины коммунизма и руины империи, хотя исторически весьма своеобразной. Особенность советской империи – у нее не было колоний. Вся империя была колонией большевиков. И тем не менее в нынешней российской номенклатуре осталось немало политических спекулянтов, с трудом расстающихся с имперством. Нужна мощная по силе политическая воля, чтобы Россия занялась внутренним обустройством, подъемом деревни, благоустройством городов, строительством школ, больниц и дорог». См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 655.

⁹⁸ «Я раз говорил, что Владимир Путин правит именем национальной контрреволюции 1999-2000 годов. Если он забудет об этом, его режим утратит не только обаяние власти, но и отчетливый политический мандат». См.: Гурова Т. Революция, ее вожди и ее технологии// Эксперт, 13-19 декабря 2004. №47 (447). С. 30.

контрреволюции. Отметим, что вопрос о том, завершилась ли на самом деле революция как в России, так и на всем постсоветском пространстве, остается, по меньшей мере, открытым⁹⁹. Бархатные революции на территории Восточной Европы (Югославия, Румыния) и на постсоветском пространстве (Грузия), а сегодня и Украина, показывают: революция продолжается. Иными словами, началась третья волна освободительных революций, волна, которая меняет авторитарные политические режимы, настаивающие на полноте национального суверенитета и с изрядным антизападным акцентом. Это освобождение европейских стран является частью более общего процесса демонтажа авторитарных режимов по всему миру, начиная от Афганистана, продолжая Ираком, далее везде.

Эта новая освободительная волна восходит, в частности, к борьбе Советского Союза и стран западной демократии с национал-социалистическими, фашистскими и авторитарными режимами в Европе и Японии в годы Второй мировой войны. Процесс освобождения мира от авторитаризма антизападного толка продолжился и в годы холодной войны, когда удалось остановить распространение коммунизма по земному шару, и позднее, когда в 1991 году распался Советский Союз, представлявший собой наиболее серьезную и последовательную антизападную альтернативу мирового развития. То, что происходит сегодня и будет происходить завтра – является продолжением этого глобального процесса деконструкции авторитарных антизападных режимов. Мы позволим себе утверждение, что в мире нет сил, способных остановить демонтаж этих режимов, по меньшей мере, в географических пределах Европы.

«Оранжевая революция» на Украине при всех сопутствующих рисках геополитической дестабилизации на постсоветском пространстве является несомненным благом для осуществления либерального модернизационного

---

⁹⁹ Вспомним, что революционные всплески во Франции продолжались без малого столетие после начала Великой французской революции.

проекта в России¹⁰⁰, нашей институциональной интеграции в европейские структуры, прежде всего в ЕС, а в перспективе и в НАТО. Позитивный ответ на вызов эпохи предполагает соблюдение устанавливаемых Западом правил игры, в том числе соблюдение прав человека, поддержание парламентской демократии, компромиссную политику в отношении западных контрагентов. В сфере экономики принятие этого процесса предполагает встраивание в систему мирового разделения труда, кооперацию с ведущими мировыми производителями, транснациональными корпорациями, когда их интересы учитываются в возможно полной мере. Позитивный ответ на вызов эпохи заключается в переходе от обеспечения национальной безопасности военными средствами к делегированию ответственности международным (западным) институтам. Россия как часть блока НАТО, не только ведущая, но и ведомая, подстраивающая свою политику под политику блока – в этом и состоит реальная возможность решить проблему национальной безопасности¹⁰¹ и демократизировать постсоветское пространство.

Постимперский транзит

Мы рассматриваем стратегический выбор между сохранением/воссозданием имперского/квазиимперского государства и формированием национального государства в России; противоречие между политикой имперской консервации/реванша и политикой модернизации.

Начиная с эпохи Ивана Грозного, когда произошло присоединение к Московии Астраханского и Казанского ханств, и продолжая до конца XIX века Российская империя расширялась, поглощая малые и большие сопредельные и даже вполне удаленные народы. Начиная с поражения в

---

¹⁰⁰ Достаточно распространенная оценка роли Запада в «Оранжевой революции» на Украине заключается в следующем: Запад, в частности Евросоюз, реализует мегапроект по демократизации постсоветского пространства, предполагающего, в частности, включение Украины «в большой «восточноевропейский» проект преобразований в регионе (за ней следуют Молдавия, Белоруссия и, как все говорят, Россия)». См.: Быков П., Власова О. Зачем нам нужна Украина// Эксперт 13-19 декабря 2004, №47 (447). С. 17

¹⁰¹ Что особенно актуально для сохранения в составе РФ Сибири и Дальнего Востока.

русско-японской войне¹⁰², а позднее с русской революции 1917 года – мегатренд собирания все большего количества окрестных земель завершился, процесс пошел вспять, за приливом территориальной экспансии последовал ее отлив. Российская империя стала уходить с волей и неволей присоединенных территорий, и этот процесс не менее длительный, чем процесс «собирания» больших и малых земель. В течение XX века Российская империя пережила два этапа деконструкции – в 1917-1921 и в 1991 годах. Два прошедших этапа – это еще не конец, впереди явственно проглядывает и третий этап деконструкции империи, где наиболее вероятными кандидатами на обретение независимости и государственности становятся республики Северного Кавказа¹⁰³.

Известный парадокс российской социокультурной системы состоит в том, что отдельные ее части (подсистемы) ближе, комплементарнее, по отношению к западной цивилизации, чем другие¹⁰⁴.

---

¹⁰² Из листовок, распространявшихся царским правительством в действующей армии: «Пусть враги Самодержавия утверждают, что эта война – прихоть Самодержавной власти. Знающий нашу историю поймет, что не концессии на Ялу побудили Ермака Тимофеевича двинуться к Иртышу, не Безобразов указал Невельскому устье Амура, не Царский произвол вызвал настоящую войну. В историческом движении на восток настоящая война указывает на то, что только ныне Россия там впервые встретила мужественного и грозного врага, как в прошлых столетиях в своем движении на запад она встречала такового в шведах, поляках и турках. Война, а может быть, и ряд войн решит: испытать ли России участь Польши или стать ей грозно на берегах Тихого океана, как грозно стоит она на берегах Балтийского моря, Вислы и моря Черного». Цит. по: Марков и марковцы / Науч. ред. В. Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2001. С.507.

¹⁰³ «Империи являются в основе своей нестабильными, потому что подчиненные элементы почти всегда предпочитают большую степень автономии, и контрэлиты в таких элементах почти всегда при возникновении возможности предпринимают шаги для достижения большей автономии. В этом смысле империи не рушатся; они скорее разрушаются на части, обычно очень медленно, хотя иногда и необыкновенно быстро». См: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 20.

¹⁰⁴ «То, что гонка за лидерами обернулась игрой с ними в “кошки- мышки“, явно связано с размерами России, неравномерностью и асинхронностью регионального развития. Одни из обширных окраин, не уступая “метрополии“ (как в Австро-Венгрии), сами ее торопили. До других, более многочисленных, и до русской сельской глубинки волны модернизации могли и не

Исторические этапы ускорения социокультурной динамики приводят, как правило, к дезинтеграционным процессам, поскольку скорость перемен, приемлемая для различных территориальных, этнокультурных образований, во многом различна.

В разные периоды существования российского государства в орбиту его военного, экономического, политического и культурного влияния попадали сопредельные территории, в течение длительного исторического периода с различной степенью интенсивности происходил процесс их институционального включения в состав империи. Российская империя выходила к своим «естественным географическим рубежам»¹⁰⁵, временами их пересекая, примером чему может служить территориальная экспансия в Северную Америку, колонизация Аляски.

Но проблема, стоящая перед любым имперским государством, состоит в том, что территорию мало включить в состав государства, ее, образно говоря, необходимо переварить, обжить, обустроить, т. е. включить в интегрированное экономическое, политическое и культурное пространство¹⁰⁶. Решить эту проблему не удавалось ни в одной империи, естественно, что не удалось этого сделать ни в Российской империи, ни в СССР, ни в его правопреемнице – Российской Федерации.

дойти. Отрыв элиты от масс, города от деревни, разноукладность и разновременность их бытия, разные скорости развития подготовили социальные взрывы XX века». См.: Трейвиш А. Город, село и региональное развитие // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. С. 337.

¹⁰⁵ Естественно, речь идет скорее о «естественных географических рубежах» в традициях имперской геополитики.

¹⁰⁶ «Суть интеграции составляет психологическая идентификация или интериоризация интегрированной системы как целостности и ее символов. С идентификацией связана поведенческая лояльность большому обществу, которая выявляется в ситуациях высокой напряженности». См.: Дойч К. Национальная интеграция: обзор некоторых концепций и исследовательских подходов // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт. сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.192.

Неорганичные части отпадали от Российского государства в 1917 и в 1991 годах XX века. Российское государство на разных этапах своего развития напоминает собой своеобразный инкубатор, где до стадии национальной, государственной готовности вызревают протонации и протогосударства. Затем, обычно в периоды бурных институциональных трансформаций российского государственного организма, происходит более или менее болезненный процесс выделения, выхода из состава российского государства созревших для начала независимой национально-государственной жизни образований.

В течение всего XX века, а в первой половине XXI века, по всей видимости, продолжится болезненный процесс поиска национальных границ, отторжения иноцивилизационных, инокультурных образований, в должной мере созревших и окрепнувших для инициации в качестве независимых государственных образований. Часть регионов способна найти консенсус в отношении избранного направления развития страны, ее идентичности либо в качестве демократического национального государства, либо в качестве неоимперского образования. Другая часть, не поддерживавшая тот или иной выбор развития России, но в то же время не готовая к независимой государственной жизни, будет, хотя и по другим основаниям, развиваться в рамках Российской Федерации.

Российское государство отличается от других стран не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития своих регионов. Россия состоит из регионов, которые находятся на различных этапах модернизационного развития. Она включает в себя постиндустриальные регионы, такие, например, как: Москву, ближнее Подмосковье, Санкт-Петербург; индустриальные: Норильск, Урал, Нижний Новгород и доиндустриальные, представленные в основном национальными республиками, в частности, Тувой, Горным Алтаем, Чечней, Калмыкией. Страна не просто делится на различные по своему социальному, экономическому развитию районы, но это деление достаточно четко

соотносится с этническим составом населения, в них проживающего, что наиболее наглядно в отношении доиндустриальных регионов. Россия достаточно долго развивалась по имперскому типу, стремясь к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств¹⁰⁷.

Модернизационные процессы, протекающие в столь разнородном социокультурном пространстве, неизбежно сами теряют однородность, внутреннюю согласованность. Регионы, которые по каким-либо причинам не смогут развиваться в постиндустриальном направлении, будут, скорее всего, способствовать дезинтеграционным процессам. Российская модернизация во многом обречена на гибридизацию и анклавное развитие. Процессы гибридизации наиболее вероятны в доиндустриальных регионах, когда модернизационные проекты могут редуцироваться к местным условиям, теряя свою смысловую наполненность, глубину, аутентичность. В противоположность гибридизации, анклавное развитие в большей мере свойственно для наиболее продвинувшихся по пути модернизации постиндустриальных регионов, окруженных регионами России, находящимися, как правило, на более ранних этапах модернизационного развития. Создание межрегиональных транспортных, информационных коммуникаций, связывающих страну «по горизонтали», достижение на экономической основе большей межрегиональной личностной мобильности может, в какой-то мере, смягчить последствия анклавной, т.е. неравномерной модернизации.

Следует также отметить, что процесс обретения национально-государственной независимости отнюдь не единомоментный, независимость

---

¹⁰⁷ «Под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этакой маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности». См.: Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм / Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 357.

мало декларировать и даже получить ее подтверждение посредством международного признания – ее надо еще достигнуть фактически, достигнуть некоторых гарантий от попятного движения, вольной или невольной реинтеграции в состав бывшей метрополии.

В то же время постимперский статус нашего государства смутен. Россия сегодня еще не полноценное национальное государство, но покалеченное, потерявшееся во времени и пространстве постимперское образование, то, что от империи осталось. В общественном сознании нет консенсуса по поводу легитимности государственных границ – очень трудно внятно ответить на вопрос о том, почему в состав государства входят одни регионы, и почему другие не входят. Страна по-прежнему располагает «имперским телом»¹⁰⁸ (Э.А. Паин), доставшимся нам в наследство от имперского этапа территориальной экспансии.

До сих пор большая часть общества и политической элиты воспринимают имперское территориальное наследство как некую почти сакральную ценность, то, чем нельзя поступиться ни при каких условиях, вне зависимости от социокультурной близости или чужеродности «спорных» территорий.

Но самое неприятное для современников и соучастников событий заключается в том, что Россия пока так и не стала национальным государством, и угроза третьего этапа распада России, как государственного образования, оставшегося от империи, сохраняется.

В наследство от империи достались нам и этнонациональная и социокультурная «цветущая сложность» (К.Н.Леонтьев) российских регионов, относящихся к трем цивилизациям, трем мировым религиям, находящимся на разных стадиях экономического развития: доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном. Кроме того, в

---

¹⁰⁸ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 164с.

России не сформировалась нация ни в ее этническом, ни постэтническом, гражданском смысле.

Традиционный уже вопрос – как при несформированной нации согласовывать столь разнородные региональные интересы, тем более, что в ряде случаев эти различия имеют культурно-цивилизационную, религиозную основу. Но дело не только в культурно-цивилизационных различиях. В силу своего геоэкономического положения и разности стадийного развития различные интересы имеют и собственно российские регионы, в которых преобладают этнические русские, разительно различаясь по уровню жизни, доходам и социальной защищенности.

Окраинные российские регионы уже сегодня тяготеют скорее не к Москве, но к мировым центрам экономической мощи. На западе страны, в Кенигсберге/Калининграде, это экономическое тяготение к стадийно более развитому Евросоюзу наслаивается на тяготение историческое и культурное. На востоке страны источником сильного экономического притяжения становятся страны АТР, прежде всего Китай. В этом случае речь пока не идет о собственно культурно-цивилизационной переориентации Сибири и Дальнего Востока, скорее об абсолютной экономической интеграции в экономику этой части Азии. Но, как мы знаем из истории, за экономической интеграцией часто следует интеграция политическая. Это во многом лишь вопрос времени, возможно отдаленного, но эту опасность не следует недооценивать.

Хотя мы имеем дело с процессами, имеющими не только субъективную, но и объективную составляющую, в силах человеческих их ускорять или тормозить, выбирая соответствующую политику. Мы полагаем, что следует не способствовать, но всячески препятствовать процессам дезинтеграции страны, выбирая для этой цели соответствующую политику. Сохранение государства в его нынешних границах возможно только в рамках согласования интересов регионов, но никак не выстраивания их в единое «целое» посредством приказа, проведения неоимперской политики.

Несмотря на кажущуюся сегодняшнюю эффективность она абсолютно проигрышна не только в долгосрочной, но и в среднесрочной исторической перспективе, радикально повышая вероятность будущего распада.

Мы еще раз обращаем внимание на эти общеизвестные вещи для того, чтобы подчеркнуть разность интересов российских регионов, еще раз обратиться к вопросу о том, как возможно согласовывать столь различные интересы регионов в рамках уходящего, но не до конца еще ушедшего от империи российского государства?

Мировой исторический опыт дает два основных решения, индивидуально оформленных под воздействием различных исторических и социокультурных контекстов.

Первый вариант предполагает выстраивание этнофедеративных отношений, процедуры согласования региональных интересов, четкого разграничения и делегирования полномочий. Это долгий, часто мучительный процесс для российской власти. Слишком велик соблазн вернуться к традиционным, хотя и исторически изжившим себя формам управления государством, упростить согласования интересов, отказаться от них, перейти к управлению приказом, де-факто авторитарному управлению и унитарному государству. Это второй путь.

В его рамках интересы регионов согласовываются минимально, основные решения принимаются в центре, процесс «согласования» проходит в традициях унитарного имперского государства, какими фактически были СССР и империя Романовых. Хотя в царской империи были и известные исключения с автономией Финляндии, конституцией Царства Польского... Эта конструкция предполагает применение насилия в отношении несогласных, предполагает не согласование региональных интересов, но навязывание им решений «федерального центра». Это именно то наследство, которое роднит сегодняшнее российское государство с государством имперским. Мне близко определение ключевого свойства империи, данное

Е.Ясиным: «Империи невозможны без насилия, какими бы мягкими ни были его формы. Это основной идентифицирующий признак империи»¹⁰⁹.

Тема империи и постимперского развития включает в себя еще один аспект. Я имею в виду проблему международного лидерства. Эта проблема сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких ведущих и привлекательных для других позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во многом на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение

---

¹⁰⁹ Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи//После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.7.

европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Я имею в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика. Стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур. Стремится, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее и свою имперскую традицию, с которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник К. Мустафа (Ататюрк).

Совпадений в процессах модернизации двух постимперских государств, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка 70 лет.

Главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколений представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, опирающихся на традиционалистски ориентированную часть турецкого народа, в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так

меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей личности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующей с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента. При наличии такой самовоспроизводящейся картины мира империя выглядит великой ценностью, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести военно-политическое, экономическое и культурное противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию квазиимперской группировки из стран-сателлитов.

Полагаю, что в результате «оранжевой революции» на Украине проект нового российского империализма потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение. Другое дело, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской политической и силовой элиты берет отчетливо просматриваемый курс на установление еще более жесткого, чем сейчас, авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному. Поэтому неизбежен поиск Москвой тех режимов и политических лидеров за пределами России, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. Но выбор невелик, если он вообще есть. Ну, два-три лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня.

Можно, конечно, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борьбе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, тем выше будет уровень конечных издержек как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем более бесшабашно и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пенитенциарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же... Кроме того, на примере Милошевича видно, что заработанные за годы правления деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристской внутренней и внешней политики становится более понятно стойкое нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску...

Думаю, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Я не питаю иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровне. Но надо осознавать

не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, несовместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод. Попытки имперской реставрации ведут к неизбежному сужению личного жизненного пространства каждого, радикально уменьшают вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неоимперского государства. В нем всего два главных действующих лица – чиновник и силовик (человек с ружьем) и на подхвате – обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов. Но, как показывает исторический опыт, народы рано или поздно мириться с этим отказываются.

И сегодня над страной, властью и обществом продолжает довлеть груз «географии и истории», ограничения, ими заданные, поступки и решения во многом продолжает задавать старая «колея» имперской жизни. Чтобы изменить вектор развития и вырваться из нее, нужно прилагать немалые усилия, выстраивать реальный федерализм, работать над формированием гражданской нации, формировать демократические институты и традиции.

Чтобы продолжать движение в исторически привычной, накатанной и обжитой «колее» имперской жизни, столь значительные усилия не требуются. Можно почти отстраненно наблюдать за «самосборкой» механизма авторитарного унитарного государства. Но если раньше, примерно до Крымской войны, в царствование Николая I эта «колея» вела в «гору», то есть преимущества имперского государства и авторитарного правления превосходили издержки, то после войны издержки постепенно превзошли преимущества, став сегодня самым существенным ограничением на пути развития страны. Опять сошлюсь на близкую мне позицию Е.Ясина:

«упадок империи начался давно. Страна развивалась, империя – нет, все больше становясь тормозом развития страны»¹¹⁰.

Сегодня груз имперского наследия влияет на выбор между де-факто унитарным и федеративным/конфедеративным государством детерминирует выбор между демократией и различными формами авторитаризма. Многие из тех, кто сегодня волею судеб оказался в когорте людей, принимающих политические решения, проводят внутри страны неоимперскую политику унификации социокультурного пространства, минимизации согласования региональных интересов. Похоже, что выбор между двумя вариантами сделан. Де-факто выбран вариант воссоздания унитарного государства.

Во многом из этого выбора проистекает отказ от демократии в пользу ее управляемого, а в чем-то даже декоративного варианта. Но этнорелигиозные и стадияльные различия российских регионов делают унитарную форму организации государства (де-юре или де-факто) и демократию малосовместимыми. Выбор в пользу унитарности во многом влияет и на ситуационные действия власти по выстраиванию формальных и неформальных «вертикалей» в политике, бизнесе, СМИ. Возможно, что этот путь эффективен сегодня, но эффект этот временный, сугубо тактический.

Если длительное и относительно устойчивое совместное сосуществование разнородных российских регионов, людей, их населяющих, возможно в принципе, то эта возможность базируется на двух основных принципах: реальном федерализме с элементами конфедерации и гражданской, полиэтнической нации. Гражданская, а не этническая нация выражает родовую связь с гражданством империи. Наша, по К.Леонтьеву, «цветущая сложность» имперского наследия здесь может быть полезна, по этой причине мы не можем формировать этническую нацию, но можем полиэтническую и гражданскую. В смысле соблюдения гражданских и политических свобод, прав человека вообще, такой вариант заведомо предпочтительней.

---

¹¹⁰ Там же. С.10.

Что может помочь и помешать жизнеосуществлению этих принципов, а следовательно, и дальнейшей совместной жизни людей на территории Российского государства?

Совместную жизнь гражданской нации в федеративном/конфедеративном государстве возможно строить на началах потребительской достижительной активности человека. В погоне за «российской мечтой» в ее московском, якутском, дагестанском оформлении он может хотя бы на время не вспомнить, «кто он, откуда и куда идет», или, во всяком случае, шел раньше – «забыть» о своей культурно-цивилизационной идентичности. Пока он о ней «забыл», пока она на периферии его сознания, пока она не определяет его социальную активность – постимперское Российское государство будет существовать в своих нынешних границах.

Еще сегодня, несмотря на все попятные, ретроградные движения, традиционная религиозная идентичность различных этнических общностей присутствует в общественном сознании во многом в скрытой, латентной форме. Она размыта европеизацией и унификацией разной степени интенсивности и продолжительности, в случае Центральной России – начиная с царствования Алексея Михайловича и Петра I, и политикой тотальной секуляризации, проводимой советской властью.

В результате этой политики значительная, а в некоторых регионах страны и основная часть населения индифферентна к религии. Как справедливо заметил И. Яковенко¹¹¹, число воцерковленных людей в рамках православной церкви составляет всего несколько процентов и серьезно расти не будет. И это безразличие объединяет страну, сглаживает межэтнические и межрелигиозные противоречия. Как только процесс этнорелигиозного возрождения станет по-настоящему массовым, эти противоречия серьезно обострятся, ставя под вопрос территориальную целостность страны. Чем

---

¹¹¹ Яковенко И. Империя и нация//После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.60.

более явлены, актуализированы цивилизационные, религиозные начала жизни российских регионов, тем менее устойчива конструкция российской государственности. Степень латентности традиционализма определяет степень прочности России.

Сегодня часть российского политического класса пытается опереться на те или иные элементы традиционализма, прежде всего в его религиозном облике. Этот курс бесперспективен, прежние имперские интеграторы сегодня не только не работают, но и прямо разрушительны. По-видимому, нужно большое мужество, чтобы выбрать движение в исторический тупик, инициации очередной в российской истории цивилизационной катастрофы.

Но за семьдесят лет советской власти оказались максимально ослаблены не только традиционалисты, но и общество в целом. Если сравнивать демократический потенциал России столетней давности и России сегодняшней, то это сравнение не даст однозначного преимущества дню сегодняшнему.

За десятилетия советской власти страна серьезно продвинулась по пути модернизации, совершив демографический переход, собрав остатки своего народа в городах, разрушив патриархальные, в том числе религиозные, традиции. Страна прошла индустриализацию, добилась достаточно высокого уровня образования. Но за это время, особенно до 1953 года, был потерян многомиллионный слой образованных людей, не только стремившихся установить в России демократическую, республиканскую форму правления, но и готовых лично участвовать в этом процессе, готовых к повседневной, черновой работе во имя республики.

До революции 1917 года миллионы людей в стране опирались на разветвленную систему земских учреждений, стремились направить страну на европейский путь развития. Они очень хотели демократического европейского выбора для России и реально работали для этого. Мирно, эволюционно этого сделать не получилось, потребовалась революция 1905 г., а затем и февраля 1917. Судьба этого образованного слоя российского

общества трагична, он был уничтожен в огне Гражданской войны и ленинско-сталинских репрессий, выдвигнут в эмиграцию. Но эти люди были.

В конце советского периода слоя людей, сопоставимого с дореволюционным по численности и человеческим качествам – профессиональным и гражданским, в Советской России не было. Были диссиденты и сочувствующие им, но почти никто из них не пошел в постсоветскую политику, не пополнил ряды чиновничества. За исключением единиц никто не захотел работать на благо Российской республики. В политике оказались люди без какого-либо опыта демократической работы, с известной долей случайности, те, кто оказались поблизости, и стал властью, как кто-то стал владельцем бывшей госсобственности.

В Советской России не было широких демократических движений, как в других странах Варшавского блока. Тем не менее в стране нашлись сотни тысяч граждан, которые выходили на демонстрации 1990–1991 годов. В стране были люди, которые были готовы умирать за новую российскую республику, как в августе 1991 г. у Белого дома, и в октябре 1993 г. у Моссовета, но не было необходимого числа тех, кто был бы способен во имя республики жить, выдерживать повседневную рутинную работу, сохранять идеалы, ценить их дороже материальных выгод. Иными словами, в стране не было нужного количества идеалистов, энтузиастов республики. Более того, в стране оказалось недостаточное количество людей, готовых рассматривать демократию как ценность, пользоваться демократическими правами. «Демократия – общественный порядок для свободных людей. Свобода и доверие создают процветание, особенно в постиндустриальном обществе XXI века. Но демократия – это такой вид спорта, в котором мало быть болельщиком, тут нужно участвовать. Свободен тот, кто пользуется своей свободой»¹¹².

А раз так, раз нет достаточного слоя людей, на которых можно опереться, людей, которые хотели бы работать во имя свободной,

---

¹¹² Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. С.339-340.

демократической России, то используются другие, те, кто вне зависимости от своих взглядов и прошлого может и умеет работать, способен к черновой, повседневной чиновничьей работе. Те, кто готов работать ради своего материального интереса, те, кто обладает определенной внутренней дисциплиной. Так что увеличивающееся во власти количество выходцев из силовых структур в этом смысле удивлять не должно.

К этому добавились и традиции государственного управления. Если нельзя по тем или иным причинам опереться на общество, власть опирается на силовые структуры. Так замыкается круг. Исходя из «вводных данных», наличных условий перед августом 1991 года, такой результат был более вероятен, потому, наверное, и стал реальностью.

Наше общее историческое везение в том, что реализовался некий усредненный вариант возможного будущего, не самый хороший, но и не самый плохой. Самые страшные практики социальной трансформации Россия показала всему миру в годы Гражданской войны 1918–1921 гг., а практики трансформации многонациональной федерации – в 90-е годы прошлого века продемонстрировали миру С.Милошевич и сербские националисты в бывшей Югославии.

Учитывая особенности советского наследия, крайней слабости политического класса, не говоря уже о практическом отсутствии политической элиты, мы еще легко отделались. Политический класс только начал формироваться, и для того, чтобы он сформировался, воспроизводил из своих рядов эффективную и ответственную элиту, нужны, по меньшей мере, десятилетия. А пока он только формируется, инкорпорируя в свой состав и отбраковывая претендентов не только по их политическим взглядам, но и по управленческой эффективности.

Власть внутренне разнородна, потому надо «научиться разбираться в трехстах оттенках серого». Имеются в виду, естественно, не отличия в оттенках цвета и покроя чиновничьих костюмов, но различия политических взглядов их обладателей. Политический класс в современной России с

известной долей условности можно подразделить на две основные группы: «либеральных бюрократов» и «силовиков», занимающих, по утверждению столичных политических острословов, различные «башни Кремля». Естественно, что у каждой из этих групп собственная картина мира, свое представление о должном и недолжном, о том, что хорошо, и что плохо для России.

В чем-то это деление перекликается с тем, каким оно было в годы «великих реформ» Александра II. Так, Фрэнсис Вчисло в своей монографии «Реформирование сельской России» выявляет два типа политической культуры, которые характеризуют просвещенных бюрократов-западников и так называемых «полицейских чиновников». Система ценностей политической культуры первых включала в себя законность, равенство граждан, личную инициативу и легитимную политическую власть. Центральными для «полицейской» политической культуры были такие ценности, как патернализм, опека и признание главенства личной власти монарха, а не закона, а также негативное, подозрительное отношение к независимой общественности и крестьянству. В то же время черты «полицейского менталитета» обнаруживаются автором и в мировоззрении реформаторов, поскольку в основе их взглядов лежало признание примата государственного интереса и сохранения (консервации) порядка и стабильности¹¹³.

Эти группы чиновников выражают различные общественные настроения. И самой большой угрозой для демократического постимперского развития России в переходный период от советского авторитаризма к современной западной демократии является наметившееся гражданское противостояние, уход от конструктивного диалога власти и общества.

---

¹¹³ Цит. по: Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и заруб. истории; Отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. С.14-15.

Ответственность за это лежит и на власти, и на обществе, либерально ориентированная часть которого способствует миграции власти в коридор все более сужающихся возможностей «от плохого к худшему». Тот, кто демонизирует власть, помогая ей укрепиться в авторитарном «православно-самодержавном» коридоре возможностей, совершает большую ошибку. Полагаю, что монолог, рассмотрение сегодняшней власти лишь как «абсолютного зла, иногда творящего добро» губителен для тех, кто так полагает, губителен и для власти, и для демократических перспектив России.

Нужен постоянный диалог с вменяемыми людьми во власти, вне зависимости от их прежней и нынешней профессиональной принадлежности, вне зависимости от разделяемых политических взглядов. Не нужно демонизировать бывших и нынешних силовиков, сокрушаясь по поводу большого количества выходцев из силовых структур во власти. Диалог размывает позиции обеих сторон, поскольку может вести к компромиссу. Потому так сложно пойти на диалог. Легче всего стоять в стороне и с полным интеллектуальным превосходством объяснять, почему власть всегда неправа, и как плохо все ее начинания, действия и бездействия закончатся.

Да, диалог сложнее монолога, особенно в условиях, когда каждый ведет его так, как умеет, используя и свои профессиональные навыки. Такой диалог мучительно труден, но он предпочтительней «диалога» участников запрещаемых «маршей несогласных» и ОМОНа.

Устраивать регулярные потасовки с людьми в форме означает закрепление противостояния, деления общества на «наших и не наших», иными словами, воспроизводство противостояния «белых и красных», ситуации перманентной гражданской войны. Я этого не хочу. Хватит, отвоевались.

С властью нужно говорить на языке интересов, а не идеалов и принципов, которыми, как известно, «поступиться невозможно». Сегодня единственная реальная возможность для нашего гражданского общества содействовать демократизации России – во взаимодействии с властью не

только при помощи слова, но, прежде всего, посредством эффективного участия в процессе государственного и корпоративного управления.

Укоренение демократии в стране невозможно при несистемном характере демократической оппозиции. Не теряя демократических, либеральных убеждений, нужно попытаться стать частью системы, перестать бояться и запугивать друг друга. Необходимо выступать за законное, мирное, демократическое разрешение конфликтов, за эволюционный, а не революционный путь развития России. Сказанное не означает, что нужно априорно соглашаться со всем происходящим в стране. Это означает лишь стремление решать возникающие проблемы на основе диалога, а не монолога, акцентируя свое внимание не на том, что нас всех разъединяет, а том, что объединяет.

Но мы видим слабую готовность к диалогу с обществом и со стороны власти. Когда она в той или иной форме препятствует проведению «Маршей несогласных», мотивацию таких действий понять можно, хотя вопрос о самосохранении более эффективно решается по-другому, в режиме открытого, аргументированного диалога, гласного отстаивания своих позиций. Оборона, а это именно оборона, не очень эффективна в отношении преследуемых целей, но тоже возможна. Она рациональна в смысле обусловленности политическими и экономическими интересами.

К сожалению, мы видим со стороны власти нежелание диалога не только с политическими оппонентами, но с общественными движениями сугубо аполитичными, субкультурными, разрушающими устои традиционализма. И это уже действия если не прямо иррациональные, то обусловленные уже не интересами, а некими смутными «идеалами». Запрещаются выступления сексуальных меньшинств, «конопляные» марши... В результате происходит радикализация субкультурных молодежных движений, которые ранее о политике и не помышляли.

Мы знаем, как в последние годы царствования Александра II стала раскручиваться спираль противостояния и ненависти между российским

«образованным обществом» и властью. На этом кровавом пути было многое, взорванный император, генерал-губернаторы, повешенные и расстрелянные революционеры, расстрелянная царская семья... Совершенно непонятно, зачем сегодня имитировать подобное противостояние.

Для того чтобы не было очередной русской смуты, нужны не превентивное насилие на улицах и телевизионная пропаганда, а спокойный диалог власти и оппозиции, стремление решать возникающие проблемы по существу. Дубинки ОМОНа, как и сто лет назад казацкие нагайки, это не путь к стабилизации. К долговременной стабилизации может привести широкий общественный диалог с перспективой свободной конкуренции неэкстремистских политических сил.

Сегодняшняя российская власть пока еще не выпала из исторического времени, у нее есть возможности вести диалог, говорить с обществом, пытаться убеждать людей в открытой, гласной дискуссии. «Убеждение» при помощи голого насилия только радикализует общество и никого в правоте власти убедить не может. Это глубоко во всех нас сидит, вне зависимости от политических пристрастий и разности оценок ситуации – «не в силе Бог, а в правде».

Рубикон невозврата к демократии совсем не перейден, историческое движение к демократии не только возможно, но мы сегодня, сейчас, находимся «внутри» этого исторического периода. Милицейские дубинки на спинах «несогласных» омерзительны бесконечно – но это еще не расстрел рабочих на Ленских приисках в 1912 году и не кровавое воскресенье 1905 года. Сегодня конструктивный диалог между властью и обществом является единственной возможностью снять намечающееся гражданское противостояние, одновременно укрепив гражданское общество и российскую государственность. Хотя у автора сегодня возникают большие сомнения по поводу самой возможности такого диалога.

Диалог успешен, если приводит к компромиссу. Но каким может быть этот компромисс, и на основании чего он может быть достигнут?

Как это ни парадоксально звучит, временный, ситуационный компромисс получен самопроизвольно, и заключается он в возможности еще какое-то время избегать исторического выбора, обязывающей к определенному решению рефлексии по поводу нашего имперского/постимперского статуса, того, куда направлен вектор нашего исторического развития.

И дает возможность самопроизвольного временного компромисса мировая экономическая конъюнктура, бурный экономический рост в странах третьего мира, резкий рост потребления сырья и энергоресурсов. В индустриальную эпоху сырья и энергии вполне хватало для экономических нужд «золотого миллиарда», сегодня хватит и для остального мира, но это будет уже совсем иной, куда более высокий уровень цен. Естественно, что такая ситуация в международной торговле приведет к дополнительным финансовым и геополитическим выгодам для стран экспортеров сырья, к которым относится и Россия. Реализуется кратко-среднесрочный вариант энергетической, сырьевой «державы».

Складывается редкая в истории ситуация: в течение какого-то времени можно получать все возрастающие доходы за счет роста мировых цен на сырье и энергоносители, не опасаясь изменения ценового тренда. Естественно, локальные коррекционные движения на этих рынках вполне возможны, но долговременный восходящий тренд минимизирует риски внешнего экономического шока для России.

А это, в свою очередь, минимизирует риски внутренних политических потрясений. И если мы сможем избежать идейного национал-патриотического тупика, а также резкого обострения предвыборной конкуренции между различными «башнями Кремля», нам практически гарантированы политическая стабильность и экономический рост.

Иными словами, позитивные особенности внешнеэкономической конъюнктуры способны «подморозить» этнофедеративные отношения российских регионов, максимально приглушить реальные и потенциальные

сепаратистские настроения, отодвинуть в необозримо далекое будущее возможный третий этап деконструкции государства, переходящего от имперской к национальной форме организации. Естественно, что неопределенно долгое время сохранять статус-кво, избегать определенности решений обществу и власти не удастся, но удастся отложить проблему выбора в предположительно более благополучное и «мудрое» будущее.

Дарованная историей пауза «энергетической державы», дающая возможность не только сохранять текущее положение вещей, но и претендовать на часть имперского наследия СССР и империи Романовых, может стать «сказкой о потерянном времени», дорогой к очередной в русской истории социокультурной и исторической катастрофе. Но она может дать возможность более предсказуемого и устойчивого самоопределения российского общества и государства, которое, и здесь не надо тешить себя иллюзиями и бесплодными упованиями, по определению может быть только европейским, все остальные возможные варианты выбора для России заведомо катастрофичны.

Вместо заключения. История движется быстро, и на днях власть замахнулась полицейскими дубинками на СПС. Рубикон не возврата к демократии, похоже, перейден, и возможный позитивный сценарий развития страны, который так мучительно и противоречиво выстраивал автор, стремясь хотя бы в мечтах и иллюзиях остановить надвигающуюся авторитарно/тоталитарную катастрофу – опрокинут.

Взгляд со стороны: Рустем Джангужин

На страницах книги «Казахстан постсоветский»¹¹⁴ Рустем Джангужин создает красочную, сферическую панораму, охватывающую многие стороны жизни современного нам постсоветского Казахстана; можно сказать, что перед нами своеобразная энциклопедия, книга, к которой можно обращаться за справкой, советом и ответом по огромному массиву вопросов, связанных с

---

¹¹⁴ Джангужина (Жангожа) Р.Н. Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002. 482 с.

жизнью постсоветского Казахстана. Здесь представлено и описание географического месторасположения Казахстана, обусловленные этим месторасположением геополитика, история, экономика, в том числе нефтяные запасы, месторождения и компании, демографическое положение казахов и национальных меньшинств, процессы в сфере образования, политической жизни, возникновение и функционирование политических партий. В монографии Рустема Джангужина рассматриваются вопросы истории и современного состояния казахстанской науки, как академической, так и прикладной, искусства, в том числе музыки, живописи, литературы. Но это отнюдь не сухой справочник, автор болезненно переживает удачи и неудачи своей страны, своего народа, это не отстраненный взгляд летописца, это живая боль, сопереживание и прямое или опосредованное участие во всех процессах казахстанской жизни.

Кроме изрядной познавательности, книгу Рустема Джангужина отличает качество, свойственное хорошей литературе: она с интересом читается, временами интригуя и увлекая читателя в перипетии исторических событий почти детективного жанра, да и многие части, посвященные казахстанской современности, читаются с не меньшим интересом. Автор увлекательно рассказывает о родоплеменном устройстве казахского народа, выделяя на этой основе более крупные структурные единицы – жузы (орды), а именно: Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз. Автор отмечает, что это деление казахского народа было несколько размыто за десятилетия советской власти благодаря смешанным бракам и нивелирующему влиянию имперского центра, но с 60-х годов прошлого века, когда к власти в республике пришел Д.Кунаев, и сегодня, уже в постсоветском Казахстане, процесс возрождения этнической идентичности во многом происходит посредством самоотождествления человека с определенным жузом. В казахской номенклатуре советского периода даже родилась пословица-присказка, посвященная подбору и расстановке кадров – «По биографии подходит, а вот по географии – нет».

Обо всем этом крайне увлекательно читать, для европейца подобная стратификация общества достаточно экзотична, прочно ассоциируется с Востоком вообще, во всяком случае, с не-Европой. А раз это не Европа, но Азия, имеющая к тому же многотысячелетнюю историю и авторитарную социокультурную традицию, то возникает вопрос о возможности и о сроках перехода к демократии. Вопрос этот возникает не на пустом месте, дело в том, что Рустем Джангужин полагает, что демократия в постсоветском Казахстане возможна уже сегодня! В это очень хотелось бы верить, но как избиратели будут голосовать не за интересы своего жуза, но за свои, осознаваемые и конкретные интересы, – не совсем понятно. Мы полагаем, что потребуется определенное историческое время для того, чтобы западная по своей генеалогии массовая культура смогла «переварить» большую часть этнонациональной социокультурной традиции, а экономика предоставила человеку возможность быть самодостаточной вне жуза, рода и племени единицей, то есть стать личностью в западном понимании. Это и будет победой казахстанской демократии. Ну а пока казахстанская интеллигенция впереди народа, а народ во власти социокультурной традиции, что порождает взаимное и естественное чувство дискомфорта.

Если говорить о недостатках книги, то они являются естественным продолжением ее достоинств. Нефтяные компании, разработка шельфа Каспийского моря и история казахской литературы, кинематографа, отмывание доходов, полученных в «серой зоне» казахстанской экономики, и глубокие исторические экскурсы, философские прозрения и обобщения – все это, собранное в пределах одной книги, порождает ощущение калейдоскопичности, переполняющей полноты бытия, в которой чего только нет... Мы понимаем и принимаем авторский замысел, энциклопедический охват материала, но иногда хочется погрузиться в какую-то конкретную предметную область, это погружение уже происходит, и тут, вдруг, надо перестраивать свое восприятие на изложение очередной сферы казахстанской жизни. Но это маленькое эмоциональное замечание вполне субъективного

характера, вполне возможно, что у других читателей этой замечательной книги его не возникнет.

Читая монографию «Казахстан постсоветский», мы не можем забыть и того немаловажного обстоятельства, что Рустем Джангужин – художник, человек образного мышления и видения мира. Итак, послушаем самого автора, Рустема Джангужина: «...именно Слово, воспроизведенное художником в качестве художественно-значимого текста, создает самое общество, его духовную культуру и традиции, являясь, в то же время, экзистенциональным самоосуществлением отдельного человека, как превращенной формы трансцендентального бытия в данный момент/время/эпоху»¹¹⁵. Именно это экзистенциональное самоосуществление автора не только «здесь и сейчас», но и в течение всей жизни, вместившей как различные пространственные и временные континуумы, так и их изменение, а не просто адаптацию к новым «этносам и ландшафтам», постоянное творение, влияние на людей и историческую ситуацию.

В качестве эпитафии к книге автор использует ироничную китайскую поговорку: «Если мы не изменим свой путь, то рискуем попасть именно туда, куда пытаемся попасть». Сказанное относится далеко не только к постсоветскому Казахстану, но и к России, все более отчетливо в последние два-три года дрейфующую в направлении серой зоны авторитаризма, что сопровождается все более явным манипулированием и выхолащиванием институтов политической демократии, неуважением к правам человека и т.д.

И опять, как в старые «добрые» советские времена, единственным ограничителем на этом пути выступает критическая зависимость от западных технологий и рынков сбыта сырья, и, как следствие, зависимость от общественного мнения и правительств стран Запада. Если бы не эта зависимость, национальные политические элиты и в России, и в Казахстане вряд ли стали бы делать вид, что играют в западные по своей генеалогии политические игры, представлять перед остальным миром, что их волнует

---

¹¹⁵ Джангужин (Жангожа) Р. Н. Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002. С. 452.

соблюдение прав человека, видимость законности на парламентских и президентских выборах, независимость средств массовой информации. Складывается устойчивое впечатление, что все это нужно коллективному субъекту Запада, но отнюдь не элитам и народам государств на постсоветском пространстве.

Позитивное исключение в этом смысле составляют государства Прибалтики и Украина после победы «оранжевой» народной революции. Это первый в последние годы на всем постсоветском пространстве урок того, что народ – это серьезно, он может сказать свое слово, может оказаться сильнее авторитарного режима, для поддержки которого моментально объединились сродные режимы и политики, подобное потянулось к подобному... Потянулись, успели показать за ширмой чуть ли не европейской улыбки нутряной звериный оскал и уползли в свои берлоги без добычи, несолоно хлебавши. Народ оказался сильнее.

Так вот, Руستم Джангужин не только писатель и художник, человек энциклопедических знаний, он, прежде всего, гражданин – гражданин теперь уже свободной Украины. И это ему и многим сотням тысяч граждан Украины мы благодарны за «оранжевую» революцию. Это путеводный свет для всего постсоветского пространства, появившаяся историческая возможность демонтировать оазисы авторитаризма и насилия. За нашу и Вашу свободу, Руستم, спасибо.

От Казахстана к Молдове и Приднестровью

То, что происходит сегодня на окраинах бывшей Российской/советской империи, вполне закономерно. На постсоветском пространстве остались анклав империи, считающие себя ее частью, осталась масса людей, рассматривающих сложившееся сегодня реалии политической географии как нечто сугубо временное.

За столетия российско-советской имперской жизни люди действительно стали той новой общностью, тем «советским народом», о котором так долго, и, как тогда казалось, совершенно безосновательно

твердили нам партийные пропагандисты. Референдум 17 сентября 2006 года, на котором граждане непризнанной Приднестровской Молдавской Республики проголосовали за «свободное присоединение к России» и против «вхождения в Молдову» свидетельствует именно об этом.

Но дело не только в имперской ностальгии, но и в мировой тенденции, ведущей к неравномерному развитию, «анклавной» жизни, конкуренции за одни и те же территории различных расовых, этнических и религиозных групп. Эти группы устойчивы, они не хотят интегрироваться в «большое общество», подстраиваться под преобладающий титульный этнос.

Люди в них хотят жить автономно, говорить на родном языке, на родном языке объясняться в органах государственной власти и местного самоуправления, в школах, магазинах, на улицах. Они часто решают свои жизненные проблемы внутри этих локальных сообществ, среди своих – по духу, крови, культуре. Разделение людей по принципу непохожести, разных бытовых привычек, религии, языка – практика древнейшая, как и мотивация самопричисления человека к той или иной общности, когда свой – друг, а чужой – враг. Сегодня эта трагическая практика разделения вновь востребована – горят машины во Франции, Чайнтауны распространяются по всему миру, вновь прибывающие в США выходцы из Латинской Америки не спешат изучать английский язык.

Локальные этнокультурные группы далеко не всегда требуют для себя государственной независимости, но устанавливают в эмигрантских анклавах свою власть, свой суверенитет де-факто. И национальное государство все чаще бессильно что-либо этому захвату власти противопоставить. Конечно, у него есть полицейские силы, спецназ, армия, наконец. Но все это инструменты отчаяния, «последней надежды», их пускают в ход тогда, когда война по существу уже проиграна. Эмигранты создают свой, «параллельный мир», в котором свои законы, правила поведения, свои представления о чести.

Ситуация в Приднестровье, естественно, отличается от ситуации с новыми эмигрантами и новыми этнокультурными анклавами, но ее непохожесть укладывается в общую тенденцию.

Исторически сложилось так, что Приднестровье было частью пограничной зоны империи, ее активной, действующей частью, крепко привязанной к метрополии. Далекая и близкая история определяет и сегодняшнее развитие региона. Воскресный референдум не первый в Приднестровье, два уже было: в 1991 и 1995 годах. Но самым главным и жестоким «референдумом» была война, итоги которой и разделили людей на левом и правом берегу Днестра.

Ее боль не забыта и сегодня, между Приднестровьем и Республикой Молдова нет доверия, а без доверия строить какие-либо отношения затруднительно, тем более в такой непростой и деликатной сфере, как цивилизованное государственное строительство. Эту боль могут лечить время и целенаправленная политика взаимных уступок и компромиссов, поиска того, что объединяет, а не разъединяет людей. Стоит пытаться понять и простить друг друга. Взаимоотношения Молдовы и Приднестровья – это как раз тот случай, когда худой мир лучше доброй ссоры, когда не надо делать резких движений.

Ситуацию по восстановлению государственной целостности Молдовы затрудняет и то обстоятельство, что республика далеко не самое богатое государство в Европе. По уровню жизни Молдова приближается к Таджикистану и Киргизии, государствам неевропейским и откровенно бедным. Будь это по-другому, если бы уровень доходов граждан Молдовы приближался к доходам поляков и венгров, поиск возможных компромиссов по государственному устройству республики протекал бы намного легче.

Что касается признания итогов воскресного референдума мировым сообществом, то здесь ситуация довольно однозначна. Итоги референдума не признают ни США, ни ЕС. В отношении позиции России не все так просто. Уже сегодня мы слышим заявления ряда политиков-«патриотов»,

приветствующих итоги референдума. Если все этим и ограничится, если дело не дойдет до включения Приднестровья в состав РФ, тогда можно считать, что россияне, да и европейцы вообще, легко отделались. На то они и политики, чтобы привлекать к себе общественное внимание, привлекать к себе внимание потенциальных избирателей, используя для этого любой значимый информационный повод.

Однако в случае, если продекларированные на референдуме цели будут восприняты российской властью и обществом всерьез, и Приднестровье войдет в состав РФ, велика вероятность нового военно-политического противостояния Запада и России, балансирование на грани войны «холодной» и «горячей». Мы помним, что такое противостояние во многом способствовало крушению Советского Союза, бремя гонки вооружений оказалось для него неподъемным. Не сможет противостоять Западу в лице НАТО и ЕС и Россия. Это очень серьезная опасность, и ее нельзя недооценивать.

Существует самая серьезная опасность, что юридическое включение Приднестровья в состав России, начало процесса «собираения земель» империи рано или поздно направит новейшую европейскую историю именно по этому руслу. «Собираение земель» всегда сопровождается кровью и потом, его тяжесть ложится на обычного, погруженного в свои житейские заботы человека, происходит за его личный жизненный счет. И потому не надо сегодня стрелять в «эрцгерцога Фердинанда», не надо провоцировать историю, «будить лихо», не надо играть в август 1914-го.

Отношение к Грузии

В России есть зачатки гражданского общества. Об этом свидетельствуют письма от имени российской художественной и научной интеллигенции в защиту грузинского национального меньшинства, проживающего в России, а также спонтанно-рефлективные решения о принятии грузинского гражданства этническими русскими, никакого особого отношения к Грузии не имеющими. Старое русское отношение к жизни,

выраженное в известной максиме «не в силе Бог, но в правде», во многом объясняет это, на первый взгляд, парадоксальное решение наших соотечественников. Их позиция заметна, в чем-то даже героична, но эти крайние действия вызваны отчаянием, невозможностью переломить массированную антигрузинскую кампанию.

Сегодня в массовом российско-националистическом, архаичном сознании грузины постепенно занимают место евреев: то темное, разрушительное, что содержит в себе биологическая природа человека по отношению к другим, непохожим, – выплеснулось на наших давних и очень близких соседей. И это несмотря на то, что история Грузии переплетена с российской историей, грузинская аристократия верой и правдой служила империи Романовых, грузинский народ вместе с другими народами СССР вынес на себе тяготы и страдания Великой Отечественной войны. Сегодня соотечественники династии Багратионов не могут спокойно ходить по улицам российских городов, а их дети привлекают к себе особое внимание чиновников от образования.

Практика нарушения прав человека по национальному признаку, безусловно, ужасна. Ужасно и то, что страна пытается жить по закону избирательно: на прочих нелегальных эмигрантов, на негрузинские этнические криминальные сообщества глаза закроем – по ним указания (разнарядки?) еще не было, а по «лицам грузинской национальности» уже есть, тогда поищем еще и налоговые нарушения у деятелей культуры грузинского происхождения... Воистину, строгость российских законов смягчается необязательностью их применения. Но уж когда принято решение закон применить, его применяют «с походом», «по всей строгости», с перехлестом, дабы другим неповадно было.

Но означает ли это, что правительство Грузии, президент Саакашвили, начав разговаривать с Россией и ее военнослужащими не «по понятиям», а по законам Грузинской Республики, прав с моральной точки зрения? Нет, не означает. Меня не покидает ощущение, что демонстративный арест

российских офицеров, обвинение их в шпионаже, а главное, блокирование силами грузинской полиции штаба российских войск, выходит за рамки обычной «разборки» между спецслужбами. Была проявлена политическая воля грузинского руководства, воля, направленная на максимальную дестабилизацию отношений с Россией, на получение максимально жесткой российской ответной реакции.

Возможно, что примером такого, на первый взгляд, безрассудного поведения грузинского руководства, провоцирующего заведомо более сильное государство, была тактика шиитского движения «Хезболла», примененная против государства Израиль летом этого года. Провоцируя Израиль, «Хезболла» стремилась вызвать чрезмерную силовую реакцию, избыточное применение силы в отношении Ливана, ливанского мирного населения. Подставляя мирных ливанцев и своих солдат под удары тяжелого вооружения армии Израиля, лидеры «Хезболлы» делали это ради того, чтобы выиграть информационную войну. И во многом они ее выиграли. На весь мир транслировались кадры убитых и раненных среди мирного населения Ливана и разрушений инфраструктуры жизнеобеспечения его населения, а не только «инфраструктуры террора».

Израильское государство попало в «информационный капкан», расставленный «Хезболлой». Несколькими месяцами позднее российское руководство попало в аналогичный «информационный капкан», расставленный руководством Грузии. Он тоже был рассчитан на эмоциональную, выходящую за рамки здравого смысла реакцию России. В большей мере это удалось. Отношения дестабилизированы, сила ответной российской реакции зашкаливает за все мыслимые пределы.

Сегодня взаимоотношения России и Грузии зашли в тупик, страны балансируют на грани войны «холодной» и «горячей». И, как всегда в истории, больше всего страдают от этого простые люди, те, кто никогда не занимался политикой, но думал об обустройстве собственной жизни.

На извечный русский вопрос «что делать?» можно ответить лишь, что нужно переходить от разговора на уровне эмоций к разговору на уровне интересов. Надо начинать трудные и, по-видимому, долгие переговоры по всему комплексу российско-грузинских отношений. Тематика этих переговоров должна включать в себя будущий правовой статус Абхазии и Южной Осетии, вопросы экономического взаимодействия, возможного членства Грузии в НАТО, культурной автономии грузинского национального меньшинства в России и российского в Грузии... Сегодня есть пространство для поиска пакетных соглашений, основанных на взаимных уступках и компромиссах, есть возможность для серьезного, цивилизованного дипломатического торга. От угрожающего вида, резких движений с обеих сторон пора переходить к диалогу. Иными словами, пора взрослеть.

Европейская интеграция и решение проблемы перемещенных культурных ценностей

Сегодня все мы являемся свидетелями ускорения процессов исторической и социокультурной динамики, когда происходят значительные изменения в различных сферах человеческой жизни. В настоящее время формируется единое экономическое, политическое, информационное пространство, процессы интеграции распространяются на социокультурную сферу европейских государств. Происходят серьезные трансформации в институциональной организации Европы, когда Европейский союз и Северо-Атлантический альянс распространили свое влияние на Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, очередная волна расширения этих международных организаций захватит и ряд государств, образовавшихся на месте бывшего СССР.

В области европейского обустройства мы имеем дело с переформулированием итогов второй мировой войны, с геополитическими изменениями, которые по своим масштабам сопоставимы с теми, что определяли развитие континента после мировых войн. Меняются духовные

границы Европы, которые всегда были подвижны, но никогда ранее не распространялись так далеко на восток. Реинтерпретация итогов второй мировой войны, включение России в серьезный диалог с Единой Европой позволяют в новом контексте рассматривать проблему реституции культурных ценностей. Нацистская Германия, более полувека назад втянувшая мир во вторую мировую войну, широко практиковала захват и вывоз на территорию Третьего Рейха культурных ценностей, расположенных на оккупированных землях европейских государств. Материальный, демографический, культурный ущерб, нанесенный Германией европейцам, прежде всего народам СССР, колоссален. Стремясь частично компенсировать нанесенные войной потери, руководством страны было принято решение о вывозе экономических и культурных ценностей, находящихся на территории Германии и стран-сателлитов, в СССР. Эта политика представляла собой попытку восстановления нарушенного баланса взаимного ущерба, ответом Германии на аналогичном политическом языке, действием, основанным на старом, как мир, принципе: «око за око, зуб за зуб». Политика государственных экспроприаций с обеих сторон сопровождалась неорганизованным массовым вывозом активов, к числу которых относились и культурные ценности.

Решение проблемы реституции, возвращения культурных ценностей довоенным владельцам долгое время отягощалось наследием прошлого, разделением Европы на военно-политические блоки, отсутствием политического, человеческого и культурного взаимопонимания. В этом смысле ситуация сегодня меняется кардинально, Германия является экономическим и политическим «локомотивом» Единой Европы, государством, с которым можно и нужно договариваться, искать нетрадиционные, компромиссные пути решения старых проблем. Современная интерпретация проблемы реституции предполагает некоторую асимметричность, возможность ее решения в контексте немецких

инвестиций в Россию, списания старых советских долгов, перспектив интеграции России в Единую Европу.

Проблема реституции культурных ценностей распадается на бесчисленное множество отдельных эпизодов, конкретных фактов, сложного переплетения имущественных, политических, правовых проблем. Проблема реституции может иметь в целом паллиативное (частичное) решение, мы не можем разрешить ее окончательно точно так же, как мы не можем целиком восстановить, воссоздать первоначальный облик разрушенных авиацией европейских городов, средневековых замков, соборов, университетов. В различные исторические эпохи вопросы реституции воспринимаются нами в различном контексте. Попытка их разрешения представляет собой своеобразный поиск баланса истории и современности, исторической справедливости и политического расчета, рационализма и чувства жгучей человеческой трагедии, горя, исторической несправедливости. Невозможно решить проблему реституции в целом, решению поддаются лишь ее отдельные, частные вопросы.

Важнейшим аспектом проблемы реституции культурных ценностей является необходимость соблюдения национальных интересов России, предполагающее, в частности, создание экспертных групп, широкое привлечение профессионалов, гласное, открытое обсуждение каждого конкретного реституционного проекта.

Перемещение культурных ценностей являются частью межкультурного взаимодействия, которое в истории часто происходило в процессе военных действий, носило характер агрессии. Военная добыча, трофеи, древнейшая форма знакомства с чужой культурой. Эти архаические механизмы впервые были использованы в таких масштабах в годы второй мировой войны. Для Нацистской Германии разграбление культурных ценностей на оккупированных территориях и концентрация их на территории Рейха, было материальной формой подтверждения претензий на мировое господство. Для народов, населяющих СССР, конфискация артефактов культуры с

последующим вывозом их на свою территорию была формой знакомства с европейской культурой, прорыва железного занавеса, эстетизации повседневной жизни. Вывезенные картины, столовые сервизы, мебель, домашняя утварь, книги заполняли пустоту (простоту) пролетарского быта, хотя бы частично позволяли удовлетворять тягу к «мещанскому» благополучию, заполняли вакуум вещного, предметного мира, делали его более прочным, основательным, «буржуазным». На уровне массового сознания это воспринималось как малая плата за то горе и страдания, которые пережили народы России.

Сегодня мы во многом можем снять остроту проблемы реституции открывая трофейные фонды, осуществляя совместно с Европейским Союзом, Юнеско, другими международными организациями, благотворительными фондами, проекты по сохранению, систематизации перемещенных культурных ценностей, их включению в научный, музейный, выставочный оборот. И основное бремя финансового участия в подобных проектах могла бы принять на себя Единая Европа, поскольку речь идет о сохранении европейского культурного наследия.

В практическом плане возможно создание постоянно действующих выставок, в том числе и на территории Германии, при сохранении юридических прав собственности на их экспонаты за российской стороной. Возможно некоторое «растворение» проблемы реституции в программах межкультурных контактов, включающих в себя включение перемещенных культурных ценностей в общеевропейский культурный оборот. При условии хорошего менеджмента, сфера реституции может стать еще одним культурным мостом в Европу, а в утилитарном смысле, источником новых музейных технологий, совместного владения музейными коллекциями, извлечение доходов, получение которых может быть не всегда сопряжено с юридической передачей прав собственности.

Сегодня боль второй мировой войны притупилась, Германия уже не воспринимается нами так, как тридцать – сорок – пятьдесят лет назад.

Проблема реституции постепенно переходит из эмоциональной в рациональную плоскость, область расчета, компромиссов, политического торга, очищаясь от чувства мести, приобретая некоторый налет цинизма. Она представляет собой часть более широкого круга проблем исторической памяти, прощения, вины, примирения народов России и Германии.

Литература

1. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 164с.
2. Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи//После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.7.
3. Там же. С.10.
4. Яковенко И. Империя и нация//После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С.60.
5. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. С.339-340.
6. Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. С.14-15.
7. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
8. Марков и марковцы / Науч. ред. В. Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2001. 551 с.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. 256 с.
10. Трейвиш А. Город, село и региональное развитие / Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. С. 337-373.
11. Дойч К. Национальная интеграция: обзор некоторых концепций и исследовательских подходов // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт. сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С. 190-202.
12. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм / Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 347-363.

13. Кемаль М. Путь новой Турции. Т. III. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920-1921. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934.
14. Власова О. Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта-3 апреля 2005. № 12 (459). С. 74.
15. Водо В., Черников А., Строкань С. Украина сдалась союзникам. Коммерсант, 22 апреля. № 72. С.9.
16. Померанц Г. С. Из глубины холодной смуты // Неуслышанные голоса. Том 2. М.: Независимое издательство «Пик», 2003 г.
17. Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2/ Сост., вступительная статья, примечания Бойкова В. Ф. СПб.: София, 1991.
18. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко и др. Под ред. Ю.Н. Пахомова. Киев: Наук. думка, 2002.
19. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003.
20. Гурова Т. Революция, ее вожди и ее технологии// Эксперт, 13-19 декабря 2004. №47 (447).
21. Быков П., Власова О. Зачем нам нужна Украина// Эксперт 13-19 декабря 2004, №47 (447).
22. Джангужин (Жангожа) Р. Н. Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002.

Глава III. От модернизации к реставрации

I. Консервативный откат

Анализируя происходящие в стране общественно-политические процессы, позволим себе допущение о том, что в действиях современной российской власти все более отчетливо просматривается тенденция к великодержавному имперскому реваншу, естественно дополняемая атмосферой страха и конспирологическим восприятием окружающего мира. Сегодня количество фактов, подтверждающих и иллюстрирующих эту гипотезу, растет в геометрической прогрессии, особенно отчетливо эти тенденции ощущаются с осени 2003 – начала 2004 года.

В рамках тенденции к имперскому реваншу вполне логично выглядят утверждения о необходимости строительства многополярного мира,

обыгрывание призрачной возможности собирания экономических, политических, военных ресурсов России, Индии, Китая¹¹⁶ с целью оказания давления в отношении коллективного субъекта запада.

Угрозы эти утопичны, вероятность их практического осуществления – ничтожна, но само их появление носит знаковый характер. И этот знак – послание «граду и миру» – вполне поддается расшифровке и толкованию: отстоим от претензий запада исконное право на использование имперской (авторитарной и тоталитарной) отечественной социокультурной традиции, в рамках которой не власть существует ради человека, но человек ради власти.

Логика этой традиционной, в сегодняшних геополитических условиях уже вполне иррациональной страсти к имперскому могуществу, проявляется и в политике, направленной на сохранение у власти в странах СНГ ориентированных на Москву авторитарных и коррумпированных режимов в борьбе с демократическими/бархатными революциями на постсоветском пространстве (Грузия, Украина), и с западноориентированными силами, которые приходят к власти в результате этих революций. Но все более авторитарная и еще только восстанавливающая свой экономический потенциал Россия не может предложить бывшим советским республикам ничего, кроме поставок сырья и оружия. Это важно, но этого абсолютно недостаточно для того, чтобы удержать их в орбите своего влияния.

Для такого удержания необходимо культурное, технологическое превосходство России не только над предполагаемыми «странами-сателлитами», но и над странами старой Европы, США, Японией, возможность экспортировать более совершенные, чем у конкурентов, технологии, проводить объемные инвестиции. Пока играть эту роль достаточно сложно. Прежде всего вспомним общеизвестное: российская культура в своей прикладной, технологической, части не превосходит

---

¹¹⁶ В русле этой тенденции закономерно и сотрудничество с государствами, получившими устойчивое мировое признание в качестве стран-«изгоев», а также с теми, кто пока только претендует на эту роль в глазах западного мира, например, с Исламской Республикой Иран.

технологический потенциал стран, относящихся к западной цивилизации. В длительной исторической ретроспективе мы не идем на равных, но догоняем своих сегодняшних реальных и виртуальных контрагентов¹¹⁷.

Тем не менее политическое руководство страны пытается претендовать на восстановление советского статуса сверхдержавы. Опыт США, единственной сверхдержавы современного мира, показывает, что быть сверхдержавой хорошо. Этот статус в его военно-политическом воплощении вполне возможно конвертировать в сферу экономики, в том числе оказывать поддержку доллару как мировой резервной валюте, получая благодаря этой роли сверхдешевый кредит, внешнее финансирование американской экономики. Но это сообщающиеся сосуды, американская военно-политическая мощь прежде всего является производной от американского экономического могущества. Современное российское руководство почему-то полагает, что можно претендовать на роль сверхдержавы, конкурирующей с США¹¹⁸ за влияние и контроль над территориями и ресурсами, не имея

---

¹¹⁷ Вспомним программный лозунг И.В. Сталина о том, что «мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет!». Цит. по: Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 62. Вспомним и позднейшие слова Н.С. Хрущева о том, что «мы должны догнать и перегнать Америку». Из резолюции XXII съезда КПСС: «Успешно решается задача – догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Советский Союз уже обогнал самую развитую капиталистическую страну – Соединенные Штаты Америки – не только по темпам, но и по абсолютному ежегодному приросту продукции. В настоящее время в СССР больше, чем в США, добывается железной руды, угля, производится кокса, сборного железобетона, магистральных электровозов и тепловозов, пиломатериалов, шерстяных тканей, животного масла, сахара, рыбы и ряда других изделий и продуктов. Выполнение семилетнего плана выведет экономику Советского Союза на такой рубеж, когда потребуются уже немного времени, чтобы перегнать США и по производству продукции на душу населения. Это будет всемирно-исторической победой социализма над капитализмом». См.: Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С.309.

¹¹⁸ Гэри Норт: «Начиная с 1899 г., США постепенно заменили Европу в дорогостоящем, рискованном деле строительства империи. Наши авианосцы патрулируют мировой океан. Теперь мы стали главным объектом ненависти и мести. Люди не любят, когда ими помыкают иностранцы,

сопоставимой с ними экономики, сопоставимого государственного бюджета как основы для финансирования армии и ВПК, сопоставимых ресурсов во многих чисто военных областях.

В этих условиях фантазии (претензии?) на роль сверхдержавы выглядят достаточно странно, хотя в этом случае легко подобрать и иные, более сильные эпитеты. Но, по-видимому, данная политика строится на эмоциональных основаниях, когда то, чего априорно делать нельзя, но в то же время очень хочется сделать, становится можно. Можно, разумеется, не в реальной жизни, не на рациональной основе, но лишь в виртуальной области, области утопий и самообманов. Приятно, наверное, выдавать желаемое за действительное, грезить имперским статусом, как грезили им после гибели Западной Римской империи на западе, а затем и на востоке Европы, но реальность плохо соответствует фантазиям. Но самое важное заключается в издержках подобных экспериментов как для общества в целом, так и для каждого гражданина страны в отдельности, и стоимость этих издержек – зашкаливающе высока.

Говоря о максимальной разрушительности этих издержек, заметим, что гораздо лучше быть живым жителем не очень крупного и амбициозного европейского государства, чем пушечным мясом этой виртуальной квазиимперии. Перефразируя известное выражение Бисмарка, скажем, что «не пушки – вместо масла», но с точностью до наоборот: – «Гедонизм вместо милитаризма». Мы вполне солидарны со старым лозунгом европейских и североамериканских хиппи: «Нам нужна любовь, а не война», полагая, что россиянам нужны тихие радости потребительства – вместо имперской риторики и культивируемого духа служения и самопожертвования во имя империи, нужна частная, а не «национализированная» вялым неоимперским руководством жизнь.

будь то в Греции эпохи Афинского союза или в наши дни» Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в./ Уильям Боннер; Эддисон Уиггин; пер. с англ. Б. С. Пинскера. Челябинск: Социум, 2005. С.299.

Вторая выраженная тенденция в современной российской политике, на первый взгляд, противоположна первой, хотя в реальной жизни они вполне симбиотичны и взаимодополняемы – страх перед «внешними и внутренними врагами», конспирологический взгляд на мир. Когда политическая элита страны начинает всерьез уповать на воссоздание сверхдержавы и империи, что, как мы уже заметили, предполагает достаточно жесткую конкуренцию/борьбу за место под солнцем, претендентам становится не по себе, оживают сознательные и бессознательные страхи, комплексы, фобии. Пышным цветом расцветает конспирология, всюду мерещатся чужие, враждебные и могущественные силы, которые норовят погубить «нарождающуюся» в их воспаленном воображении «сверхдержаву», какую угодно – либеральную, не либеральную, но империю.

Здесь и иностранные благотворительные фонды, несущие, как фонд Сороса, чуждый и враждебный имперской социокультурной традиции дух индивидуализма и потребительства. Слышатся стенания чиновников/силовиков, ультрапатриотов, содержание которых, чуть иронизируя и упрощая, можно свести к следующему: вот, поддержал Дж. Сорос в 90-е годы толстые литературные журналы, книгоиздание и библиотеки, – тем самым внес в наше вполне здоровое и любящее начальство вообще, а представителей силовых ведомств и служителей православной церкви в особенности, общество, дух западной индивидуалистической жизни, прав человека, чуждых русскому духу ценностей. Происками иноземного врага размылось чувство имперского патриотизма; не способствовал, но препятствовал Дж. Сорос подготовке новых Сусаниных, Матросовых, Гастелло, Маресьевых. Новая российская власть успела за несколько последних лет эволюционировать в направлении неоимперскости и авторитаризма, осознав свои новые/старые интересы и ценности. Мы знаем, что в этой системе координат ценность человеческой жизни вполне условна, а ценность авторитарной власти и неоимперского государства – безусловна. Такая власть и такое государство веками держались на служении

и жертвоприношениях простого российского/советского человека, его страданиях, подвигах и страстотерпии, именно он платил за грезы начальства и энтузиастов в форме и в штатском, о воинской славе и имперском могуществе.

Кроме того, немало поддержал фонд и либеральную российскую интеллигенцию, а от нее, как известно любому правоверному патриоту/государственнику, – все зло и идет, она – пятая колонна растленного, уютно пребывающего в ситуации перманентного системного кризиса западного мира. Да и не один он, этот нерусский фонд, есть еще фонды и фондики – и во всех если не враги, то приспешники врагов, люди, «льющие воду на их мельницу». Поэтому держать и не пущать, проверить при помощи налоговых органов, надавить на арендодателей, которые представляют им помещения, заставить в разы, десятки раз повысить арендную плату, а не поможет, можно и «отключить газ» – своя рука владыка.

В рамках проводимой политики все более осязаемого «подмораживания» России под прямой или опосредованный государственный контроль берутся телевизионные каналы, иные средства массовой информации, из которых выдавливаются наиболее талантливые и не уступающие властным манипуляциям профессионалы. Общественные телевизионные каналы укрощаются, но этого укрощения власти уже мало, поэтому создаются новые каналы, призванные обеспечить для нее пропагандистское прикрытие и воспитание старого/нового человека, преданного власти не только из страха, но и по совести¹¹⁹. Этим вечным

---

¹¹⁹ Это желание далеко не новое, в отечественной истории можно привести достаточно длинный список как отчетливо сформулированных, так и только чаемых пожеланий подобного рода. Приведем только одно из них: «Грозный желал иметь в подданных не запуганных и бессловесных рабов, а доблестных патриотов, сознательно и самоотверженно преданных Царю и Отечеству, – не таких рабов, которые делают все из страха, а таких рабов, каким был хотя бы библейский раб Авраама, преданный своему господину и пользовавшийся его неограниченным доверием и

целям имперского строительства, поддержания и удержания физического тела империи должны, по задумке неоимперских идеологов, послужить «военно-патриотический» и «православно-патриотические» телевизионные каналы. Но как ни изощряются апологеты империализма и державности, на большее, чем очередные ремейки на тему уваровской триады о «православии, самодержавии и народности», их совокупной креативности явно не хватает.

Для оборонного сознания, которое, судя по обилию прямых и косвенных свидетельств, во все большей мере овладевает высшей бюрократией, вполне логично выглядит и выстраивание властных вертикалей везде где только возможно, в том числе и в таких ключевых сферах, как политика и экономика. В связи с этим заметим, что отказ от выборности губернаторов и руководителей национальных республик, несмотря на свои очень архаичные, имперские предпосылки, все же может служить предметом более или менее серьезного обсуждения, но отказ от выборности руководителей городского самоуправления (муниципалитетов) отбрасывает страну в «темные века» европейского Средневековья¹²⁰. Иными словами, власть во все большей степени концентрируется в руках все более многочисленного чиновничества, «силовой бюрократии», озабоченной не столько общественными, сколько своекорыстными интересами.

Вторая властная вертикаль выстраивается (выстроилась) в сфере крупного частного, полугосударственного и государственного бизнеса. Для власти важно контролировать все существенные денежные потоки, лишать финансовой подпитки любую возможную оппозицию, превентивно отсекают финансирование любых альтернативных социальных, политических, экономических проектов. Но если в обществе не рассматриваются такого

любовью». См.: Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. С. 21.

¹²⁰ Но Георгий Сатаров, президент фонда ИНДЕМ, полагает, что: «Назначение губернаторов сверху – это типичная феодальная конструкция и возврат средневековья в чистом виде». Цит. по: Алякринская Н. Рожденная впопыхах // Коммерсант. № 01-02 (1269) 14-20 января 2005 года. С. 12.

рода проекты, если контроль над информацией становится всеобъемлющим, если власть все более и более полагается на административный ресурс – риск принятия неверных управленческих решений возрастает на порядки.

В сфере экономики среди таких катастрофических по своим последствиям для страны решений лидирует «дело ЮКОСа». И здесь мы упираемся в волюнтаристический подход власти и общества к любым формам собственности, как государственной, так и частной. В реалиях российской жизни собственность – это не юридически защищенный институт, но лишь ситуационное выражение близости или неблизости к власти в лице ее отдельных группировок и представителей. Как только меняется политическая ситуация, как только начинается массовая ротация политической элиты, то почти сразу же выясняется, что собственник вполне условно владеет номинальной собственностью, у него практически нет никаких работоспособных легальных (законных) механизмов для того, чтобы эту собственность удержать.

В сегодняшних российских реалиях собственникам можно, наверное, попробовать как-то договориться с очередной/внеочередной новой властью, поднести «дары», взять на постоянное финансирование тот или иной общественно-политический или спортивный проект... В итоге вырисовывается такая «замечательная» и, конечно, максимально способствующая всевозможному российскому процветанию, удвоению ВВП и проч. картина – каждые четыре-восемь лет очередной (планируемый!) передел собственности¹²¹.

Уже сегодня можно предположить, что правительство, сформированное в будущем представителями либеральной (объединенной?)

---

¹²¹ Вот как характеризует взаимодействие экономической и политической сфер в империи Ф. Бродель: «Экономика плохо приспосабливается к требованиям и принудительным мерам имперской политики, не имеющей противовеса. Никакой купец, никакой капиталист никогда не будет в ней располагать полной свободой рук». См.: Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 49.

оппозиции может пойти на процедуру реституции, возвращения «Юганскнефтегаза» и иных отторгнутых активов ЮКОСа и/или его сегодняшним акционерам, хотя сама компания и будет ликвидирована к означенному сроку. Некоторой, пусть и приблизительной аналогией, здесь может служить ситуация с аукционами по украинской «Кривожстали». Более того, любая российская или иностранная бизнес-структура, пожелавшая поучаствовать в разделе имущества нефтяной компании, имеет значительную вероятность не только это имущество потерять, но из своих средств покрыть имущественные издержки и моральный вред, причиненные нынешним акционерам ЮКОСа.

Уже сегодня достаточно легко и естественно предположить, что на очередном водоразделе истории чертой, отделяющей прошлое от будущего, может стать громкое судебное разбирательство по пересмотру дела ЮКОСа, как сегодня таким водоразделом стал арест М.Б. Ходорковского и фактический разгром лучшей нефтяной компании России. Такова ироническая логика истории.

Вопрос о том, стоит или нет разрушать новую постсоветскую российскую государственность во имя призрачной в кратко/среднесрочной исторической перспективе цели – захвата и удержания в своих руках эффективной нефтяной компании – остается, по меньшей мере, открытым.

Заметим, что дело ЮКОСа генетически восходит к российской исторической традиции, когда в течение столетий в стране проходил как целенаправленный и планируемый (эпохи И. Грозного, В. Ленина, И. Сталина), так и спонтанный (поджоги имущества и убийства хуторян-отрубников в годы столыпинских реформ) негативный личностный отбор. В процессе этого отбора сильные, независимые, экономически эффективные социальные слои либо отбраковывались/уничтожались физически, либо укрепляли своим трудом, способностями и интеллектом иноземные государства. Ведь сильными труднее управлять, они более независимы, что и приводило к их периодическому изъятию не только из экономики, но и из

жизни, которое периодически практиковала авторитарная/тоталитарная российская власть. В результате проводимой, хотя и с некоторыми послаблениями, в течение столетий подобной политики сильных и эффективных, независимых от социальной поддержки государства, стало относительно мало, а слабых, рассчитывающих на эту поддержку – сравнительно много¹²².

Но без людей сильных экономически, политически, социально Россия не выживет, ведь именно они создают национальное богатство, генерируют и осуществляют успешные бизнес-проекты. Либеральные реформы 90-х годов XX века были исключением из этого правила уничтожения сильных, они получили возможность свободного развития, создания своего дела, достижения не только экономического, но и социального успеха.

Сегодня со всей определенностью приходится констатировать, что задачи буржуазно-демократической революции августа 1991 года были разрешены далеко не полностью. Прежде всего, власть не перешла в руки буржуазии по той банальной причине, что в начале реформ таковой в России практически не было. Сегодня буржуазия в стране есть, она, наконец, созревает до осознания того простого факта, что для поддержания, сохранения и развития бизнеса необходимо заниматься политикой, финансировать те политические силы, которые способны выражать и отстаивать экономические и политические интересы наиболее образованной, молодой и динамичной части общества, поскольку они во многом совпадают с ее собственными интересами.

На горьком опыте последних четырех лет не только российские капиталисты, но и значительная часть общества убедились в том, что власть

---

¹²² Вот что писал, характеризуя ментальные основания подобного положения вещей, Н.А. Бердяев: «Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам кузнец своей судьбы. Он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы. Всякая сила, повышающая жизнь, представляется русскому человеку нравственно подозрительной, скорее злой, чем доброй». Цит. по: Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 335.

нельзя бросать на дороге, ее могут подобрать люди, которые совсем не разделяют демократические ценности, полагая, что общество вообще и бизнес в частности должны играть подчиненную в отношении чиновничества роль¹²³. В этой системе ценностей место бизнеса сугубо обслуживающее, власть ожидает от него согбенной позы и сакраментальной фразы «Чего изволите?». Изволите бесплатно захватить бизнес, послать нового российского капиталиста за пивом, посадить в тюрьму? Отношения современной российской власти и ее контрагентов, в том числе бизнеса, во многом укладываются в жанровую сцену из фильма «Кин-Дза-Дза» – «всем пацакам (в наших сегодняшних реалиях бизнесменам. – С.Г.) надеть намордники, и улыбаться, улыбаться». Как мы помним, такие нововведения закончились для власти чатлан на той отдаленной от Земли планете вполне плачевно¹²⁴.

Отметим здесь и еще одно важное обстоятельство – условность владения собственностью в России, рассмотрение «собственника» лишь как государственного управляющего (смотрящего) означает отсутствие в стране материальной, имущественной основы человеческой свободы вообще. В такой ситуации права человека столь же условны, как и право на собственность, это абсолютно взаимосвязанные вещи.

---

¹²³ Вот как характеризует современное господствующее положение бюрократии М.Б. Ходорковский: «Но ни один настоящий патриот не отдаст жизнь за горстку чиновников, интересующихся только своими доходами. Ни один настоящий поэт не сложит в их честь гимн. Ни один ученый не стремится к большим открытиям в среде, где на гений всем наплевать. Очень скоро единственным контрагентом всепожирающей бюрократии станет свирепая бесформенная толпа. Которая выйдет на улицу и скажет: "Обещали хлеба и зрелищ? Так где они?!"». См.: Ходорковский М.Б. Собственность и свобода // Ведомости. № 239 (1279). 8 дек. 2004. С.А 4.

¹²⁴ В современных (постсоветских) социокультурных реалиях бывший глава Госкомимущества РФ А. Кох определил опасность подобного отношения к российскому бизнесу следующим образом: «А вот те люди, которые хотят сегодня ревизию провести, итоги приватизации пересмотреть, – вот те нарываются на большую кровь». Кох А. Государство-продавец // Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999. С. 250.

Российская история очевидно свидетельствует об инверсионном характере характерных для страны общественно-политических процессов, когда полюса добра и зла в народном сознании и в сознании элит, как впрочем, и сами эти элиты, многократно менялись – то, что еще вчера заслуживало одобрения, преклонения и защиты рассматривалось затем чуть ли не как проявление абсолютного зла. Сегодня власти только кажется, что она чуть ли не навсегда, что ситуация контролируема и общество поддается планируемыми и внеплановыми манипуляциями с ее стороны. Завтрашний день не определяется простой экстраполяцией особенностей дня сегодняшнего в будущее. Современная российская власть сумела решить достаточно сложную задачу – одновременно поссориться с левой и правой частью российского политического спектра. Авангард красной молодежи, НБП (лимоновцы), молодежные структуры «Яблока» и СПС, если идут не в едином строю и не объединены под общим руководством, то объединены достаточно жестким оппонированием власти, причем этот властный оппонент определен не только на институциональном, но и на персональном уровне. Сакраментальный для российской политики вопрос – против кого дружить будем? – уже перестал быть вопросом, а стал вполне понятным и в чем-то уже банальным ответом. Вот вокруг этого общего понимания проблемности ситуации, осознания необходимости ее возвращения в область здравого смысла и произошло это пока еще вполне виртуальное, но по своим возможным последствиям достаточно действенное объединение.

Современная российская власть убаюкивает себя поддержкой многочисленных «центристов», политически нейтральных обывателей¹²⁵. Но фундаментальная ошибка опоры на эту часть общества заключается в следующем. Такая опора хороша в стабильной и предсказуемой общественно-политической ситуации, но при ее обострении обыватели вряд ли будут защищать власть, как защищали ее люди с определенными

---

¹²⁵ Как тут не вспомнить бытовавшую в Петрограде 1920 года житейскую максиму: «Мы обыватели, нас одевайте вы, мы за вашу власть».

политическими принципами в августе 1991 года у Белого дома и в октябре 1993 у Моссовета. В те годы помогало жить и со сдержанным оптимизмом смотреть в будущее ощущение того, что эта власть своя, в отношении нее многие испытывали и определенные внутренние обязательства – эту власть можно и должно было защищать и отстаивать. Удивительное ощущение социальной/ментальной близости власти пришло впервые в жизни и окончательно исчезло при смене идеологических и политико-экономических эпох в начале нового века.

Мы полагаем, что в краткосрочной/среднесрочной исторической перспективе, преимущественно в результате возможного резкого уменьшения стоимости сырьевых продуктов российского экспорта, есть вероятность того, что власть окажется перед лицом возмущенных масс, один на один с народом. Заметим, что группы поддержки, сколь бы многочисленными и финансируемыми они бы ни были сегодня, вряд ли будут сколь либо активно участвовать в возможном противостоянии. Кроме того, роль силовых структур в периоды общенациональных кризисов достаточно амбивалентна, как это показывает исторический опыт, полученный в Тегеране 1978 года, Бухаресте, других столицах восточноевропейских государств в конце 80-х годов прошлого века. Сегодня не видно каких-либо оснований для того, чтобы исключить Россию из этого хрестоматийного ряда. Это банально, но армия и все спецназы силовых структур укомплектованы выходцами из народа, а в постсоветской России нет потомственной военной аристократии со своими четкими политическими интересами, как, например, в современной Турции.

В истории легко найти и иллюстрации, характеризующие особенности поведения различных политических сил в периоды политических кризисов. Центристы, успешные обыватели, остаются дома до последней возможности, становясь впоследствии как пассивными жертвами Чека и гестапо, так и активными соучастниками репрессий. Но в кризисные, переломные моменты историю творит абсолютное меньшинство народа, протестной энергии

которого хватает на проведение радикальных изменений. Так было в России в феврале и октябре 1917-го¹²⁶, в августе 1991-го. Когда же для разрешения определенной политической ситуации объединяются люди левых и правых взглядов, то есть практически все наличные в обществе политические энтузиасты/пассионарии, при той или иной степени поддержки со стороны массового протестного электората, – диапазон вариативности развития вероятной кризисной ситуации резко сужается.

В рамках нашей социокультурной и исторической традиции ломать – не строить, процесс демонтажа, деконструкции старого политико-экономического порядка, прореживания, ускоренной ротации элит в России всегда происходил намного успешнее и сопровождался куда большим энтузиазмом масс, чем процесс созидания. Сегодня не нужно быть пророком для того, чтобы предсказать возможность очередного в нашей истории процесса деконструкции, отягощенной грузом накопившихся несуразностей и одиозных действий системы, но какая новая общественно-политическая конфигурация придет на смену старой, – пока неясно, в кратко/средне срочной исторической перспективе возможно осуществление как позитивных, так и негативных вариантов общественного развития.

Однако в случае демократической самотрансформации системы, восстановления гражданских свобод, перехода от игры с «нулевой суммой», когда победитель получает все, а побежденный все теряет, к поиску компромиссов – необходимость и вероятность подобной реструктуризации

---

¹²⁶ Вот как охарактеризовал поведение основных участников исторической драмы 1917-1922 года Владимир Буковский: «Ведь если что и поражает в российской истории, так именно это безразличие, знаменитый русский "авось": фанатиков-большевиков и было-то не более сорока тысяч в 17-м году, но и противостояла им всего лишь горстка офицеров. Даже в разгар гражданской войны – всего несколько сот тысяч с обеих сторон, из коих значительную часть составляли люди совершенно случайные: поляки, пленные чехи, латышские стрелки. В лучшем случае – казаки. Так где же была вся страна, уже тогда имевшая население в 150 миллионов? Что они-то делали? Сидели по домам и ждали: "Авось, пронесет...". Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996. С.501.

резко снижаются. Мы полагаем, что самотрансформация системы, эволюционное развитие, решение, а не накопление текущих проблем куда эффективней и предпочтительней революционных потрясений.

Пока же усиливающаяся авторитарность в управлении страной препятствует полноте жизненного самоосуществления личности, ныне живущих поколений. Человеческая жизнь далеко не бесконечна, у нас нет времени на пережидание очередного застоя, на ожидание того, когда и куда вывезет русский «авось». Возможность для осуществления полноты самореализации необходима каждому из нас не в «прекрасном далеко» – она необходима сегодня, сейчас. Будущее начинается сегодня, наступает время выбора, близится развилка между имперским/идеократическим прошлым, до сих пор подпитывающим чиновничье и «клерикально-патриотическое» безвременье настоящего, и буржуазным, сытым, негероическим, но динамичным европейским будущим.

Литература

1. Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
2. Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в./ Уильям Боннер; Эддисон Уиггин; пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. Ю. В. Кузнецова. Челябинск: Социум, 2005. 402 с.
3. Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998.
4. Алякринская Н. Рожденная впопыхах // Коммерсант. № 01-02 (1269) 14-20 января 2005 года. С. 12.
5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
6. Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе / Пер. с нем. Г. Швейника, сост. и авт. предисл. П. С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998.
7. Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
8. Ходорковский М.Б. Собственность и свобода // Ведомости. № 239 (1279). 8 дек. 2004. С.А 4.

9. Кох А. Государство-продавец // Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999.
10. Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996.

II. Клерикальная политика блокирует модернизацию

Входит некто православный, говорит: «Теперь я – главный.
У меня в душе Жар-птица и тоска по государю.
Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной.
Дайте мне перекреститься, а не то – в лицо ударю.
Хуже порчи и лишая – мыслей западных зараза.
Пой, гармошка, заглушая саксофон – исчадь джаза»¹²⁷.

Модернизационные процессы в качестве важнейшей составляющей включают процесс секуляризации, обретения личной свободы, прежде всего в повседневности, реализации жизненных проектов без сдерживающей социальной активности необходимости коррелировать свои действия с миром сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Эпоха модерна постулировала, что определение истинности и ложности событий, фактов поддается верификации, подлежит подтверждению или опровержению эмпирическим путем. В рамках западной цивилизации модерна в качестве идеала рассматривается индивидуалистическое существование человека, который стремится к соперничеству с Богом-Творцом, что вызывает настороженное отношение в менее секуляризованных регионах. В представлении человека незападного мира модернизация представляет собой «сжатую и гипертрофированную форму самой западной цивилизации»¹²⁸.

Процессы секуляризации общества и культуры, пусть и с некоторым отставанием в отношении Европы, происходили в России, их торможение во

---

¹²⁷ Бродский Й. Представление // Сочинения Иосифа Бродского. Т. III Издание 2-е. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. С. 299.

¹²⁸ Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН., 2001. С. 168.

многим было вызвано особенностями отечественной социокультурной традиции. В допетровской Руси православие являлось государственной идеологией, организующей культуру и общество. Серьезные перемены при Петре I не вылились в глубинную реформу православной церкви, хотя в результате проводимой монархом модернизационной политики «защитники “последней Руси», то есть старых фикций национального превосходства и богоизбранности Москвы, рассматривались как вредный оппозиционный элемент и жили под страхом репрессий. В этом всем и заключалась культурная реформа»¹²⁹.

В рамках православия достаточно индифферентно воспринимается идея общественного прогресса, развитие скорее воспринимается как интерпретация религиозной традиции, относясь более к сфере духовной, богословской. Православие является, по всей видимости, наиболее аутентичной формой христианства в его первоначальном смысле, далеком от целей мирского усовершенствования. Это обстоятельство затрудняло и поныне затрудняет социокультурную адаптацию русской православной церкви. Оживление общественного, внутрицерковного диалога в России в начале XX века по известным причинам не вылилось в движение религиозной реформации, большей адаптации православной церкви к процессам ускоряющейся социокультурной динамики. Скорее, была некая пародия на реформу, каковой можно считать движение обновленцев.

Ни в XIX, ни в начале XX века, ни, тем более, сегодня православная церковь в России не может генерировать интегрирующую национальную идеологию. Сегодня эта невозможность определяется как секулярностью европейского мира, так и длительным периодом культивирования атеизма в качестве части государственной идеологии. Главным препятствием на пути инструментального использования производной от православия идеологии

---

¹²⁹ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII века // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С.138.

является низкий адаптационный потенциал МП РПЦ, не позволяющий оперативно реагировать на изменение условий в которых живет общество.

Позицию, которая жива в церковных кругах и сегодня, лучше всего выразил более ста лет назад Ф.Достоевский в романе «Бесы». Иван Шатов говорит, обращаясь к Ставрогину: «Цель всякого движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного... Чем сильнее народ, тем особливее его Бог. Никогда не было еще народа без религии, т. е. без понятия о добре и зле. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное добро и зло»¹³⁰. Здесь явно звучит мотив отрицания универсальности христианства, делается акцент на его операционных, этноинтегрирующих возможностях.

В России процессы секуляризации в наибольшей степени проявились в течение советского периода нашей истории, когда дехристианизация, демусульманизация, деиудаизация и т. д. проводились в варварских формах, отсылающих к временам гонений на первых христиан. Российская империя в своей основе была православной цивилизацией, но в результате атеистических десятилетий советской власти и секулярности постсоветского периода российское общество, в значительной мере стало индифферентным по отношению к религии, в том числе и к православному христианству.

Россияне, как впрочем, и граждане иных по преимуществу христианских регионов, уже давно не нуждаются в религиозной санкции для хозяйственной деятельности, как, впрочем, и для деятельности в иных сферах человеческой жизни. Тем не менее, несмотря на тектоническую, фундаментальную подвижку секуляризации продолжают попытки оживить легенду и повернуть историю вспять, назад, в средневековье.

В церковных кругах активно развивается традиция критики цивилизации модерности как торжества материального начала над духовным, причем отнюдь не только в ареале православия. Римский папа Иоанн Павел II

---

¹³⁰ Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. Собр. Соч.: В 30 т. Т.10. Л.: Наука, 1974. С.198-199.

во время общения с молодежью в Львове отметил, что «нельзя переходить от неволи коммунистического режима к неволе потребительства, которая является иной формой материализма, который, хотя и на словах не отрицает Бога, однако отрицает его фактами, исключая его из жизни»¹³¹. Отмечено совершенно справедливо, это исключение божественного из сферы повседневной человеческой жизни и локализация в сфере идей продолжается с переменным успехом в течение, по крайней мере, трех-четырех столетий, это исключение является одной из ведущих тенденций в Европе этого периода.

В течение всего этого периода продолжается ускорение исторической и социокультурной динамики, мир неузнаваемо меняется, вынуждая как отдельного человека, так и любые организационные структуры эволюционировать, адаптироваться к духу времени. Эта адаптация, безусловно, происходит и в ареале, занимаемом православной церковью, происходит в ней самой. Вопрос в том, что эти изменения не успевают за бурными социокультурными трансформациями, а попытки ускоренной адаптации к ускоряющимся динамическим процессам встречаются в церковных кругах, наиболее последовательно воспроизводящих архаические элементы социокультурной традиции, как непонимание, так и крайние формы сопротивления, вспомним хотя бы судьбу о. А. Меня.

По мнению Ю.Афанасьева, МП РПЦ «она не подготовлена к трансформации, которую переживает современный мир. Отсюда невротическая реакция на вызовы современности, выраженная в изоляционизме, ксенофобии, крайней нетерпимости, стремлении восстановить “симфонию” с властью»¹³². Все проходит, со временем пройдет и это, но пройдет завтра или послезавтра, а сегодня использовать православие, как впрочем, и другие традиционные и не традиционные религии в качестве основы для национальной идеологии нельзя. Вопрос в

---

¹³¹ Гужва И. Отпущение грехов // ЭКСПЕРТ, №25. 2001. С. 14.

¹³² Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001. С.95.

том, что мы хотим построить: высокотехнологичную и, следовательно, относительно рационалистическую Россию нового века или вызвать из прошлого образ средневековой России. Совместить оба пути не удастся, это межеумочный, амбивалентный путь в очередной аппендикс истории, а стремление к одновременному бытию в разных модальностях вызывает ассоциации из области психиатрии.

В формирующемся полиэтническом, мультикультурном российском обществе крайне опасно играть на этно-национальных чувствах, попытка проводить политику этнической и религиозной сегрегации ни к чему, кроме распада государства привести не может. Операционное использование православия в качестве государственной религии как минимум означает замедление, как максимум – блокировку модернизационных процессов.

Россия неоднородна цивилизационно, общество поликонфессионально, в нем достаточно высок процент стихийных и осознанных атеистов, во многом мультикультурно. В этой связи у автора вызывают серьезную озабоченность попытки включения в школьную программу предмета, посвященного изучению основ православной культуры, который представляет собой своеобразный римейк дореволюционного курса по изучению основ православного христианства: «Закона Божьего».

Включение данного учебного курса в единый государственный образовательный стандарт способно вызвать у юных россиян резкое разделение на «мы» и не «мы», всплеск религиозной, этнической идентичности. Это может поставить под вопрос не только успешность модернизационных процессов, но и само существование российского государства.

В то же время, автор полагает целесообразным включение в учебную программу для средних школ курса по основам религиоведения, который позволил бы подросткам лучше ориентироваться во всем многообразии мировых и локальных религий, различных религиозных течений. И в любом случае курс этот должны преподавать миряне, а не священнослужители.

Терпимость и сохранение свободы личного выбора, включая возможность не выбирать ничего, оставаться стихийным атеистом, сохранение права на получения знаний в результате последовательных аналитических процедур, а не в результате синтетического, априорного дара не сомневающейся веры. По сути, речь идет о сохранении совершенно традиционного разделения: Богу – богово, кесарю – кесарево. В Новое время в Европе наука и образование относятся к «сфере кесаря» и известные исключения только подтверждают это правило.

В начале XXI века пытаться загнать общество назад в средневековье – что может быть более неадекватным и далёким от задач российской модернизации? Нам представляется крайне сомнительным, что осознанно проводимая клерикальная политика может способствовать решению задач модернизации, она может лишь ускорить процесс дезинтеграции страны.

Модернизационные процессы в качестве важнейшей составляющей включают процесс секуляризации, обретения личной свободы, прежде всего в повседневности, реализации жизненных проектов без сдерживающей социальную активность необходимости коррелировать свои действия с миром сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Эпоха модерна постулировала, что определение истинности и ложности событий, фактов поддается верификации, подлежит подтверждению или опровержению эмпирическим путем. В рамках западной цивилизации модерна в качестве идеала рассматривается индивидуалистическое существование человека, который стремится к соперничеству с Богом-Творцом, что вызывает настороженное отношение в менее секуляризованных регионах. В представлении человека незападного мира модернизация представляет собой «сжатую и гипертрофированную форму самой западной цивилизации»¹³³.

---

¹³³ Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН., 2001. С. 168.

Процессы секуляризации общества и культуры, пусть и с некоторым отставанием в отношении Европы, происходили в России, их торможение во многом было вызвано особенностями отечественной социокультурной традиции. В допетровской Руси православие являлось государственной идеологией, организующей культуру и общество. Серьезные перемены при Петре I не вылились в глубинную реформу православной церкви, хотя в результате проводимой монархом модернизационной политики «защитники “последней Руси», то есть старых фикций национального превосходства и богоизбранности Москвы, рассматривались как вредный оппозиционный элемент и жили под страхом репрессий. В этом всем и заключалась культурная реформа»¹³⁴.

В рамках православия достаточно индифферентно воспринимается идея общественного прогресса, развитие скорее воспринимается как интерпретация религиозной традиции, относясь более к сфере духовной, богословской. Православие является, по всей видимости, наиболее аутентичной формой христианства в его первоначальном смысле, далеком от целей мирского усовершенствования. Это обстоятельство затрудняло и поныне затрудняет социокультурную адаптацию русской православной церкви.

Оживление общественного, внутрицерковного диалога в России в начале XX века по известным причинам не вылилось в движение религиозной реформации, большей адаптации православной церкви к процессам ускоряющейся социокультурной динамики. Скорее, была некая пародия на реформу, каковой можно считать движение обновленцев. Ни в XIX, ни в начале XX века, ни, тем более, сегодня православная церковь в России не может генерировать интегрирующую национальную идеологию. Сегодня эта невозможность определяется как секулярностью европейского мира, так и длительным периодом культивирования атеизма в качестве части

---

¹³⁴ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII века // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С.138.

государственной идеологии. Главным препятствием на пути инструментального использования производной от православия идеологии является низкий адаптационный потенциал МП РПЦ, не позволяющий оперативно реагировать на изменение условий, в которых живет общество.

В последние годы силы, не вышедшие еще из традиционного исторического времени, толкают Европу в новое средневековье, и Россия не стоит в стороне от этого процесса. Наш политический класс с легкостью отбрасывает трехсотлетние попытки стать частью европейской цивилизации. Некоторое время назад вспыхнувшая «Карикатурная война» в мусульманских странах распространилась на Россию невинными шаржами в нескольких региональных газетах – и газеты подверглись репрессиям, вплоть до закрытия.

Свобода не представляет для власти на местах никакой ценности, это нечто совершенно эфемерное, то, что нельзя потрогать руками, немедленно утилитарно использовать. Свобода упала на них с неба в 1991 году, они и пальцем не пошевелили для ее приближения, и сегодня так же легко и спокойно свободу отдают, даже не осознавая, что делают. В ответ, наверное, можно услышать лишь сакраментальное «А что»? Газета, по их представлениям, должна писать о динамике коммунальных платежей, очередном выступлении мэра, ухабах на дорогах, нерадивых или радивых сантехниках... Не надо умствовать, от умствования все беды, о серьезных вещах позволительно задумываться только находящимся на краю общества маргиналам, а остальные должны думать о хлебе насущном, а думать вообще – не холопые это дело.

Мы видим, как дает всходы пятнадцатилетнее заигрывание власти и общества с религиозными идеологиями и институтами, массовое строительство культовых сооружений, занявших место партийных идолов на наших площадях. Зубы дракона посеяны, и мы видим первые всходы. И всходы эти – нетерпимость, желание перекроить мир по своему образу и подобию. Несколько лет назад большинство российского общества

смирилось с погромом на художественной выставке «Осторожно, религия», когда уголовное дело было заведено на её организаторов, а на погромщиков его очень быстро закрыли. Директор Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова Ю. Самодуров заметил тогда в статье в газете «Московские новости»: «В обвинительном заключении и в материалах дела я не встретил ни одной ссылки ни на одну норму права, запрещающую или регламентирующую показ в стенах светского учреждения культуры художественных произведений, в которых религиозные символы представлены в ином контексте»¹³⁵. Тогда был сделан очередной шаг к государству, в котором верующие находятся в привилегированном положении по отношению к людям светским, а религия приоритетна по отношению к светской культуре.

Сегодня ситуация в сфере свободы совести продолжает ухудшаться. Когда общество промолчало и проглотило закрытие отстаивающих свободу слова российских газет, стало ясно, что нас ждет завтра. За время, прошедшее после «карикатурного скандала» наметившиеся тенденции десекуляризации общества не только сохранились, но и усилились. Сегодня обещанное «завтра» пришло – в России приходится защищать теорию Дарвина о происхождении и эволюции видов и возможность ее преподавания в системе образования, ведь она отрицает теорию о божественном происхождении человека, что равно неприемлемо для представителей различных религий. В обществе все больше начинает править страх, и чуть позже правила «политкорректности» могут потребовать ношения паранджи или головного платка для наших женщин, обрезания и/или бороды для мужчин.

Сегодня все более отчетливо звучат голоса современных почвенников, отрицающие универсальную сущность христианства, в котором «нет ни эллина, ни иудея», где все смысловые акценты смещены к подчеркиванию

---

¹³⁵ Самодуров Ю. Последнее слово канарейки // Московские новости 04-10 марта 2005 года, № 9 (1276). С.18.

богоизбранности, ни на что непохожей самобытности России и самости русского человека. При этом само христианство рассматривается лишь как удобный инструмент для этнической консолидации и мобилизации русского народа, некий маркер, с помощью которого можно четко разделить человечество на мы и они, наши и не наши, праведные и греховные. Замысел такой «приватизации» христианства и использования его для этих специфических нужд отнюдь не нов, все это уже было в российской истории, причем сто, а тем более двести, триста, пятьсот лет назад подобные планы в большей или меньшей степени пересекались с той реальностью, в которой жила страна.

Но сегодня мы живем в принципиально иной социокультурной реальности, после длительного советского периода нашей истории, когда процессы дехристианизации проводились в варварских формах, отсылающих к временам гонений на первых христиан. Российская империя в своей основе была православной цивилизацией, но в результате атеистических десятилетий советской власти и преобладающей секулярности постсоветского периода российское общество стало по преимуществу индифферентно по отношению к православному христианству. Социологическое исследование, проведенное в 1998 году и посвященное изучению процессов формирования социальной идентичности в трансформирующихся обществах, России и Польше, было проведено под руководством Е. Данилова и К. Козела. По результатам данного исследования оказалось, что в подавляющем своем большинстве поляки, в качестве приоритетной «мы» идентичности, ощущают себя поляками и католиками. Россияне в первую очередь определяют свою коллективную идентичность как общность повседневного межличностного общения. В круг этого общения входят семья, друзья, товарищи по работе. Ближе к концу списка российские респонденты осознают себя россиянами, русскими, еще

более редко ощущают себя православными¹³⁶. По всем социологическим опросам, проводимым в постсоветской России, число воцерковленных православных людей составляет несколько процентов по отношению к общему числу тех, кто в той или иной мере идентифицирует себя с православным вероисповеданием. Иными словами, все попытки опереться на православие как государственную идеологию имеют очень незначительный инструментальный потенциал, ведь 3-4% процента воцерковленных православных граждан России составляют абсолютное меньшинство от ее населения.

Образно говоря, этот поезд уже ушел, россияне, как впрочем, и граждане иных по преимуществу христианских регионов, уже давно не нуждаются в религиозной санкции для хозяйственной деятельности, как, впрочем, и для деятельности в иных сферах человеческой жизни. Тем не менее, несмотря на тектоническую, фундаментальную подвижку секуляризации продолжают попытки оживить легенду и повернуть историю вспять, назад, в средневековье.

В обличье религиозного фундаментализма мы столкнулись с разрушительным вызовом традиционализма, стремлением массы людей избежать свободы и сопутствующих ей перемен, необходимости личного выбора. Для них важно определить, кто «свой», а кто «чужой», жить в экстазе борьбы с «чужими». Традиционалисты и заигрывающие с ними политики отторгают свободу, стремятся переложить с себя личную ответственность на большие этнорелигиозные группы, прокладывая тем самым дорогу новому тоталитаризму. Скоро благочестивые старушки и организованные в «патриотические» организации школьники и студенты, не ведающие, что творят, понесут свою охапку хвороста в костер к новым «Янам Гусам» – либералам, атеистам, философским агностикам, людям,

---

¹³⁶ Ядов В.А. А все же Россию умом понять можно Россия: трансформирующееся общество // Под редакцией В. А. Ядова. М: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 9-20.

желающим сохранить свободу, не разделяющим распространяющуюся в обществе нетерпимость.

К сожалению, в сегодняшней России наступление религиозного фундаментализма не может быть остановлено и представителями левых сил, поскольку часть из них сама поддается религиозному искушению. По историческим, да и человеческим рамкам мы совсем недавно сбросили с себя груз коммунистической утопии, освободили человека и общество. Мы уже проходили искушение сверхчеловеческими ценностями марксизма-ленинизма, а попытки использования религии в качестве государственной идеологии – сегодня зло не меньшее, но большее, поскольку противоядия в постсоветской России этому воплощению утопии еще не выработано. Потенциальная опасность и разрушительность религиозного фундаментализма, сила его вызова и первоизданной нетерпимости сегодня сопоставима с вызовом Октябрьской революции 1917 года в России и распространением тоталитарных режимов в Европе XX века.

Потому так важно определиться с тем, на каких идейных принципах базируется современное российское государство. Если Россия – светское государство, как это записано в конституции страны, тогда политика заигрывания, игра в поддавки с религиозными институтами совершенно неприемлема. Необходимо защитить свободу средств массовой информации по отношению к освещению всего, что связано с религиозной составляющей различных социокультурных традиций. Необходимо твердо отстаивать светский характер российского образования. В частности, было бы полезно использование опыта Франции по запрету использования символов различных религий в общественной жизни вообще и в системе светского образования в частности.

Следует четко осознавать и жестко отстаивать светский характер российского государства, в котором религия является частным делом граждан, так же, как длина их волос, выбор предметов бытовой техники и одежды. Когда высшие государственные чиновники, главы субъектов

федерации посещают культовые сооружения – это их право как частных лиц. Как факт частной жизни подобные действия еще могут освещаться на страницах специализированных изданий в разделе светской хроники, но не в имеющей общественно-политическое значение прямой трансляции федеральных телеканалов. Подобные публичные действия должностных лиц подрывают закрепленный в российской конституции светский характер государства.

Сегодня очевидно, что если не удастся отстоять базовые светские принципы как основу существования Европы вообще и Российского государства в частности, то нас ожидает возврат к темным временам европейской истории. Сегодня не только России, но и всему постхристианскому (пострелигиозному) европейскому сообществу нужны новые Вольтер, Бертран Рассел, Тео Ван Гог – люди, которые могли бы идеологически и организационно оформить новое массовое освободительное движение, защищающее свободу человека и минимизирующее воздействие религиозных идеологий на общественную жизнь.

Традиционализм и современное искусство

Название выставки «Запретное искусство – 2006» в Сахаровском центре говорит само за себя. Здесь собрано то, что было предложено на московские художественные выставки, прежде всего, по-видимому, «Соцарт», и не было допущено до участия в экспозиции решением художественных советов и директоров музеев.

И в чем-то их понять можно, мотивация этих решений вполне прозрачна.

На выставке представлены картины, которые с известной долей упрощения можно представить как относящиеся к «играм» с религиозной символикой, ненормативной лексикой и обнаженным телом, преимущественно в политическом контексте.

Но вот незадача. Картины и фотоколлажи, которые в ином художественном и эстетическом контексте смотрелись бы совсем по-

другому, «растворяясь» в массиве работ разрешенных, более эмоционально и идеологически нейтральных, после этой сегрегации, отделения «чистых от нечистых» становятся вызывающим «гипертекстом». Иными словами, при такой концентрации эти работы приобретают несколько иное значение, особенно работы, выхваченные из серий, такие, например, как «Слава России». Эти работы выпали из цикла, из контекста, стали слишком физиологичны – идейный подтекст почти растворился в физиологизме.

Вырванные из своего, «предзаданного» контекста работы образовали пугающий и временами шокирующий гипертекст, выставка стала художественным, эстетическим, но, главное, идеологическим вызовом возрождающемуся авторитарному духу светской и духовной «власти». Она стала порождением внутренней цензуры, внутреннего чужья в человеке, того, что еще можно, а что уже нельзя. Это еще не результат усилий институционализированной цензуры. Это еще только моментальная, в пределах одного года, «фотография» общественных, а следовательно, и начальственных страхов и фобий. Но страхи имеют удивительную особенность материализовываться, эти запреты – самый точный диагноз обостряющейся социальной болезни. И болезнь эта заключается во все большем сужении границ общественной свободы, все чаще получающем религиозное или псевдорелигиозное обоснование.

Сегодня официальные представители церкви высказывают свое мнение по самым разным вопросам политической, экономической, общественной и художественной жизни. Такая активность вполне похвальна, обществу интересно, что по тому или иному поводу думают официальные представители католичества и православия, буддистов и мусульман, кришнаитов и протестантов... Наконец, атеистов и философских агностиков, ведь атеизм в России пока законодательно не запрещен. Более того, наша действующая конституция декларирует светский характер российского государства.

Автор, безусловно, уважает чувства верующих, но светское общество и не покушается на распорядок и оформление церковной жизни. Но внутри церковной ограды – одно, вовне – другое. В первом случае нечто, относящееся к Богу, во втором – к кесарю. Можно, конечно, стремиться к традиционной для российской монархии «симфонии» церковной и светской власти, но тогда надо понимать и принимать последствия такого единения.

Геополитические, экономические, социальные последствия чаемой «симфонии» просты, но от своей простоты не менее печальны. Мы знаем, что наша страна не мононациональна, как, например, мононациональна католическая Польша. На территории России встречаются, по меньшей мере, три цивилизации, которые с известной долей условности можно подразделить на православную, исламскую и буддийскую, но цивилизации эти существуют сегодня во многом в скрытой, латентной форме. Иными словами, они не ярко религиозны, значительная, а в некоторых регионах страны и основная часть населения индифферентна к религии. И это безразличие объединяет страну, сглаживает межэтнические и межрелигиозные противоречия. Как только процесс религиозного возрождения станет по-настоящему массовым, эти противоречия серьезно обострятся, ставя под вопрос дальнейшее существование страны в ее нынешних границах.

Если говорить еще проще, то к «симфонии» государственной власти и православной церкви можно стремиться в границах Московского княжества, а это по нашим сегодняшним меркам границы непривычно, невозможно маленького Российского государства. Конечно, историю не предвосхитишь, может, все оно так и будет, демографы дают на середину века самые удручающие прогнозы по возможному количеству населения в России. Часто называют цифру порядка 122, 110 и даже 99 миллионов человек. Это мало по меркам дня сегодняшнего, и это совсем ничтожно по сравнительным прогнозам с нашими ближними и дальними соседями. Нам будет очень

трудно удержать Сибирь и Дальний Восток, сохранить территориальную целостность государства.

Но это отдельная большая тема. Я хотел только отметить, что в стране не все так хорошо и безоблачно, чтобы своими сознательными действиями ускорять наступление коллапса. Не надо будить лихо, не надо возрождать в людях экзальтированное религиозное самосознание, подрывать светский характер государства и общества. Еще раз повторю – как только это удастся сделать в массовом масштабе, в разных регионах и конфессиях, – Россия начнет распадаться.

Распад страны по линии внутренних, религиозно обусловленных цивилизационных границ, как, впрочем, и любая другая форма распада, меня не устраивает категорически. Кроме протестующего против этого чувства патриотизма, распад мучителен для современников и участников событий. История вряд ли предоставит еще одну возможность почти бескровного распада огромного государства, каким был СССР. Этот распад будет другим, распад через «кровь и почву». Не надо.

А что надо, и какое отношение все это имеет к выставке в Сахаровском центре? Нужно воспитывать в себе и других терпимость к иному, к людям других культур, вер и даже безверия. И выставка имеет к вопросу о воспитании терпимости отношение самое прямое. Сегодня не КПСС, но церковные круги становятся создателями единственно верной «национальной идеологии», а их отдельные представители начинают бороться с инакомыслием, инакочувствованием, инаковерием, инакодействием. Хорошо ли это для государства? На этот вопрос мы уже попробовали ответить. Хорошо ли это для самой церкви? Бог весть. О церкви и её благе уж точно не мне судить. Можно только по отдаленной и вполне приблизительной аналогии вспомнить о том, что для марксизма в СССР это было плохо, что марксизм пал жертвой огосударствления, закостеневшего канона, потерял свою привлекательность для масс.

Сегодня «выдавливание» части искусства в маргинальную область, разделения его на «правильное» и «неправильное» ограничивает область свободы, креативности, художественной провокации, если хотите. Конечно, верующим людям может быть неприятно, когда известные московские художники столь вольно обыгрывает почитаемые ими образы, наполняя их другим, далеким от традиционного смыслом. Но ведь на это «кощунство» вполне можно не смотреть, это явление сугубо субкультурное. Кто хочет – смотрит, кто не хочет – нет. Кому-то выставленные работы кажутся любопытными, кому-то категорически не нравятся. Каждый выбирает по себе. Собственно в этом и состоит свобода.

Эта свобода выбора «хорошего» и «плохого», «истинного» и «ложного» дорого далась нам всем после десятилетий не сомневающейся и всегда знающей, как правильно и неправильно советской власти. Мы помним, что ей казалось правильным закрывать храмы и монастыри, массово убивать священников... Эти преступления ужасают своей бессмысленной жестокостью, им нет прощения и срока давности.

Стоит ли сегодня церкви брать на себя столь малопривлекательную роль, исполняемую ранее большевиками? Только вместо разрушаемых ранее храмов разрушать картинные галереи и преследовать директоров музеев и кураторов художественных выставок? Стоит ли опять ограничивать людей в свободе выбора, покушаться на свободу человеческой воли? Стоит ли брать на себя роль Великого инквизитора? Вопросы на первый взгляд риторические. Но ответ на них зависит от поставленных целей, от готовности «платить» по человеческим и историческим счетам за свои решения. Кроме того, любые запреты и публичные осуждения лишь подогревают зрительский интерес, известно, что «запретный плод» сладок. То, что еще вчера экспонировалось в полупустых залах, после осуждения, а тем более запрета, может вызвать живейший интерес публики и желание художников множить получившие столь «высокую» общественную оценку образцы.

Значит ли все это, что мне самому выставка понравилась и у меня нет замечаний к ее устроителям? Нет, не значит. Я вообще не люблю столь откровенные проявления физиологизма в искусстве, они порождают внутренний протест и некоторую брезгливость. Не люблю я и эпатаж ради эпатажа, там, где не чувствуется интеллектуальных подтекстов, там, где не над чем особо размышлять. Условно говоря, первая половина экспозиции более интеллектуальна – «эпатаж» выражает идеи, во второй половине интеллектуальный накал исчезает, и «эпатаж» из формы произведения становится его содержанием.

Но дело не только в этом. Сегодня уже не работают выразительные, эстетические приемы и средства, основанные на использовании акцентированного физиологизма, – на дворе 2007, а не 1977 год. Этот «эпатаж» уже никого не может эпатировать, он стал привычным, постепенно становясь частью культурной «нормы». Так что зачем все это на выставке – не совсем понятно. Запретили московским художникам в 2006 году разное, запретили механически, вот и выставка получилась «разной», объединенной формально.

Однако если кому-то кажется, что «плод не зрел» и не устраивает концепция выставки, согласно которой работы подобраны по критерию непрохождения внутреннего «цензурного ценза» художественных советов и директоров музеев, значит ли это, что открытие выставки было ошибкой? Отнюдь. Еще раз подчеркну, что это локальное, тусовочное, субкультурное явление. Условно говоря, выставка предназначена не для широкой публики, как, впрочем, и авангардное искусство как таковое. Так было, и так будет. Так зачем же этому частному художественному явлению придавать значение общезначимого общественного события? В своей локальной художественной и общественной нише выставка вполне уместна, неуместно только увеличивать масштаб явления, примерять его на всю страну, на всю отечественную художественную культуру и ужасаться этому.

Сакральное и профанное: о проблеме церковно-государственного партнерства

В последнее время активизировалась общественная дискуссия по поводу введения в школьную программу «Основ православной культуры». По этому поводу высказались академики РАН, движение «Георгиевцы», Совет муфтиев России. По сути, речь идет о выборе форм и декораций нашей настоящей и будущей жизни, светском или клерикальном характере российского государства, желательности или нежелательности церковно-государственного партнерства.

Наблюдаемое сегодня является осуществлением «театрального», постановочного плана, декорирования настоящей и будущей российской жизни лубочными «православием, самодержавием и народностью». Похоже, что пока в качестве временного ориентира желаемого с известной долей условности выбран 1913 год.

Эстетическая привлекательность нашего досоветского, дореволюционного прошлого, «серебряного» века российской культуры очевидна. Велик соблазн вернуться в последний относительно спокойный год российской истории, как будто и не было в нашей истории ужасов XX века. Но эти ужасы были как раз и подготовлены стойким желанием власти ничего по возможности не менять, сохранять отжившую форму монархического правления, стойким сопротивлением наступающему миру модерна, поисками нравственного идеала в средневековье, Руси допетровской.

Идти вперед, глядя назад, сложно, не видно пути под ногами, так просто оступиться, потерять направление, выпасть из истории. И за 1913 годом наступили годы и десятилетия вполне апокалипсические.

Сегодня мы, похоже, движемся к новому «большому стилю» послепутинской эпохи, по аналогии с последним большим стилем 30-х годов прошлого века. Пока еще смутно мерещатся впереди черно-желтые имперские знамена, дореволюционная военная форма, вкусно хрустящий снежок под юнкерским сапогом, жизнь под звуки царского гимна «Боже царя

храни», декорированная парадами физкультурников, сиречь олимпийцев на Красной площади.

Обращение к имперскому предреволюционному ретро, включающему тесное церковно-государственное партнерство, может стать последней не использованной властью возможностью выразить, явить «граду и миру» новую и одновременно старую, досоветскую, «державность» и «могущество» России.

В какой мере эстетику нового/старого большого стиля удастся совместить с демократией, вопрос открытый. Стиль серьезно влияет на содержание политических процессов, подталкивая страну если не к самодержавию, то к обрамленной конституционными формами православной монархии. Монархия для современной России? Это звучит почти как бред горячечного больного. Это и есть бредовые видения, ведь «расцвет позавчерашних идеологий есть верный признак начавшейся агонии вчерашних идей. Этим и объясняется их бредовый, горячечный характер... Оживить отживающую идеологию не может ничто вторгающееся в жизнь не как роковой момент в становлении идей, а как порождение все той же, подлежащей оживлению мертвой идеологии. Потому попытки гальванизации идеологий всегда лишь обличают их окончательную мертвость»¹³⁷.

Да и вернуться ни в истории, ни в жизни никуда нельзя, традиционализм, в том числе в своем религиозном исполнении, исчезающая материя. Но искусственное «возрождение» традиционализма не только абсурдно и неизбежно комично, но и прямо разрушительно.

Что касается абсурдистских, комических следствий подобной политики, то не откажу себе в удовольствии заметить следующее. Если часть церковных иерархов и общественности стремятся «слиться» с государством, сделать церковь первой среди равных, хлопчут о введении «Основ православной культуры» в школе и мечтают о возрождении монархии, то

---

¹³⁷ Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С.388.

надо понимать и возможные следствия практического осуществления таких стремлений и мечтаний, в том числе и для РПЦ.

В случае, если церковь будет играть столь же важную роль в жизни государства, как в советский период нашей истории играла КПСС, государство возьмется за управление церковными структурами всерьез. И не важно, как это государственное управление будет называться – Священный Синод или Управление по делам религий – церковь имеет все шансы попасть под внешнее государственное управление.

Если пофантазировать по поводу возможных начальственных персоналий в подобных структурах, то первым возможным кандидатом мог бы стать, например, лучший управленец России, уважаемый мной А.Б.Чубайс, тем более что реформа «РАО ЕЭС» близится к своему успешному завершению и нового большого фронта работ в сфере бизнеса пока не просматривается. А в качестве его будущего возможного приемника, почему бы не рассмотреть кандидатуру очаровательной и не менее уважаемой мной К.А. Собчак?

Может быть подобные персоналии не вызовут большого энтузиазма в церковных кругах, но так сохраняется мировая гармония, это своеобразная «божественная ирония». Если же оставить ее за скобками, то клерикальная церковно-государственная политика будет иметь совсем не комические, но трагические последствия.

Следствие главное – разрушение российского государства. Россия до сих пор не является сформировавшимся национальным государством, но остатками российской/советской империи, страной, где встречаются исторические территории трех мировых цивилизаций, трех мировых религий.

Россия не мононациональная Польша, где клерикальная политика проводится при поддержке этнически однородной массы традиционалистов. В России традиционалисты есть тоже, но они исторически принадлежат к разным этническим группам и религиям. Самое страшное, что можно сделать в условиях исторически сложившейся культурно-религиозной

разнородности, эту разнородность, инакость сделать видимой, с детства проводить границу между людьми по принципу вероисповедания. Это ментальная граница разделит общество на свой-чужой, а дальше это ментальное, «невидимое» разделение имеет все шансы стать видимым, отвердеть в новых государственных границах. Как патриот России полагаю необходимым препятствовать подобному развитию событий.

Польша, как впрочем, и другие страны Восточной Европы, в том числе Россия сохранили большую, чем в Западной Европе степень приверженности религиозно-культурного традиционализма благодаря явному, а чаще скрытому, антикоммунистическому сопротивлению. Подобное боролось с подобным, идее боролись с идеями. Мы вместе «пропустили» большую часть XX века, пропустили создание общества потребления, перехода человеческих устремлений из горячего мира светских и религиозных идеологий в мир материальной достижительной потребительской жизни. Но общество потребления и массовая культура оказались сильнее мечтаний традиционалистов, и в сегодняшней Франции, как и в России, число воцерковленных людей, особенно среди молодежи, составляет несколько процентов.

Эта индифферентность к религии основной массы населения, поглощенность людей земными, материальными заботами, играми в обществе потребления, всепроникающее влияние массовой культуры, продукции Голливуда и MTV, сохраняет, «консервирует» Россию в ее нынешних границах. Все, что разрушает религиозную индифферентность – разрушает российское государство. Если говорить совсем просто, творчество Петросяна и телепроект «Дом два» и проч. – укрепляет государство в его нынешних границах. Введение «Основ православной культуры», усиливающееся влияние религиозных идеологий и практик на жизнь отдельных регионов и государство в целом – разрушает государство, делает заведомо безрадостными перспективы нашего будущего.

Церковно-государственное партнерство, мечтания о монархии и попытка введения в школьное образование «Основ православной культуры» являются не тактическими, но стратегическими ошибками. Это единственно возможные реальные способы разрушения страны, по своей эффективности радикально превосходящие все иные опасности, в том числе и исходящие от сепаратистских движений на Северном Кавказе. Может быть, инициаторам подобных проектов стоит остановиться и еще раз подумать?

Эти ошибки накладываются на базовое непонимание своего места в меняющемся мире, нежелание институциональной интеграции в европейские структуры, поиск самости, «третьего» пути, нежелания части политической элиты России расставаться с ментальной составляющей имперского наследия.

Литература

1. Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН., 2001. С. 166-187.
2. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII века // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 21-142.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. Собр. Соч.: В 30 т. Т.10. Л.: Наука, 1974. С.198-199.
4. Ядов В. А. А все же Россию умом понять можно Россия: трансформирующееся общество // Под редакцией В. А. Ядова. М: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 9-20.
5. Гужва И. Отпущение грехов // ЭКСПЕРТ, №25. 2001. С. 14.
6. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001. 432 с.
7. Самодуров Ю. Последнее слово канарейки // Московские новости 04-10 марта 2005 года, № 9 (1276). С.18.
8. Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН., 2001. С. 166-187.
9. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII века // Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 21-142.
10. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 201–424.

III. Российское государство: вчера, сегодня, завтра

Дискуссия на тему о перспективах персоналистского режима в России¹³⁸ оказалась злободневной, временами возникает ощущение того, что все мы находимся в зоне исторической бифуркации. За несколько отстраненной позицией, предполагаемой жанром научной публикации, чувствуются человеческие страсти, эмоции настоящих и будущих участников событий.

Естественно, что в зависимости от собственной картины мира участники дискуссии дают ответы, с разной степенью условности тяготеющие к двум основным смысловым полюсам: да, неизбежен, и нет – «избежен», или даже мы его исторически уже изжили, все, кончилась традиционная «русская система».

Влияние отживших идеологов.

Начну со статьи Б.Межуева «Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии». Позиция автора не привязана к доминирующему полюсу «патриотизма» или «либерализма», она расположена где-то между ними. Поскольку моя собственная позиция скорее тяготеет к полюсу либерализма, что-то в тексте Б.Межуева моим размышлениям вполне созвучно, что-то, что родом из «православия, самодержавия, народности», нет. Мне вполне симпатичны рассуждения автора о «техническом» характере российского государства в его традиционной «самодержавно-бюрократической» модели правления, когда «технический расчет замещает политический выбор». Когда технический характер приобретают практически все властные бюрократические позиции, происходит делегирование полноты политической ответственности на самый верх, на уровень президента.

---

¹³⁸ Материал подготовлен в рамках дискуссии Фонда «Либеральная миссия» «**Российское государство: вчера, сегодня, завтра**».

Я согласен с тем, что это хрупкая политическая система, абсолютно зависящая от энергии и других личных свойств первого лица в системе государственного управления, эта традиционная «самодержавно-бюрократическая» модель управления дисфункциональна, она не обладает необходимым ресурсом для «саморемонта» и может разрушаться практически в одночасье, как показал опыт революций 1917 и 1991 годов.

Я вполне согласен и с замечанием Б.Межуева о том, что сегодня мы находимся в некоем межеумочном, инерционном состоянии между авторитаризмом и свободной политической конкуренцией. Мы имеем сегодня ситуативное, лишь реагирующее на внешние раздражители государственное управление. Мы наблюдаем стремление власти к избеганию определенности, сиюминутному реагированию на внутренние и внешние раздражители, нежелание делать какой-либо обязывающий выбор. Данный пусть и не вполне осознанный выбор превращает конкретные действия как в сфере внутренней, так и внешней политики в набор взаимоисключающих положений, декларируемых в попытке объять необъятное, вместить весь диапазон возможных будущих решений. Впрочем, в последние годы достаточно явно наметился выбор в пользу квазиимперского пути развития, который, естественно, требует и совершенно определенной идеологии. Традиционный путь развития оказывается ближе, роднее, инстинктивнее, воспроизводясь как бы сам собой, обрастая семантикой новых/старых идеологических опосредований.

Диагноз сегодняшнего состояния российской государственности, предложенный Б.Межуевым, в определенной мере резонирует с моей позицией, но дальше начинаются существенные расхождения. Прежде всего, я не согласен с автором в том, что Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию. Я так же, как и ряд других участников дискуссии, убежден, что Россия является частью европейской цивилизации. Естественно, что каждая европейская страна имеет свою индивидуальность, в том или ином смысле отличаясь друг от друга.

Наша уникальность скорее не в православии, а в размере занимаемой территории, географического углубления в Азию. Мы больше Европа, чем, например, вошедшие в этом году в Евросоюз православные Болгария и Румыния, где влияние восточной культуры куда заметнее, чем в России. Цивилизационно мы представляем Европу в Азии, расширяем Европу географически и культурно до Северной Америки и Японии. Благодаря России она потенциально превращается из малой «оконечности Азии» в «Хартленд» – срединную землю, оказывающую самое существенное влияние на развитие мировых событий.

Наша европейская принадлежность была естественна с момента образования русской государственности. Известные особенности нашего исторического прошлого не более «особые», чем, например, в Испании. Но на основании сравнительно давнего арабского завоевания и сравнительно близкого франкистского правления никто Испанию из европейской цивилизации не исключает. Говорить о нашей цивилизационной отдельности, исходя лишь из уникальности географического положения и размеров занимаемой территории, невозможно. Они уникальны, но претензий на цивилизационную особость оправдать не могут.

Об отдельной православной цивилизации говорить тоже не приходится. Если бы такие утверждения опирались на реальное положение вещей, к союзу с Россией, а не ЕС, стремились бы православные государства Европы. Но они стремятся в Европейский союз и НАТО, оставляя Россию в «цивилизационном» одиночестве. Сильное движение в этом направлении наблюдается и на Украине, а вектор политического притяжения Беларуси неустойчив уже сегодня.

Россия – часть Европы даже вне зависимости от того, согласны ли с этим сами европейцы. Их сегодняшнее желание или нежелание включать нашу страну в европейские структуры ситуации кардинально не меняет – включают в историческом «завтра». Не нужно требовать от Европейского союза и истории немедленного интеграционного действия, всему свое время.

Для истории полстолетия и даже столетие это совсем не то, что для человека. Главное – выбрать путь приближающий, а не отдаляющий такое развитие событий. Я полагаю, что Россия институционально интегрируется в европейские структуры неизбежно, вопрос лишь во времени и в том, что страна будет к тому моменту представлять собой географически.

Здесь просматривается два основных варианта. Первый заключается в упрочении демократических институтов, развитии инновационной экономики и гражданского общества. Тогда мы имеем все шансы пройти путь сближения, а затем и интеграции с европейскими структурами в нашем нынешнем составе и границах.

И вариант второй. Он несколько длиннее и куда болезненнее для современников исторических событий, разрушительнее для территориальной сохранности государства. В случае движения по этому историческому пути Россия довольно быстро пройдет через третий этап деконструкции империи, и в таком малом, усеченном виде сможет легче войти в состав объединенной Европы, а часть наших будущих политиков и военных окажутся в Гааге.

«Варвары у ворот»

Кое-что о том, что нужно сделать для осуществления этого второго варианта, рассказал «консервативный журналист» Д.Володихин в статье «России нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений». Он прямо говорит о России православной и имперской, стране, где на «любом уровне политической власти никакое серьезное дело не должно решаться без советования с духовными властями, без благословения патриарха, епископа, иерея».

Я полагаю, что никакое упомянутое Д.Володихиным серьезное либо несерьезное дело долго не продлится, по причине отсутствия государства и подконтрольной ему территории, на которую могли бы распространяться подобные согласованные решения. Использование православия в качестве государственной идеологии, а православной церкви в качестве идеократического органа приведет к ускорению третьего этапа

деконструкции империи, когда от страны отпадут последние иноквилизационные, инорелигиозные регионы. Не факт, что в такой, по счастью пока гипотетической, ситуации за ними не последуют Дальний Восток, Калининград, возможно Сибирь.

Полагаю, что в границах Московского княжества, того, что при использовании таких рецептов государственного управления останется от современного российского государства, посоветоваться, получить благословение вполне возможно. Только не надо думать, что такого рода геополитический «сброс» инокультурных, иноконфессиональных территорий может пройти безболезненно для современников и участников событий, он скорее будет напоминать классический распад континентальной империи. Распад через кровь и почву.

Иными словами, выбор здесь несложен. Либо большая, многоконфессиональная, страна в ее сегодняшних границах, но без главенства и «водительства» православия, население которой с изрядной долей безразличия относится к своей конфессиональной принадлежности, либо страна маленькая, на некоторое, небольшое по меркам истории время, с главенством и всеми возможными приоритетами у православия.

Д.Володихин конструирует утопию, перерастающую в антиутопию. Ему видится национальное объединение на основе некоего самостийного, якобы ни на что в истории не похожего «четвертого пути» русского консерватизма. Но в истории был уже особый путь национал-социалистических и фашистских режимов в Европе прошлого века. Все уже разработано теоретически и даже воплощалось в исторической практике тоталитарных европейских режимов, осталось только приспособить чужие идеи к российской действительности, по-другому «упаковать» их. Из старых европейских «консервативных революционеров» можно вспомнить работы Мёллер ван ден Брука, Карла Шмитта, Эрнста Юнга... Совпадения старой, европейской, и новой, российской «консервативной мысли» вполне определенные и недвусмысленные.

Так, согласно «консерватору» А.Мёллеру ван ден Бруку, «Третий рейх» (государственная форма «германского социализма») есть антитеза как западному либерализму, так и «восточному большевизму»¹³⁹. А Карл Шмитт полагал, что только «социальное всеединство» безграничного государства может обеспечить человеку самое ценное – его физическое существование (выживание – в терминологии Д.Володихина)¹⁴⁰.

Наконец, Эрнст Юнг в 1927 г. опубликовал крайне популярную в Третьем рейхе работу «Господство неполноценных». Юнг рассмотрел и отверг политический порядок Веймарской республики и сформулировал основные положения своей концепции государства. С его точки зрения, Веймарское государство привело к власти «неполноценных», недопустимо индивидуалистичных либералов, одновременно подавляя духовную и нравственную элиту Германии. И только «консервативная революция в состоянии уничтожить «господство неполноценных» и «либерализм». Под «консервативной революцией» Юнг понимал «восстановление всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и Богом и не может установить истинного порядка. Равенство необходимо заменить внутренними ценностями, социальные убеждения – верой в справедливость иерархического общества, механические выборы – органическим принципом фюрерства (вождизма), бюрократическое принуждение – внутренней ответственностью подлинного самоуправления, массовое счастье – правом народной личности»¹⁴¹.

---

¹³⁹ Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С. 27.

¹⁴⁰ Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С.40.

¹⁴¹ Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН. 1997. С.27.

Так что Д.Володихин и другие авторы «патриотической» ориентации в своих теоретических изысканиях вполне могут опереться на солидную источниковедческую базу «консервативных революционеров», подготовивших идейную почву для прихода к власти в Германии национал-социалистов. При всех возможных оговорках, статья Д.Володихина своевременна в жанре антиутопии-предупреждения. Автор грезит о немислимом «зигзаге истории» – последней победе неотрадиционалистов, которая может принять форму этнического фашизма, сопряженного с авторитарно-имперской исторической и социокультурной традицией. Настоящий русский фашизм, или национал-социализм, не может быть лишь пародийной копией своих итальянских и немецких аналогов. Он может быть декорирован в одежды «православия, самодержавия, народности», возможно, неоязычества.

Несмотря на разность мнений и оценок, прозвучавших в ходе дискуссии, общее ощущение тревожное. Его хорошо выразил известный российский историк Александр Янов: «варвары у ворот». «Варвары» крепки своей верой, желанием во что бы то ни стало воплотить пригрезившуюся утопию, готовностью жертвовать ради нее чужими и своими жизнями. Они сильны невосприимчивостью к чужому опыту, «варвары» готовы повторять и повторять авторитарные эксперименты над собой и над страной до тех пор, пока от страны еще хоть что-то остается.

Обладая сугубо мифологическим мышлением, они не воспринимают исторические закономерности, каждый раз открывая для себя историю заново, рассматривая ее как хаотическое нагромождение случайностей. Опыт Третьего рейха им, конечно, указ, но двенадцать лет его существования воспринимаются как историческая случайность, а не как неизбежность. Тогда почему бы не попробовать осуществить близкий по духу проект в России, конечно, в сугубо православном и самодержавном обрамлении. Это у них было всего двенадцать лет, а «наша» Империя во главе с императором будет

существовать именно тысячелетие, она будет существовать как бы вне физического времени, в пространстве времени мифологического.

Но в сегодняшней ситуации далеко еще не все потеряно, существуют разные варианты развития событий: от массового антифашистского движения до усиления борьбы в самой власти, активизации ее либеральных, интеллигентских сил, людей во власти, которые не могут внятно ответить на вопрос коллег – «в каком полку служили?». Вполне согласен с мыслью Д.Тренина о том, что возможна активизация «тех сил, которые сегодня служат лишь либеральным декором режима... Фашизация страны, безусловно, не в интересах большинства из них. Пока эти люди слабо осознают реальную угрозу фашизма, но уже очень скоро это поймут».

Неудобные вопросы

В рамках дискуссии о перспективах персоналистского режима в России нельзя не отметить статью И.Яковенко. В частности, он задает себе и участникам дискуссии вопросы, от ответа на которые зависит не только будущий характер российской государственности, но и наше личное будущее. Прежде всего, какой тип кризиса мы переживаем? «Это может быть один из кризисов развития, и тогда он преодолим, а может быть последним кризисом исторического тупика, из которого просматривается единственная перспектива – деструкция и снятие субъекта».

Если интерпретировать кризис, который происходит сегодня с нами, как кризис исторического тупика, то нужно придерживаться рецептов по обустройству России, исходящих от «православно-консервативного» лагеря. Следуя им, можно раз за разом совершая схожие исторические ошибки, в конце концов скукожить территорию Российского государства до границ Московского княжества, по своим размерам и населению трансформируемого, удобного претендента на институциональное включение в состав Европейского союза. Путь исторически возможный, но у меня энтузиазма не вызывающий. Это путь через разрушение, через распад, я вполне согласен с тезисом И.Яковенко о том, что «российское православие в

принципе не komponуется с императивом динамизации», неспособно к эффективным ответам на вызовы времени.

Если же интерпретировать происходящее сегодня как кризис развития, то это незавершенный кризис изменения, сопряженный с настоящими и будущими попытками демократического согласования региональных и этнонациональных интересов, построения асимметричной федерации, развития демократических институтов, формирования гражданского общества.

Взаимоотношения общества и власти

Еще одним текстом, на который я не могу не откликнуться, стала статья И.Дискина «Сегодня впервые в российской истории возникают предпосылки для конкурентного рынка и политической демократии». Соглашаясь с такой постановкой вопроса в целом, предполагая вполне реальным демократическое развитие России, не могу согласиться с некоторыми частностями.

«В “новой России” по мере роста благосостояния главной становится проблема социальной справедливости, справедливого раздела национального пирога» (И.Дискин). Как же так, ведь в совсем еще недавние 90-е годы миллионы наших соотечественников опирались исключительно на собственные силы, и эта жизненная стратегия стала для них «индивидуальным рациональным выбором моделей поведения» (И.Дискин). Они ничего не ожидали от государства, кроме того, чтобы оно не мешало, чтобы его в отношении них как бы и не было. Естественно, что эти настроения относились и относятся преимущественно к мелкому бизнесу. 90-е годы стали для миллионов людей уникальным опытом жизни без государства, когда от него не обязательно было бежать в «Беловодье» за границы, когда оно ушло само.

В последние годы государство вернулось. Это возвращение государства в сочетании с высокими ценами на сырьевые товары российского экспорта возродило в традиционалистах надежды на

возвращение государственного патернализма. Вот и «заработал закон дележки».

Я никак не могу понять, почему успешные люди «новой России», то есть те 25–30%, противопоставившие себя традиционному обществу, сделавшие сугубо индивидуалистический выбор, опирающиеся на собственные силы, вдруг озаботились категорией справедливости в «разделе национального пирога» и проблемой социальной справедливости вообще? Полагаю, что проблематика социальной справедливости волнует преимущественно проигравших в ходе реформ традиционалистов, и именно на их чаяния ответит «политическая сила, которая выдвинет идею социальной справедливости в качестве главного пункта новой политической повестки дня». (И.Дискин)

Обращение власти к традиционализму сегодня максимально неэффективно, он уже очень давно не может быть инструментальным, технологичным, способным привести к достижению планируемых целей. Видимый поворот от модерна к премодерну основан на заигрывании с традиционным обществом, сохранившим себя не только на ментальном уровне, но и в экономических практиках традиционалистов. И этическая поддержка подобных действий возможна преимущественно со стороны «России премодерна», а не тех 25–30% наших сограждан (И.Дискин), сумевших эффективно адаптироваться к переменам последних полутора десятилетий.

Теперь что касается сохранения национального контроля над сырьевыми ресурсами. Да, этот контроль был сохранен, был сохранен контроль над экономикой в целом, в отличие от бывших европейских социалистических стран, этот контроль почти полностью потерявших. В этом с И.Дискиным нельзя не согласиться. Здесь стоит только отметить цену, которую российское общество заплатило за сохранение национального контроля над экономикой.

Мы знаем, что в 90-е годы субъекты хозяйствования всеми правдами и неправдами старались минимизировать налоговые отчисления в бюджеты всех уровней, в результате чего социальная поддержка пенсионеров, инвалидов, материнства и детства, медицины и образования была сведена к минимуму. Ценой сохранения собственности в руках отечественных капиталистов и государства стали народившиеся дети, умершие до срока старики, миллионы беспризорных и прочее в том же духе. Мы сохранили в «национальных» руках экономику, но в очередной раз подорвали население. Мы сохранили контроль над экономикой и территорией, но в ней будут работать и на сохраненной территории жить люди, иные по языку, религии и культуре. Это цена вопроса, и эта цена уже уплачена.

А там, в восточноевропейских странах, новые зарубежные собственники платили налоги, и такого провала в финансировании социальных программ не было, не было и столь явных процессов депопуляции, столь резкого ухудшения качества общества.

Но что сделано, то сделано. Что же касается дальнейшего, то кто мешает и дальше продолжать следовать принятой сегодня практике – проводить IPO, продавать иностранцам миноритарные пакеты акций. Вполне традиционная для России практика – российские недра, западные технологии.

Не стоит друг друга запугивать мировыми заговорами и докладами ЦРУ. Знать реальную ситуацию надо, но не надо пугаться самим и пугать других. Не надо помогать российской власти загонять себя «в угол», во все более сужающийся коридор возможностей – пока высоки цены на продукцию нашего сырьевого экспорта, ничего судьбоносного для нее не происходит.

И.Дискин полагает также, что в процессе переноса религиозности собственно с института православной церкви на интеллигенцию «российское государство теряло в обществе всякую этическую опору, встречая со стороны интеллигенции квазирелигиозную нетерпимость, нежелание сотрудничать,

отказ от диалога с властью, расцениваемого не иначе как “предательство идеалов”». Не имея склонности к квазирелигиозной нетерпимости, согласимся с автором в том, что все это в нашей истории было, было и отторжение власти, отказ от диалога, были народники, эсэры, а в советское время «враги народа» и пытавшиеся «жить не по лжи» диссиденты... Были люди, оппонировавшие власти словом и делом, но что это была за власть, и кто из сторон до последней возможности закрывался от диалога?

Мы знаем, что такая неадаптивная власть инерции, формы, отсутствия решений и воли адекватно реагировать на вызовы времени, до конца проходила путь самоисчерпания. В империи Романовых она исчерпала себя не переходя к столь желаемой обществом республиканской форме правления, закончив свое существование революцией 1905–1907 годов и участием в Первой мировой войне на стороне республиканской Франции. Удивительная легкость революции февраля 1917-го была результатом желания революции, которое разделяло несколько поколений русского образованного общества. Нельзя так затягивать неизбежное, революцию можно не пускать «в дверь» политики внутренней, она «прорвется» в окно политики внешней, она все равно придет, если пришло ее историческое время, а историческое время неадаптивной власти – ушло.

На корню сгнил и СССР, сгнил до стадии бескровного, добровольного, желаемого участниками событий самораспада. Это отдельная большая тема, замечу только, что прошло и его историческое время. И диалог общества и власти в эпоху Горбачева ничего уже спасти не мог – слишком много было в истории СССР крови и слишком неэффективна была советская экономика.

Сегодня диалог между властью и обществом необходим, и в этом нельзя не согласиться с И.Дискиным, но он может быть только взаимным.

Вместо послесловия. Гражданское общество и власть: от конфронтации к диалогу

В последнее время в стране сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, наблюдается серьезный экономический рост, российские компании становятся крупными игроками международного рынка, растет капитализация России, растут доходы россиян. С другой – «зачищается» общедоступное информационное пространство, прежде всего федеральные телеканалы, выстраивается система «управляемой демократии». Власть и общество все меньше общаются и перестают слышать друг-друга. Их «общение» все больше сводится к потасовкам «Маршей несогласных» и ОМОНа. Это плохо для всех, и для демократических перспектив России в первую очередь. Надо остановить конфронтацию.

Сегодня власть в России руководствуется скорее не идеалами, но интересами. Когда речь идет об управлении сотнями миллиардов, а в перспективе триллионами долларов, никто из заинтересованных лиц на этот прагматический процесс покушаться не будет. Главное для политической элиты, в том числе и выходцев из силовых структур, не столько насаждение в стране идеалов, «православия, самодержавия и народности», сколько наращивание собственного экономического потенциала и потенциала крупных российских госкомпаний.

Это в определенном смысле прагматичная власть. Ей надо поставлять на Запад и Восток нефть и газ, ей надо зарабатывать реальные деньги. Именно это и ограничивает ее в «самости», она себе может позволить многое, но не все. Она может, к примеру, «стерилизовать» общедоступное информационное пространство и точно «зачищать» своих политических противников, но не может пойти, на серьезный, обязывающий к солидарному действию, союз с Ираном или Китаем.

Причина этих ограничений в соотношении прибыли и убытков, в величине возможных издержек. И демократию сегодня ограничивают, выстраивают ее «управляемый», имитационный вариант во многом для

максимизации прибыли, максимальном увеличении капитализации российских госкомпаний. Сегодня, на «низком старте» общества и экономики, при всех возможных оговорках и издержках, в том числе морального порядка, это получается.

Завтра, когда структура владения собственностью изменится, и в нее в качестве стратегических инвесторов войдут крупные западные компании, а ВВП на душу населения перешагнет магическую цифру в пять тысяч долларов, положение изменится. Тогда в тех же целях максимизации прибыли может быть востребована не опереточная, а реальная демократия, как инструмент, на определенном этапе развития экономики и общества способствующий дальнейшему экономическому росту, повышению капитализации России, а у населения не будет жгучих экономических стимулов менять власть на левых или правых экстремистов.

Совместима ли такая политика власти с демократией? С демократией исламской и советской возможно и совместима, но не с классической демократией западного типа. Тем не менее, сегодня мы живем в переходный исторический период между советским авторитарным режимом и современным обществом западного типа. Власть может ускорить или замедлить этот процесс, но остановить его она не в силах. Принимая во внимание особенности нашей истории, осуществляющийся сегодня вариант перехода не очень оптимистический, но и не самый ужасный.

Ограничения демократии затрагивают не только и не столько либералов, сколько левые силы, наследников СССР. Стараниями действующей власти происходит последовательный процесс декоммунизации России. И естественно, и искусственно отсекается электоральная база КПРФ (Справедливая Россия), убирается коммунистическая символика в армии. Левые всех мастей выдавливаются в маргинальную плоскость. Опасность коммунистического реванша ликвидирована окончательно, а ведь еще в 1996 году Зюганов был совсем близко к победе на выборах президента России.

Полагаю, что от левых сил исходит самая серьезная опасность для настоящего и будущего страны, и допускать их к власти нежелательно, во всяком случае на федеральном уровне. Этим нежеланием делиться политической и экономической властью с теми, кто находится на крайне левом и правом флангах и объясняется использование административного ресурса и манипулятивных политтехнологий. Естественно, что самую существенную часть этого нежелания делиться властью составляет желание сохранить полноту административной ренты, контроль над денежными потоками в российской экономике. То есть интерес сохранения власти имеет определенную приватную составляющую.

Сложилась внешне парадоксальная и внутренне амбивалентная ситуация. Из этой частности интересов вырастает политическая стабильность, выставляются жесткие защитные блоки по отношению к возможным конкурентам, в том числе левым и правым радикалам. Последнее обстоятельство делает эту политику осмысленной, направленной на то, чтобы не допустить к власти в переходный период от советского авторитаризма к демократии левых и правых радикалов, не допустить новой русской революции.

Только когда российское общество станет частью «золотого миллиарда», когда в стране будет построено общество потребления, когда среднестатистический россиянин будет богат, тогда внесистемные, левые и ультранационалистические силы перестанут быть опасными для страны. А пока они смертельно опасны.

Но как это ни парадоксально, сегодня левые силы опять в почете у части российской интеллигенции. Лимонов участвует в «маршах несогласных», как впрочем, и товарищ Удальцов, лидер «Авангарда красной молодежи». Мне непонятно, как можно совместно бороться за демократию с наследниками Ленина-Сталина, почему бы тогда не побороться против «ужасной власти» и за «торжество демократии» с наследниками Гитлера,

Малюты Скуратова, Иоанна Кронштадского и прочих известных в истории «защитников демократии».

Может быть, кому-то из российских политиков «либерального» лагеря нравится объединяться с авангардом красной молодежи и лимоновцами, пусть объединяются, это их выбор. Разрушать – не строить, в уличных беспорядках, а тем более в «революции» есть изрядная доля романтики и адреналина. Но за романтику революции платить приходится слишком дорого, не только непосредственным участникам, но и современникам событий. Революции разрушительны по своим результатам, и Россия полностью исчерпала свой революционный лимит.

Сказанное не означает, что с людьми на крайних флангах российской политики не нужно говорить. Но смерти подобно учувствовать с ними в широкой политической коалиции, конечной целью которой является получение государственной власти. Упаси нас всех бог и история от успеха такого «революционного» предприятия. В стране слишком много маргиналов, слишком мало пока зарабатывают трудоспособные граждане России – рабочие, крестьяне, интеллигенция. Так что какие именно политические силы «подберут» власть при подобном развитии событий – Бог весть. Можно предположить только, что люди эти не будут ни демократами, ни тем более либералами. В лучшем для страны случае они окажутся либерал-демократами. Все остальные возможные варианты будут еще хуже.

По настоящему свободные выборы с преобладанием в стране экономически несостоятельного населения несут в себе риск прихода к власти разрушителей – популистов и радикалов. Можно проводить свободные выборы с равным доступом различных, в том числе и радикальных политических сил, к федеральным телеканалам и сегодня, но тогда можно подумать и о введении некоей законодательной «антиэкстремистской» страховки, вспомнив, например, выборы в третью и четвертую государственную думу. Как мы знаем из истории, в условиях

России начала XX века такой антиэкстремистской страховкой был серьезный имущественный избирательный ценз.

Меня не беспокоит свободный выбор, условно говоря, «жителей Рублевки», обладающих, как правило, серьезным имуществом и неплохим образованием. Они могут в любых масштабах внимать телевизионным обращениям и обличениям Удальцова и Лимонова без особого риска для своего политического выбора, преимущественно определяемого их экономическими интересами. Они по определению могут вынести «много мудрости и печали», т.е. знаний о политической и экономической жизни страны. Это знание огромного массива негативной информации о жизни в стране не особенно повлияет на их выбор как избирателей, максимум заставит еще более диверсифицировать свои финансовые вложения и жизненные планы.

Но меня беспокоит то, каким образом правые силы, а именно, при всех возможных оговорках, правые силы сейчас находятся у власти, могут побеждать на выборах, получать парламентское большинство, если проводимая ими политика не соответствует текущим экономическим интересам большинства населения России. Единая Россия это не только партия власти, но и правая партия, чуть более разбавленный популизмом СПС. Заставить людей голосовать против своих нутряных, левых по определению политических и экономических интересов крайне сложно, и победа правых, сиречь партии власти, в таких условиях может быть преимущественно победой административного ресурса в купе с современными политтехнологиями.

В чем то эта ситуация в России схожа с положением в исламских странах, где попытки провести относительно свободные выборы приводят к угрозе победы исламистов. И с этой угрозой светские элиты мусульманских стран, например, Турции, разбираются по-разному, кто как может. Как решает проблему своих исламистов турецкая армия, мы хорошо знаем не только из истории. Турецким военным приходится использовать более

традиционные, более жесткие методы социального контроля, ведь слишком сильна власть религиозной традиции, слишком, по меркам западных стран, бедны турецкие крестьяне.

У российской власти положение в чем-то сходное, в чем-то, различное. Ситуация в России легче, но слишком бедны пока по меркам развитых экономик и демократий русские крестьяне, рабочие и бюджетники, они еще не могут быть полноценными игроками общества потребления. Им пока еще нужна информационно-анестезирующая защита от ужасов окружающей его реальной жизни, взгляд на мир через «розовые очки» первого и второго федеральных телеканалов.

Реальный мир, в котором живут эти люди, не очень дружелюбен к ним, экономический рост в стране пока географически локализован в крупных городах, прежде всего в мегаполисах Москвы и Санкт Петербурга. Массе россиян надо дать не только физическую возможность дожить до лучшего будущего, но и помочь не сломаться психологически, дожидаться распространения экономического роста вширь и вглубь.

Из истории России и других стран мы знаем, что невозможность реализовать свой потенциал в сфере земной, материальной жизни толкает человека к уходу от действительности, как в сферу девиантных практик, так и в сферу сверхматериального, приобщения к миру идей, реже светских, чаще религиозных. И тот и иной «выход» разрушителен для человека и общества. Разрушительны как девиантные поведенческие практики, такие например, как алкоголизм и наркомания, так и обращение к «духовному опиуму» светских и религиозных идеологий.

В этом контексте становится понятной вещательная политика федеральных телеканалов, которая, по экспертным оценкам, успокаивает, развлекает и «оглушает» массовую аудиторию. Мы видим осознанную попытку заместить нежелательные формы девиантного поведения социально неуспешных граждан России виртуальным миром массовой культуры. Это своеобразная форма «наркотической анестезии» социально неуспешных

слоев общества, минимизации их протестного потенциала, препятствие к осознанию ими реальных социальных условий собственного существования. Каждый вечер федеральные телеканалы делают им прививку от участия в очередной русской революции, минимизируя саму возможность такой революции.

Эта миссия по недопущению потенциальной революции в стратегической перспективе делает не очень приятную власть если не более приятной, то хотя бы более понятной. В этом «контрреволюционном» контексте можно понять и активную телевизионную анестезию части российского общества. Пусть лучше обыватель будет недалеким потребителем, чем пламенным революционером. Если же обыватель «проснется», слезет с «иглы» телевизионной виртуальной реальности, то мало не покажется никому. Страшен «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Обыватель, ставший в одночасье революционером, вспомнит все. Он припомнит власти и социально успешным согражданам, распад великой державы – СССР, величину имущественного расслоения в обществе, собственное незавидное экономическое положение, отсутствие великой национальной идеи, разрушение традиционалистских отношений в обществе.

Потому всем нам надо быть более осторожными в речах и действиях, перестать швыряться камнями в «стеклянном» доме под названием Россия. В своих политических действиях и обществу и власти следует учитывать фундаментальную неустойчивость сложившейся сегодня конструкции российской государственности.

Фундаментальной причиной этой неустойчивости стало минимальное политическое участие граждан в политической жизни, даже тех, кто поддерживал и защищал новую власть в течение большей части постсоветского периода. Как это на первый взгляд не парадоксально, внутренняя неустойчивость современной российской государственности объясняется и почти исключительной опорой власти на чиновные, в том

числе силовые структуры, не спасающие в критической ситуации. В этой связи вспомним хотя бы опыт распада СССР.

Не стоит так усердно повторять традиционные для России ошибки. Власть сама максимально ослабила конструкцию российской государственности, локализовав и деморализовав практически все сегменты гражданского общества, которые могли бы поддержать ее в трудную минуту. Теперь надежда у нее только на чиновников и людей в погонах. Российская государственность стала слишком хрупкой, и это вина и грех власти.

Сложившаяся ситуация требует от общества не делать резких движений, пытаясь сломать то, что можно сломать. Из истории мы хорошо знаем, что разрушение государственности пагубно отражается на человеке и обществе.

Поэтому нужно не ломать, но строить. Не входить в клинч жесткой и разрушительной конфронтации, но поддерживать возможные формы сотрудничества, даже такие амбивалентные и имитационные как Общественная палата. Тем самым можно воздействовать не только на слова, но и на дела власти. Нужно постараться остановить конфронтацию либеральной общественности и власти, научиться слышать не только себя, но и другого, переходить от монолога к диалогу друг с другом.

Перейти от противостояния и конструктивному диалогу – безумно трудная задача, невозможная при неучастии одной из сторон, но только диалог между ними является единственной возможностью снять намечающееся гражданское противостояние, стать действенным механизмом укрепления как гражданского общества, так и российского государства.

Литература

1. Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997.

2. Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997.

3. Янов А.Л. Россия и Европа в 3-х книгах. Книга вторая. Загадка николаевской России. 1825-1855. М.: Новый хронограф, 2007. 504 с.

Приложения

Диалоги с **актерами** российской науки и политики

Диалог с Александром Ицхокиным

Автор, в отличие от бесфамильного и как-то уничижительно звучащего «Алика», который не хочет признавать себя «пятой колонной» в моральной агрессии Запада против России и защищающийся от обвинений в низкопоклонстве перед ним невнятным бормотанием о необходимости «чистых сортиров», свое участие и соучастие в этой виртуальной колонне вполне признает. Да, уважаемый Александр Абрамович, не все, к сожалению, покойно и хорошо в нашем отечестве. Да, уже три, а то и четыре сотни лет, как завелись в нем проклятые «низкопоклонцы», и как праведная и имеющая вполне сакральное обоснование верховная власть не пропалывала «грядки» российского социума и культуры, когда прореживая, а когда изводя под корень этот иноземным (европейским) ветром занесенный сорняк, а он – тут как тут.

Эта стойкость к власти, способность захватывать все новые и новые сегменты социокультурной сферы, включая временами саму сферу власти, говорит о многом. Прежде всего о том, что в России, как и в других модернизирующихся странах сформировались свои вестернизированные элиты, и это как правило, наиболее молодая, динамичная, образованная и

успешная часть общества. В течение этих нескольких столетий российской истории власть многократно предпринимала попытку ограничить или даже физически уничтожить этих новоявленных европейцев и по выражению О.Э. Мандельштама «европеянок нежных».

В качестве примера последнего напрашивается пример ленинской, а в последствии еще более классической сталинской инквизиции в социуме и культуре, когда с носителями западного начала в любых сферах жизни, да и в культуре в целом, старались покончить физически, дабы решить проблему вестернизации России раз и навсегда. Нет западной интеллигенции – нет и проблемы.

Впрочем, и поклонников российской социокультурной традиции, власть тоже не жаловала. Действо строилось по той же схеме – нет духовенства, крестьянства, дворянства, чуть ли не мещанства российских городов¹⁴² – нет проблемы. Но к удивлению и разочарованию власти и части общества, приложившей немало усилий для посадки другой его части, зараза западнизма не искоренилась. «Сажали при Сталине мало, не до конца, не до седьмого колена и не каждого второго, вот и...», «Сталина на вас нет», «При Сталине был порядок, цены дважды в год снижали»... Подобные речи из уст простого советского человека можно было слышать до тех пор, пока были живы поколения участников этой великой исторической драмы, но можно услышать и сегодня, с известной долей ностальгии о былом имперском могуществе и величии СССР.

Всячески обыгрывался и получал новые репрезентации и перепевы бисмарковский лозунг – «пушки вместо масла». Старые лозунги о главном в интерпретации вождей/идеологов этой квазивосточной деспотии, в которую стремительно превращалась при большевиках Россия/СССР – «Величие и мощь родного государства – превыше всего», «раньше думай о родине, а

---

¹⁴² Вспомним, как постоянно советская власть боролась с мещанством, само слово мещанин приобрело отчетливые негативные коннотации, и его употребление в отношении правоверного советского человека также было ругательным.

потом о себе» и подобные им стали имманентными для многих советских граждан, прошедших первичную социализацию и инкультурацию в 30-40-е годы XX века.

Да, мы вынуждены признать, что для западника Западная цивилизация не столько нечто конкретное, институализированное, но, скорее воплощенное Должное, то есть место, где достигнуто должное для западника положение вещей, чуть ли не воплощение земного рая. Но максимально жестокую/жесткую государственную впасть, которая по А. Ицхокину, одна и может заставить расхристанный и анархичный российский народ приблизиться к западному образу жизни не только в потреблении, но и в труде, принимать и тем более поддерживать, как-то совсем не хочется. Не хочется поддерживать ни нового Ленина (Ампилова, Тюлькина и т.д.), ни нового Сталина¹⁴³, и даже никакой более облегченный вариант в духе многочисленно обсуждаемого и призываемого российского Пиночета.

Что касается важной для А. Ицхокина теме мотивации человека к труду на Востоке и на Западе, отметим следующее. Мы убеждены, что принуждение к труду должно быть только экономическим. Расстреливать никого ненужно, есть старая, надежная «костлявая рука голода», а власть нужна лишь в той мере, в какой она может выполнять полицейские функции. А. Ицхокин на основании последних десяти-пятнадцати лет достаточно противоречивых реформ, сопровождавшихся, тем не менее, радикальным сокращением роли государства, делает вывод о том, что русского человека нельзя заставить работать хорошо, соблюдая все требования технологии, без жесточайшего принуждения, чуть ли не под угрозой немедленного расстрела.

---

¹⁴³ Претенденты на эту роль в современной России просматриваются, но просматриваются в некоей дымке, им страшно самим от замаха на такую роль, они чувствуют, что сталинская каменная шинель вполне может и раздавить незадачливого эпигона, и вместо вождя в истории, где можно быть таким же великим и ужасным как Иван Грозный и Иосиф Сталин. В глубине сознания смутно брезжит ощущение, что так можно попасть если не в Нюрнберг 1946 года, то хотя бы в Гаагу дня сегодняшнего.

Заставить работать на ничего или почти ничего не платящего государство или мало платящего крупного или мелкого предпринимателя российского человека действительно невозможно. Времена внеэкономического принуждения к труду в России безвозвратно прошли. Не заставить работать, но заинтересовать работать, превратить «расхристанного» российского человека в успешного потребителя, обремененного кредитами и мечтающего о покупке нового дома и замене наличной машины на более дорогую и престижную иномарку. Тогда коготок увяз и всей птичке пропасть. Успешный потребитель, привыкший к высокому прожиточному минимуму, обремененный долгами по кредитам, стремящийся в материальном плане завтра жить лучше, чем вчера, будет дорожить хорошо оплачиваемой работой, и достаточно спокойно работать по западным стандартам¹⁴⁴. Данное утверждение подтверждает эмпирический опыт, накопленный в вышеобозначенные годы либеральных реформ в России, опыт сотен и тысяч успешных фирм, где производительность труда приближается к принятой, например, на Западе Европы.

«Расхристан», пьян и менее трепетен по отношению к собственному здоровью русский (российский) человек от нашей истории, традиционных социокультурных практик, применяемых по отношению к нему вполне сакральной властью, от исторической безысходности¹⁴⁵. Пустите в страну крупные западные компании, как это сделали в 90-е годы прошлого века страны Восточной Европы, компании, которые будут платить относительно приличную по российским меркам зарплату – появится (уже появилась) и у нашего человека мотивированность к труду. Дайте ему несколько тысяч

---

¹⁴⁴ Естественно, если он работает на эффективной фирме, воспринимающей и использующей западный опыт в сфере технологий, менеджмента, логистики и т.д.

¹⁴⁵ Ю. Крижанич еще в XVII в. замечает, что: «Крутое правление – причина того, что Русь редко населена и малолюдна. Могло бы на Руси жить вдвое больше людей, чем их живет сейчас, если бы правление было помягче». Цит. по: Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-социологические очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 155.

долларов душевого дохода в месяц – и вы получите идеального потребителя и бурный экономический рост.

Следует, тем не менее, признать, что не все население страны будет по разным причинам востребовано российской частью глобальной (транснациональной) экономики, не каждый индивид сможет по имманентно присущим ему характеристикам в нее интегрироваться. Это завершение процесса естественного отбора, в основном совершенного еще в годы советской власти, окончательной подгонки российского человека к экономике, переходящей от индустриализма к постиндустриализму. Драконовские меры внеэкономического принуждения к труду, которые были широко распространены в первые тридцать-сорок лет существования советского государства, и в менее выраженных формах в виде статьи за тунеядство в советском уголовном кодексе, отправке тунеядцев в тюрьмы и на сто первый километр – все это теперь ненужно. Иными словами, в советский период модернизации основная работа по перековке стихийного догосударственного российского человека завершена, и путь приспособления его к нуждам индустриальной экономики пройден. Это в двадцатые, тридцатые и сороковые годы прошлого века, захлебываясь собственными потом и кровью, наши отцы, деды и прадеды шли в гору индустриальной трансформации, теперь мы этот перевал прошли.

Теперь вниз с горы, теперь легче, мы уже умеем играть по их старым (индустриальным) правилам, теперь легче выучить новые (постиндустриальные). Тем более что никто никого сегодня не расстреливает за нежелание работать, но происходит спонтанный процесс сегрегации россиян на более и менее адаптивных. Изучил иностранные языки, прежде всего английский, ведущие компьютерные программы, умеешь пользоваться Интернетом, получил хорошее, желательно естественнонаучное базовое образование, полон витальной энергии – твои жизненные шансы на горизонтальную и вертикальную мобильность как внутри страны, так и за ее пределами стремительно растут. Если всего этого нет, то и суда нет, как нет в

современной России де факто и, по всей вероятности не будет в обозримом будущем, социального государства. Происходит перманентный процесс сегрегации россиян на относительно богатых, образованных, здоровых и молодых с одной стороны и на относительно бедных, больных и не столь образованных и молодых – с другой. В современном российском обществе мы наблюдали вчера и наблюдаем сегодня господство социального дарвинизма, но время с конца 80-х по конец 90-х годов XX века, скорее располагало не к наблюдениям и самоедской рефлексии, но к работе.

А. Ицхокин работает в модели дихотомичного мира, Запада и Востока. Но Россия – это не восток, и то что работает на востоке – работает в нашем отечестве далеко не столь эффективно, если работает вообще. Кроме того, мобилизационные механизмы неэкономического принуждения к труду, идеологическое обоснование его необходимости сегодня уже неработают, рабский труд куда менее эффективен труда свободного, нацеленного на личностное совершенствование и достижение все более высокого уровня жизни, работника. Да, Россия не Запад, индивидуалистические жизненные стратегии еще не получили должного распространения, хотя этот процесс идет, и с нашей точки зрения, он неостановим¹⁴⁶.

Да здравствует, как вы, Александр Абрамович изволили выразиться, «революция жирных», так и хочется представить толстяков на троне, а худосочный народ в революционной массовке. Но и здесь увы, мода на толстяков прошла по окончании средних веков, когда по всей Европе, во всяком случае на ее западной оконечности, продовольствие было ценностью, но сегодня, в эпоху «Рамсторгов», «Метро» и продовольственных сетей, многие из которых уже не ограничиваются Москвой и Санкт Петербургом,

---

¹⁴⁶ По данным ВЦИОМ, поколение 18 – 23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект – общество успеха (64%), в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости и равенства (36%). См.: Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН - пресс - Ц, 2001. С. 269.

но и проникли в провинцию – продовольствие для человека, работающего в частной фирме – не ценность, что же тогда говорить о ее владельце. Итак, толстяки, люди «жирные» все же метафора, но уровень и качество потребляемых товаров и услуг вверху и внизу социальной лестницы естественно различен, социальное неравенство достигает порядковых значений. Сегодня во всем мире ожирением страдают скорее представители низкодоходных групп населения, питающихся дешевой пищей быстрого приготовления, посетители «Макдональдса», а не ресторанов «высокой» кухни.

Но разве социальная поляризация в столь любимых вами восточных деспотиях была меньше? Меньше она в развитых странах Европы, но отнюдь не в странах третьего мира. И складывается этот разрыв отнюдь из за отсутствия или присутствия неких морально-нравственных ограничений, дело скорее в другом. Дело в низком уровне вестернизации, при увеличении этого уровня положение с доходами наиболее богатых и наиболее бедных несколько выравнивается. Для этого просто надо передать, то есть продать и перепродать наиболее существенную российскую собственность западным транснациональным корпорациям, как собственно и сделали политические элиты в странах Восточной Европы, и, в какой-то мере Казахстана.

Как показал опыт стран Восточной Европы, пошедших по пути массовой передачи национальной собственности транснациональным корпорациям, это принесло им столь необходимый объем и качество инвестиций, более высокую, чем автохтонная, культуру производства, уплату налогов и, как правило, более высокий уровень заработной платы. Кроме того, поскольку передача собственности в руки иностранных компаний практически исключает существование отечественных олигархов, то и социальная, имущественная поляризация внутри нации не столь велика как, например, в современной России и, хочется надеяться, во вчерашней, но не сегодняшней Украине.

В современной России меняется сама парадигма социализации и инкультурации «человека масс»¹⁴⁷, приобщение к высокой культуре происходит через рестораны высокой кухни, а к культуре массовой – через гляцевые журналы, рекламу, шопинг, телевидение и театральные мюзиклы.

Итак, больше вестернизации, больше западных и совместных предприятий, выше зарплату, как естественный путь к формированию абсолютного большинства «плоскоголовых и зомбированных» по определению А. Ицхокина потребителей. С нашей же точки зрения – в потребителях сила, именно они олицетворяют в своих жизненных практиках экспансию Западной цивилизации модерности, «западнизма»¹⁴⁸ вообще. Именно масса сытых, но динамичных потребителей откажется со временем от следования национальным социокультурным традициям, выбьет из под ног всякую почву у оставшихся не у дел в разных сферах общественной теории и практики, не только вытесненных в маргинальную сферу в области идеологии, но и не могущих потреблять в сопоставимых натуральных и стоимостных объемах национальных, цивилизационных, религиозных хранителей и патриотов. Естественно, что последнее обстоятельство обидно максимально, и именно оно служит такой материальной, в духе марксизма, причиной, которая во многом и порождает наблюдаемый накал

---

¹⁴⁷ По Ортега-и-Гассету. См. напр.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры. / Пер. с исп. А.М. Гелескула. М.: Искусство, 1991. С. 309-349.

¹⁴⁸ Вот, например, широкое определение западнизма, которое дает А.А. Зиновьев: «Западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств по отдельности. С другой стороны, западнизм в целом есть лишь свойство и часть более обширных объединений – конкретных западных стран. Он зародился в этих странах, достиг в них зрелости, стал неотъемлемым качеством их природы. Он стал в этих странах играть настолько важную роль, что они уже не мыслятся без западнизма. Из этих стран западнизм распространился по планете именно как западнизация других стран и народов». См.: Зиновьев А.А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000. С. 23. Мы рассматриваем западнизм в более узком смысле, понимая под ним либерализм и демократию западного типа.

национализма, религиозной нетерпимости в разных регионах незападного мира, в том числе и в России.

Диалог с Моисеем Каганом

Судьба Моисея Самойловича Кагана¹⁴⁹ органично, но и удивительно переплетается с жизнью Санкт-Петербурга. В 1924 году, когда трехлетний Моисей переехал с родителями из Киева в бывшую столицу Российской империи, город, переименованный в начале Первой мировой в Петроград, стал Ленинградом, а в новой, постсоветской России снова был переименован в Санкт-Петербург. Три переименования при жизни одного человека, одного поколения, разрывы цепочки социокультурной преемственности, но и ее сохранение в архитектурных памятниках, Неве, во влажном балтийском западном ветре... Вся жизнь Моисея Самойловича проходит в декорациях этого удивительного, обладающего совершенно особой атмосферой самого европейского города России. Так, из авторской рефлексии в отношении меняющегося времени и воспроизводящейся духовной ауры города рождаются его книги «Град Петров в истории русской культуры»¹⁵⁰ и «История Петербурга от основания до наших дней».

При чтении его исповедальной книги¹⁵¹ на память приходит поэма «Форель разбивает лед», написанная в 1920-е годы другим знаменитым и талантливым русским писателем петербуржцем – Михаилом Алексеевичем Кузьминым. Тогда новая, советская Россия только начиналась, она уже была «кровью умытая» но еще не окаменевшая в бетоне и бронзе сталинского

---

¹⁴⁹ Мы знаем, что Моисей Самойлович Каган – доктор философских наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Ко времени переиздания статьи пришло скорбное известие о его кончине.

¹⁵⁰ Моисей Самойлович замечает, что нельзя было не написать книгу о городе своей жизни – «она была благодарностью этому удивительному городу за счастье жить в нем и одновременно осуществлением назревавшего долгие годы стремления осмыслить его место и роль в истории отечественной культуры». См.: Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб: ИД «Петрополис», 2005. С. 7.

¹⁵¹ Каган М.С. О времени, о людях, о себе. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005. 308 с.

варианта марксизма-ленинизма, когда все новое в науке пробивалось с величайшим трудом, и его появление было сопряжено не только с риском для карьеры, но и для сохранения жизни творца.

Моисей Самойлович Каган – человек внутренней свободы: ему пришлось не просто быть современником советской эпохи, но и своей жизнью, своими научными работами расширять границы возможной тогда свободы, отстаивая ее в борьбе со сталинской и послесталинской культурной инквизицией. Он один из тех, кто смогли сначала подтопить, а потом и разбить лед псевдонаучного догматизма, идеологического начетничества, освободить от их удушающего воздействия науку и страну в целом.

Сказанное отнюдь не означает, что М.С. Каган в советский период своей жизни был «пламенным революционером»: он и его сверстники принадлежат к поколению, получившему путевку в жизнь на волне Революции, поколению, воспринявшему те гуманистические ценности, которые прямо и опосредованно присутствовали в советской идеологии¹⁵².

Мы помним о том, что М.С. Каган принадлежит к поколению, мужская половина которого почти целиком погибла на фронтах Великой Отечественной войны. Он участник боев под Ленинградом, когда их, студентов филологического отделения университета бросили в бой с наступавшими немецкими войсками практически без оружия. Так бой превратился в бойню, Моисей Самойлович был тяжело ранен, месяцы провел в госпиталях. С тех пор прошло уже более шестидесяти лет, но он участник тогдашних событий и помнит своих погибших друзей, у читателя же сердце щемит от их героизма и общей нелепости ситуации, когда отсутствие организации и снабжения фронта и тыла искупались массовым жертвенным героизмом практически безоружных людей.

---

¹⁵² Автор упоминает лозунг французской революции «свобода, равенство, братство», который стал нерелигиозным символом веры послереволюционного поколения. Подробно см.: Каган М.С. О времени, о людях, о себе. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005. С. 8.

Потом было написание литературоведческого исследования, посвященного «Евгению Онегину», годы учебы в аспирантуре, работы в Ленинградском университете. После смерти Сталина в 1953 году страна постепенно оживала после ужаса репрессий, хрущевская «оттепель» сопровождалась расширением пространства внешней свободы, в том числе и в сфере науки. Итоги научных дискуссий постепенно теряли неизбежность обвинительного приговора для ее менее догматичных участников. Но эта относительная свобода не приходила сама собой, все новое приходилось отстаивать трудно, подвергаясь серьезному давлению и обструкции со стороны своекорыстных догматиков¹⁵³.

Отдельно следует сказать и о том, что М.С. Каган был современником развернутой И.В. Сталиным идеологической компании против «космополитизма и низкопоклонства перед иностранщиной», положившей начало преследованиям и ограничениям прав еврейского населения СССР по национальному признаку – той преступной практике, которая в несколько ослабленном виде просуществовала в стране до конца 1980-х годов. Эта кампания предполагала далеко не только ужесточение и доведение до абсурда идеологического контроля НКВД, ВКПБ(б) над советским обществом, но и физические репрессии в отношении части партийно-хозяйственного аппарата, врачей, ученых, преподавателей, как состоявших, так и не состоявших в рядах коммунистической партии, когда били уже не

---

¹⁵³ В качестве одной из иллюстраций сказанного можно привести историю проведения в 1956 году в Тбилиси всесоюзной искусствоведческой конференции «Проблема национального своеобразия искусства». Предоставим слово самому Моисею Самойловичу: «Мое выступление, вышедшее далеко за пределы установленного регламента и с большим вниманием выслушанное широкой аудиторией критиков, искусствоведов и художников, съехавшихся со всех концов страны, приобрело сенсационный характер, ибо я осмелился отвергнуть приписываемую Сталину и канонизированную нашими эстетиками формулу: советское искусство – «национальное по форме и социалистическое по содержанию... Сегодня трудно поверить, что эти элементарные положения могли вызвать у руководителей конференции своего рода идеологический ужас и полную растерянность». См.: Там же. С. 112.

только по «своим», т.е. партийным, но и добивали остатки российской и воспринявшей ее дух советской интеллигенции. М.С.Каган на себе испытал сложность и трагичность, «порчу» времени. Спасала работа, возможность преподавать, выступать на конференциях, писать книги и статьи.

Перед нами книга подведения предварительных итогов, исповедальных рассказов о «времени и о себе», о ярких, мужественных и талантливых людях, с которыми автора свела судьба за многие десятилетия его жизни, начиная еще с довоенного времени. Естественно, что в рамках этого не столь объемного материала мы не сможем привести здесь полный список персоналий, которые в той или иной мере представлены в этой книге, но все же попробуем перечислить поименно тех ученых, писателей, учителей, друзей и коллег автора, кому посвящены отдельные очерки книги. Это Вера Николаевна Полубояринова (Морозова), Иеремей Исаевич Иоффе, Элиазар Кревер, Ладо Гудиашвили, Иосиф Александрович Серебряный, Владимир Днепров (Владимир Давидович Резник), Илья Николаевич Кусков (Шмеккер), Георгий Владимирович Степанов, Давид Петрович Прицкер, Яков Михайлович Смоленский (Либерман), Федор Александрович Абрамов, Александр Николаевич Илиади, Лев Наумович Коган, Николай Зурабович Чавчавадзе, Эрхард Йон, Хейнц Плавиус, Ули Кухирт, Курт Магриц, Ефим Григорьевич Эткинд, Зиновий Яковлевич Корогодский.

Но при чтении книги перед нашими глазами возникает не столько образ мемуариста, у которого все в прошлом, но и образ нашего современника, активного «здесь и сейчас» человека-творца. Сегодня Моисей Самойлович Каган много и плодотворно работает; только за последние десять лет вышли в свет его новые исследования, посвященные разработке философской, культурологической, эстетической, искусствоведческой проблематики. Это, прежде всего, «Философия культуры», «Философская теория ценности», «Эстетика как философская наука», «Се человек...», двухтомное «Введение в историю мировой культуры», уже упомянутое нами издание монографии «Град Петров в истории русской культуры». В Гамбурге

была издана монография «Mensch - Kultur - Kunst: Systemanalytische Untersuchung», только что вышли в свет «Метаморфозы бытия и небытия», «История Петербурга от основания до наших дней». Этот внушительный список сделанного продолжают опубликованные сборники статей – «Системный подход и гуманитарное знание» и «Искусствознание и художественная критика».

Рецензента привлекает и гражданская позиция Моисея Самойловича, его участие в перестройке, реакция на важнейшие вопросы нашей сегодняшней жизни. Это относится к противодействию не прекращающимся по сей день попыткам навязать нашему обществу средневековую идеологию на основе православия, а образованию, в частности школьному, курса «Основы православной культуры», представляющего собой ремейк дореволюционного «Закона Божьего»¹⁵⁴.

Игра с призраками безвозвратно ушедшего времени отдаляет нас от строительства эффективной и рациональной России. Способна ли эта игра вызвать из прошлого образ средневековой, допетровской Московии как символа нашего счастливого будущего – мы искренне надеемся, что нет. Тем не менее эти игры достаточно опасны, ведь пережив искушение интернациональным социализмом, мы, в отличие от жителей Германии, не выработали иммунитета против искушения социализмом национальным, у нас также нет априорного отторжения религиозных утопий – и сегодня часть нашего общества неудержимо тянет в очередной аппендикс истории. И здесь мы совершенно солидарны с М.С. Каганом: «Единственным утешением может быть только то, что исторический процесс, как и жизнь отдельного человека, обратного хода не имеет, и никакие заклинания нынешних святош,

---

¹⁵⁴ Вот отрывок из «Открытого письма (М.С. Кагана. – С.Г.) министру образования Российской Федерации г-ну В. Филиппову»: «Вера в Бога, и в какого именно, так же, как неверие – это личное дело каждого свободного человека, и в цивилизованном обществе государственная система образования не в праве навязывать ему тот или иной строй мировоззрения». См.: Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. С. 285.

даже при поддержке политиков, не способны вернуть человечество в Средневековье»¹⁵⁵.

Мы полагаем, что для России важнейшим является формирование атмосферы терпимости по отношению к свободе личного выбора, полнота которого предполагает возможность отказа от предлагаемых к употреблению светских или религиозных мегапроектов. Мы хотим сохранить за собой право оставаться стихийными или научным атеистами, формировать собственную картину мира на основании научного знания, полученного в результате последовательных аналитических процедур, а не на основе априорного дара не сомневающейся веры. По сути, речь идет о сохранении совершенно традиционного разделения: Богу – богово, кесарю – кесарево. В Новое время в Европе наука и образование относятся к «сфере кесаря», и известные исключения только подтверждают это правило.

Рецензируя книгу «О времени, о людях, о себе», невозможно не сказать и о том, что она содержит многочисленные философско-культурные теоретические размышления, обобщения и выводы. И главный из них заключается в следующем: «Задача философии, которую никакая другая форма духовной деятельности решить не способна, состоит в том, чтобы осмыслить перспективы развития человечества в новых столетии и тысячелетии и вооружить его этим знанием – научным знанием, а не иррациональной верой, при всей гипотетичности доступного нам знания о будущем»¹⁵⁶. Для этого философии следует использовать достижения научной мысли прошедшего века – системного подхода и синергетики.

Человеческая свобода – это великая ценность. Потому никаких «спасительных» патетических монологов, диалог должен придти на смену монологу, диалог человека с человеком, человека с природой. Новая книга Моисея Самойловича Кагана «О времени. О людях. О себе» наполнена духом диалогизма и гуманизма, стремлением к единству Природы, Общества,

---

¹⁵⁵ Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. С. 295.

¹⁵⁶ Там же. С. 303.

Культуры и Человека. На ее страницах переплетаются научные поиски, встречи со знаковыми людьми эпохи, радости дружеского и семейного общения, смена времен года и десятилетий, переплетаются, создавая устремленный в будущее неостановимый поток жизни.

Диалог с Александром Ахиезером

Читая новые работы А.С. Ахиезера, следует отметить одно печальное обстоятельство – между моментом написания работ и их публикацией прошло порядка десяти лет. Это критически много для сиюминутного, злободневного текста, который дорог вовремя, сразу, как «яичко ко Христову дню». Злободневный текст быстро «портится», теряет читателя, в лучшем случае остается мемориальным прошлым.

Но здесь случай иной. Опубликованные в сборнике трудов А.С. Ахиезера работы «Специфика российской истории», «Катастрофы в обществе и природа как нравственная проблема (на историческом опыте России)», «Об особенностях современного философствования. Взгляд из России» не потеряли, и как это не прискорбно, еще долго не потеряют своей актуальности и востребованности. Что же прискорбно в том, что столь глубокое осмысление российских социокультурных реалий, новая парадигма общественных наук, отвечающая на потребность общества в осмыслении себя, своей истории, своего возможного будущего, наконец, окажутся актуальными и востребованными многие годы и десятилетия?

Книга Александра Самойловича Ахиезера, включающая в себя три больших работы, посвящена становлению, развитию и современному состоянию российской государственности в ситуации самовоспроизводящегося, тлеющего в гуще народной жизни и проявляющегося практически во всех сферах социокультурной жизни страны глубинного раскола. И раскол этот не начался собственно с церковного раскола или более раннего исторического времени. Он имманентен самой природе российской жизни, имманентен российской государственности. Обобщая и несколько гиперболизируя, можно сказать, что раскол – это

телеологическая задумка Бога и истории в отношении России, проявление ее глубинных имманентных свойств. А в социокультурном плане – «Раскол – результат недостаточной исторической способности соответствующего исторического субъекта перестраивать культуру соответственно изменяющимся условиям, результат недостаточного взаимопроникновения смыслов расколотых групп, слабости диалога, базового консенсуса, что становится первостепенно важной проблемой в большом обществе»¹⁵⁷. И еще автор дает подробнейшие характеристики этого раскола, его причин и следствий. Раскол системообразующ в отношении нашего исторического прошлого и настоящего, боимся сказать будущего, нашей социокультурной традиции, потому позволим себе большую объясняющую цитату из работы А.С. Ахиезера. «Раскол принимал разнообразные формы: между властью и народом, духовной и правящей элитами, между интеллигенцией и властью, интеллигенцией и народом, между культурой и формами общения, между сложившимися институтами, сообществами и их собственными попытками повысить эффективность собственных функций и т.д., он мог возникнуть между любыми частями, элементами общества. В результате раскола, приспособления к нему возникли разные формы социокультурной патологии: высокая дезорганизация, угрожающая перерасти в необратимое сползание к катастрофе; дезорганизация каждого (со)общества; повсеместное двоевластие, перерастающее в многовластие; локализм (тенденция распада большого общества, замыкания в локальных мирах разных масштабов от регионов до отдельных поселений, до эмоционально интегрированных малочисленных групп); атомизация общества, хромающие решения (цепь решений, где каждое последующее решение частично или полностью отменяет предшествующее); недостаточная для выживаемости способность формировать отношения в соответствии с реальными и потенциальными

---

¹⁵⁷ Ахиезер А.С. Специфика российской истории// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С.44.

изменениями функций; стремление решать либерально-модернистские проблемы, опираясь на архаичные программы и формы отношений»¹⁵⁸.

Рассматривая проблемы истории России, автор исследует социокультурную подоплеку отношений российского общества и российской власти и вскрывает причины повторяющихся в истории страны чередований победных державных взлетов и политических катастроф. «Власть видела свою главную задачу в собирании дани с лишнего своих исторически сложившихся форм народа. Общество приобрело “мелкозернистый” характер, который не позволял ему объединиться, не рождал из себя стремления к объединению в большом масштабе»¹⁵⁹. А.С. Ахиезер говорит здесь о нашей средневековой жизни, об особенностях взаимоотношений власти и общества в тот период нашей истории, а как это все современно звучит, как будто и нет между нами столетий истории, Петровских и советских реформ... Все та же «мелкозернистость», сейчас чаще говорят «атомизация» общества, все то же «собрание дани» себе во благо, в том числе и личное.

Прошлое рассматривается в книге и в его исторической конкретности, и как долгая предыстория современной России, проблемы которой, в свою очередь, задают автору угол зрения на всю российскую историю. Первая, открывающая труды работа, «Специфика российской истории», посвящена клубку русских исторических и социокультурных проблем, тех, что никак не дают всем нам попасть в «рай» спокойной, сытой, последовательной и куда более рациональной европейской жизни. И все эти проблемы имеют качественный характер, то есть процесс вроде бы есть, есть и урбанизация, и освоение территорий, но качество этих процессов, их содержательное наполнение радикально отлично от нормы, носит отчетливо выраженный имитационно-фарсовый характер.

---

¹⁵⁸ Там же. С.46.

¹⁵⁹ Там же. С.44.

Главная проблема – перехода к органическому интенсивному саморазвитию России – не может быть решена в рамках нашей исторической и социокультурной традиции, ведь для нее имманентна экстенсивная модель развития. Но сегодня этот тип развития не только неэффективен, но для его осуществления остается все меньше социального и географического пространства. Точнее, собственно географического пространства для экспансии вовне российских государственных границ не осталось совсем. Сегодня речь идет об удержании той территории, которая оказалась втянута в границы Российского государства на имперском этапе экспансионистского расширения и колонизации. Удержание этих огромных территорий возможно только через обустройство жизни на них, их освоение, а оно сегодня может быть только интенсивным.

Но проблема как раз и заключается в переходе к интенсивному развитию, часто понимаемое в нашей истории как очередное «ускорение» развития экстенсивного. Это сложный переход, осуществление его жизненно необходимо, но пока не более чем вероятно. Есть и другие, куда менее рациональные варианты. Есть и крайний вариант «неперехода», жизни на природную ренту, экстенсивной эксплуатации огромного пространства, доставшегося нам в наследство от имперского этапа российской истории.

Этот путь «неперехода» в течение какого-то времени возможен, и оформлен он может быть вполне пристойно, как наше участие в международном разделении труда. Но это тупиковый путь, ведущий лишь к приближению третьего этапа деконструкции империи. Только в этом случае под угрозой территориальной дезинтеграции оказывается уже не СССР, а Россия. Чтобы попробовать избежать территориальной дезинтеграции, надо осваивать, обживать, любовно, по-хозяйски обихаживать доставшиеся в наследство территории, создавать инфраструктуру жизни на ней.

И мешал и мешает в этом рациональном, во всех смыслах эффективным, многократно апробированном на западе и на востоке переходе на интенсивный путь развития общества, человека и экономики, имманентно

присущий всему и вся в России социокультурный раскол, когда практически каждый исторический и социокультурный процесс в России внутренне расколот. Как следствие, все в нашей истории, да и современности тоже, идет как-то не так, часто не туда, куда надо.

А.С. Ахиезер ставит тяжелый, трудноизлечимый диагноз российской болезни – всеобъемлющий, всепроникающий социокультурный раскол. Если прибегнуть к медицинским диагностическим ассоциациям, то раскол – хуже шизофрении – ведь там речь идет «всего лишь» о раздвоенности сознания, и эти раздвоенные части коммуницируют, между ними существует наполненное медиационное пространство. И предлагаемое им лекарство, способ «излечения» не столько горький, сколько мучительно сложный, почти неподъемный в условиях вечной актуальности, самовоспроизводимости, «самосборки» глубинного социокультурного раскола, продуцируемого российской исторической и социокультурной традицией. Эта «самосборка» происходит и сегодня, на наших глазах, когда власть, проводя праволиберальные реформы, на глазах начинает проваливаться в социокультурную архаику. Этот процесс завораживает и пугает, почти дословными совпадениями со своим «идеальным образом», так талантливо воссозданным и проанализированным, в том числе и в своей прогностической части, А.С.Ахиезером.

Что же можно сделать в ситуации «дежа-вю», хождения кругами, постоянных реверсионных движениях, имманентных самой системе? Остается вспомнить о самом простом и самом трудном, о диалоге, медиации, наполнении пустоты между полюсами социокультурного раскола, выстраивания «срединных» жизненных смыслов. Возможный выход из заколдованного царства раскола – медиация, диалог между полюсами раскола, «выращивание» и наполнение диалогическими эманациями срединного пространства культуры, наполнение общества «срединным» индивидом, суженным, по Достоевскому, русским человеком. Что из всего этого получится? Прогнозы на сей счет даются разные, от вполне благополучных и благопристойных, выдержанных в духе европеизма и

прогрессизма, до негативных и пугающих. Сегодняшняя Россия совсем не похожа на Россию досоветскую, и все меньше похожа на СССР.

Мы полагаем, что всепроникающая идеология потребительства и выражающая ее массовая культура многое «размоют», нивелируют, растворят в себе. И в этом контексте «горького лекарства» мы оцениваем потребительство вполне положительно. Несмотря на свою финансовую и экологическую расточительность оно как раз и представляет уникальную для России возможность заполнения середины, наполнения ее избыточной массой товаров и услуг, в которой так уютно будет себя чувствовать реабилитированный мещанин – полноправный гражданин общества потребления.

Образ современного российского потребителя совсем не героичен, он не интересен истории, зато интересен экономике. Он не благодетельствует человечество новой мессианской идеологией, не будет строить новую Республику Советов или город Солнца Кампанеллы. Это вполне мирный обыватель, управляемый средствами социальной инженерии, а его поведение определяется ценностями общества потребления, усваиваемыми с детства, вечно актуальными благодаря всепроникающей рекламе и маркетингу. И именно он может стать конечным творением российской истории, элиминировав в себе русское мессианство и социокультурный раскол – он будет слишком прост, если хотите примитивен для его воспроизводства и поддержания.

Возможно, всепроникающий раскол, веками моделировавший российскую социокультурную и историческую реальность начнет отступать, медленно и мучительно, вместе со сменой поколений, изменением этнического и религиозного ландшафта страны. Время покажет.

Но уже сегодня предпринятая А.С. Ахиезером плодотворная попытка разработать новую парадигму общественных наук позволяет обновить и расширить имеющийся в нашем распоряжении научный инструментарий, значительно повысит наши эвристические возможности в отношении самых сложных и запутанных процессов российской истории и культуры, их причин и следствий. Хорошо уже то, что у нас сегодня, здесь и сейчас, есть

научный инструментарий, технологии работы с расколом, который пока еще в нас и вокруг нас – за этот многолетние плодотворные усилия следует поблагодарить А.С.Ахиезера, оценив его вклад в теорию и методологию общественных наук.

Диалоги с Ириной Хакамадой

Диалог I. О литературе и жизни

Перед нами четвертая книга «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman»¹⁶⁰ И. Хакамады. Неожиданное название провоцирует интерес потенциального читателя, заставляя взять книгу в руки, пролистать, прочитать попавшиеся абзацы, а то и страницы. И все, пропал читатель, коготок увяз – всей птичке пропасть, остается идти к кассе, платить и читать новую книгу Ирины Муцуовны до конца. Последнее утверждение проверено на себе, сам стал читать прямо в Институте философии, книга захватывает и не отпускает. Её читательская аудитория явно шире обозначенной в подзаголовке (Самоучитель self-made woman), книгу охотно читают люди разного пола и возраста, находя в ней что-то любопытное для себя.

И пол (англ. – секс) здесь причина не главная, хотя, конечно, любопытно, как женщина выживает в пока еще преимущественно мужской российской большой политике. Читателю интересно, какая она – бывший депутат, министр, кандидат в президенты, а также, без всякой иронии – «студентка, комсомолка и просто красавица» И. Хакамада? Мне вспоминается Ахматовское: «Он любил три вещи на свете: / За вечерней пенью, белых павлинов / И стертые карты Америки...», а она, «эта женщина, обожала шоколадный пломбир, синие вазы, плюшевые скатерти с кисточками до пола, первый том “Капитала” Карла Маркса, слонов, водопады и классическую музыку... она, эта женщина, ненавидела будильники, музеи, горные лыжи, строгие костюмы, искусственные

---

¹⁶⁰ «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО “РИД “Новая газета”, 2006. 230 с. До этого были изданы книги: Хакамада И.М. Общее дело: просто о сложном. М.: РЕКТОР КОММЬЮНИКЕЙШНЗ, 1995. 64с.; Хакамада И.М. Особенности национального политика. М.: ОЛМА-ПРЕСС; АВАНТИТУЛ, 2002. 256с.; Хакамада И.М. Девичья фамилия. М.: ИД "Подкова". 1999. 416с.

водоемы... умела разжечь костер с одной спички, даже зимой спала с открытым балконом... больше всего на свете любила валяться на диване с пультом и яблоком... мечтала преобразовать Россию, выучить в совершенстве английский язык и сесть на поперечный шпагат...»¹⁶¹.

Читателю интересен взгляд на мир внимательного интроверта-наблюдателя, а с 1993 года еще и активного участника политических событий. В книге нет иллюстраций, но много видимых читателю зрительных образов, когда различаются краски, звуки и запахи из параллельных миров малазийских джунглей и российской власти. Вместе с Ириной Муцуовной мы видим меняющиеся с запада на восток, живущие в разном историческом времени российские регионы, ведь «в России время, словно океанская волна, движется по синусоиде. До Урала оно прямо на глазах скатывается вниз: в девяностые, в восьмидесятые, в неведомо какие. А после Урала начинается подъем, и во Владивостоке уже снова 2005-й»¹⁶². В книге передается и удивительное ощущение воздуха свободы рубежа 90-х, времени первых кооперативов, зарождающегося российского капитализма, ухода с вполне благополучной, академической, но такой узнаваемо советской службы. В эти годы и страшно, и весело, и безумно хочется работать на себя, отстаивать свою независимость: «В человеке заложен сумасшедший потенциал. Он выдержит все что угодно, когда борется за свою независимость. Недавно на телевидении прокрутили фрагмент из какой-то программы о кооперативном движении тех лет: сижу в подвале, с еще доцентским пучком на голове, но уже оглашенная, романтическая, и декларирую: “Я – свободный человек! Я – свободный человек!”. Мы – не рабы. Рабы – не мы»¹⁶³.

Сегодня тенденция иная, сегодня куда сложнее открыть свое дело, кормиться самому, для молодежи опять путь в чиновники, а не в бизнес,

---

¹⁶¹ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО “РИД “Новая газета”, 2006. С.117.

¹⁶² Там же. С.145-146.

¹⁶³ Там же. С.57.

опять зависимость, только более сытая и клетка чуть изящней и просторней чем при совке. Это наша традиция, и, как отмечал еще в середине XIX века Н.Г. Чернышевский, «дети их (собственников, купцов и капиталистов. – С.Г.) обыкновенно спешат променять торговую деятельность на служебную»¹⁶⁴. Но национальное богатство создается капиталистами, а не чиновниками, за любовь к статусной ренте дорого приходится платить и обществу, и власти.

Когда читаешь «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman», скоро возникает вопрос: а зачем вообще нужно приличному человеку идти во власть? Власть – мир самовоспроизводящейся иерархии, где нужно обращать внимание на то, кто с кем сидит, запоминать массу ненужных имен-отчеств, расслабляться крепкими напитками без расслабления, – да оно нам надо? «Когда я была министром, все мои попытки заманить к себе достойных людей оканчивались провалом. Чем ни соблазняла, как ни уговаривала, никто не соглашался. Тухнуть за крошечные зарплаты неохота, воровать неинтересно, вся жизнь в пополаме и ради чего. Результата-то никакого. Машина тупая, не работает...»¹⁶⁵. Вот и не идет российский интеллигент во власть, а очередной усатый или безусый «отец нации» выстраивает «под себя» вертикаль аппарата, получая возможность принимать и исполнять нужные ему решения, тормозя и блокируя «вредные».

Будучи российским интеллигентом Хакамада во власть пошла, а там все почти по Некрасову – и про коня, и про избу... Почему и зачем? Достаточно еще раз послушать А. Галича, чтобы понять то, что немногие оставшиеся в живых люди того поколения понимали: «Я вот о чем хочу попросить. Вы поторопитесь. Вы стройте свою демократию побыстрее.

---

¹⁶⁴ Чернышевский Н.Г. Губернские очерки Щедрина // Критические статьи. Пушкин. Гоголь. Тургенев. Островский. Лев Толстой. Щедрин и др. (Современник 1854-1861) / Издание Н. М. Чернышевского. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1895. С. 334.

¹⁶⁵ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета", 2006. С.30-31.

Пожалуйста. Я вас очень прошу. Попытайтесь побыстрее. Хоть глазком на нее посмотреть. Спасибо»¹⁶⁶. Здесь и агитаторы на выборах 1993 года: «Пурга, метель метет во все концы, во все пределы, автобусы не ходят, метро еще нет, и вдруг на пороге – два божьих одуванчика, платочки накрест, как у блокадников, ватники, валенки, саночки. Где тут литература? Какая литература? Ну листовочки про тебя. Давай листовочки на саночки. Погрузили и повезли»¹⁶⁷. Все эти люди очень хорошо помнили классическую «советскую» власть Ленина – Сталина, им не надо было ничего объяснять и доказывать, ведь там, за спиной, «где бродили по зоне каэры / и под снегом искали гнилые корни, / перед этой землей никакие премьеры, подтянувши штаны не преклонят колени... / Пой же труба, пой же, пой про мою Потьму, / пой о моем брате, там, в ледяной пади». Эти люди на глубинном, нутряном уровне чувствуют, что Хакамада – своя, а внешнее, то, что разделяет, для них уже не так важно.

Увы, с нашей общей исторической наследственностью надо пытаться влиять на власть при малейшей возможности, и даже без возможности вовсе – уж больно страшно и живуче то наследство, от которого мы отказываемся. И надо делать дело, которое лично для тебя нельзя не сделать – строить и защитить российскую демократию¹⁶⁸. И. Хакамада несколько лет отвечала в правительстве за развитие малого бизнеса, она сама начинала с первых кооперативов, понимая, что за этим бизнесом свобода миллионов людей. Его развитие означало искомую «необратимость перемен», возможное формирование на основе независимых, успешных и сильных субъектов малого хозяйствования нашего гражданского общества.

Сегодня в России прижились политические «Маски-шоу», когда, встречаясь со своими потенциальными избирателями, политики переодеваются в

---

¹⁶⁶ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета", 2006. С.79.

¹⁶⁷ Там же С.76.

¹⁶⁸ Хотя и звучит пафосно, но никуда от решения этой задачи не денешься.

костюмы от «Большевички» и декорируют себя часами «Полет» – я такой же, как и вы, голосуйте за меня, «бедные русские» патерналисты, ждите барина, который придет и рассудит. Но не всякий российский человек патерналист, вернее, он патерналист до поры, пока можно жить не напрягаясь, полагаясь на суровое, но справедливое начальство, пока не приходит время работать самому и для себя, без оглядки на государство. Десятки миллионов таких очнувшихся людей в России 90-х годов были, они открывали свое небольшое дело, челночили, на 3/4 выпадая из статистических отчетов. Для государства их как бы и не было, они часто не платили налоги, но именно они и составляли наиболее активную и массовую группу поддержки президента Ельцина и политики реформ.

В таком экономическом поведении проявилось традиционное понимание свободы как воли, свободы от власти, и когда власть эту волю дала – миллионы людей сказали: это наша власть. Вспомним феномен президентских выборов 1996 года. Если бы не было этих миллионов малых предпринимателей – миллионов, которые первый раз в жизни почувствовали, что такое экономическая свобода, – никакое использование административного ресурса и финансово-пропагандистских возможностей крупного бизнеса не позволило бы переизбрать Б.Н. Ельцина на второй срок.

По иронии судьбы власть тогда не понимала, что представители малого бизнеса являются ее основной опорой, которую далее, по убывающей, составляли либеральная интеллигенция и крупный бизнес. Сегодня власть это понимает, но это уже другая власть, ей не нужна поддержка экономически независимых людей, такие люди вызывают подозрение, если не враждебность¹⁶⁹. Социальную поддержку нынешней власти составляют силовик – человек с ружьём – и чиновник – получающий статусную ренту человек с рублем.

Это уже качественно иной уровень социальной поддержки, прильнувшие к государству и крупным госкомпаниям успешные центристы-

---

¹⁶⁹ Сегодня мелкий бизнес, и его массовую основу – «челноков» удушают мерами экономического регулирования, в том числе и таможенными ограничениями.

обыватели хороши в этой роли до поры, пока все тихо и спокойно, цены на нефть и иные сырьевые товары российского экспорта растут, а получаемыми миллиардами долларов можно «замазать» почти любые возможные проблемы. Такая социальная опора хороша в стабильной и предсказуемой общественно-политической ситуации, но при ее обострении обыватели вряд ли будут защищать власть, как защищали ее люди с определенными политическими убеждениями в августе 1991 года у Белого дома и в октябре 1993 у Моссовета, полагая, что эта власть своя. Центристы, успешные обыватели, остаются дома до последней возможности, становясь впоследствии как пассивными жертвами Чека и гестапо, так и активными соучастниками репрессий.

Но в кризисные, переломные моменты историю творит абсолютное меньшинство народа, пассионарии, энергии которых хватает на инициацию социальных изменений. Вообще «адреналин – это нефть русской души. Кто добыл, тому они (и нефть и душа) и достанутся»¹⁷⁰. Выброс адреналина важен для русской души, потому и политикой сегодня заниматься интересно. Какой же интерес в занятиях политикой, когда ты в мейстриме, и совсем не страшно. Это я уже не про Хакамаду, а про себя.

Что ещё зацепило в этой книге и о чём не сказать невозможно? Для меня это малазийские джунгли, пещера с мириадами ласточек и летучих мышей – другой, параллельный мир. Взгляд из этого мира на нас и нас на него помогает понять малость наших человеческих, в том числе и политических, проблем. Мир большой российской политики, где кто-то плещет в лицо оппонента соком, кто-то позволяет себе воровать и лгать, где бульварная пресса и политические оппоненты делают из тебя коварную и ужасную «госпожу Мамбу», при взгляде глазами птицы, лягушки из малазийских джунглей скукоживается, приобретая свои реальные очертания. Главное увидеть его в системе контекстов.

---

¹⁷⁰ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С.105-106.

В потоке нахлестывающих друг на друга событий общественной и частной жизни, в «беспамятстве дней», в круговерти которых не замечаешь «течение годов», трудно не потерять себя, тех, прежних, настоящих – «с пультом и яблоком». Взгляд на мир глазами изумрудной лягушки помогает и здесь – все дело в том, как смотреть, какая у тебя система координат. Посмотришь так, и сразу вспоминаешь, что это ещё не вся жизнь, это только её часть, а мир вокруг большой и вольный.

Открытость и самоирония автора поразительны. Надо признаться, что я практически не читаю «гламурную» литературу, хотя знаю, что есть книжки М. Арбатовой, работников шоу-бизнеса – видимо, потому, что мне не очень любопытна частная жизнь людей, которые их пишут. Когда автор тебе интересен, его читаешь, принимая таким, какой он есть, принимая и то «человеческое, слишком человеческое», что есть в книге. Книга «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman» разнопланова, и та её часть, где собственно самоучитель для woman, для рецензента умозрительна. Представить можно, а почувствовать почти так же сложно, как и увидеть мир глазами удивительной изумрудной лягушки из джунглей Малайзии. Так что об этой части авторского текста не мне судить.

Вслед за И. Хакамадой упомянем только Е. Трегубову, поскольку по своей проблематике «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman» частично пересекается с «Байками кремлевского диггера»¹⁷¹. В обеих книгах представлен женский критический взгляд на российскую большую политику, и даже властные персоналии, о которых идет речь, часто одни и те же. Но Хакамада не сжигает за собой мосты и не хочет загонять в угол того, кто сильнее тебя, ведь «когда в России правителя доводишь до ручки, он превращается в тирана»¹⁷². Это вполне рациональный и прагматичный взгляд, ведь Хакамада политик. Трегубова совсем не политик, она романтик,

---

¹⁷¹ Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М.: Ад Маргинем, 2003. 381с.

¹⁷² Хакамада И. SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman. Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С.205.

у неё азарт охотника и свой взгляд на то, как защищать демократию. На предвзятый мужской взгляд рецензента, хорошо бы, чтобы ярких, умных, критически настроенных женщин было больше и в политике, и в жизни, тогда увеличивается вероятность того, что «страна заживет самостоятельной жизнью»¹⁷³ и будет построено саморазвивающееся гражданское демократическое общество.

Теперь позволим себе сказать несколько слов об оформлении книги, точнее, об одной знаковой детали. Российский обыватель привык, что раз власть, то на её шее обязательно должна быть цепь из желтого металла, исторически обусловленная брутальность которой подчеркнута кулоном с царской короной, почти шапкой Мономаха, которая, как все знают, тяжела. Тяжела почти как металлические вериги, в которых принимала гостей на «Балу ста королей» булгаковская Маргарита. На парадной фотографии книжной обложки физическая тяжесть желтого металла не заметна, кровь из под него не сочится, эта аллегория, заметна лишь его эстетическая тяжесть и неуместность в сочетании с по-детски беззащитными ключицами. Ну да какая власть, такая и символика.

В совсем еще недавние 90-е во властном механизме были вполне достойные люди, тот же Б.Е. Немцов, в кабинете которого стояла его кукла из одноименной программы НТВ. Теперь ни Немцова во власти, ни программы «Куклы», ни старого НТВ. Кажется, что сегодняшняя серость, унылость и безнадега почти что навсегда. А вот и нет, не навсегда, серость со временем тихо и спокойно или бурно и торопливо, но уйдет.

И тогда есть пусть не уверенность, но надежда, что не надо будет чиновнику примерять на себя «царские» вериги тяжелой и прилипчивой российской власти, которую и тащить тяжело, и не бросишь. Чиновник, которого нанимает гражданское общество при посредничестве подконтрольного и подотчетного государства, сам может стать иным: «Я всегда утверждала, что Россию спасет ленивый чиновник. Тот, который

---

¹⁷³ Там же С.98.

захочет нравиться женщинам и заводить романы. Для романов требуется досуг. А досуг обеспечит система, которая может работать без него»¹⁷⁴.

Пока же тенденция иная, все новые и новые сферы жизни встраиваются во «властные вертикали», власть стремится контролировать политику, бизнес, средства массовой информации, общественные организации... Эта тенденция скоро может привести к доведению властных вертикалей до каждого отдельного человека, как было в нашем недавнем советском прошлом, с его партийными, профсоюзными и комсомольскими собраниями. Все и всех под контроль чиновников, такой подход кажется для власти более предпочтительным, чем хлопоты с независимым и смеющим своё мнение иметь гражданским обществом. Пространство общественной свободы сегодня сужается катастрофически, нас опять, как в приснопамятные времена, загоняют на кухни. Пространство свободы надо защищать, внутренне свободный человек свободен везде, на внутреннюю свободу смена эпохи не влияет. Хакамада свободный человек, и она помогает стать свободными другим людям, прежде всего молодым, тем, кто смотрит – делать жизнь с кого.

Ирина, спасибо за книгу и за всё то, что вы делали и делаете с конца 80-х годов. Сегодня лишь сумерки истории, они пройдут, всё ещё будет. А потенциальному читателю скажу – читайте. Вам понравится.

Диалог II. О «Новом социальном курсе – 2008».

18 апреля 2007 года в Доме журналистов состоялась презентация «Нового социального курса – 2008». Проект подготовлен под руководством заместителя Председателя президиума Российского Народно-Демократического союза Ирины Хакамада и предлагается как основа предвыборной программы кандидату в Президенты Российской Федерации, который станет единым кандидатом от оппозиционных сил. В дискуссии приняли участие: Людмила Алексеева, Сергей Гавров, Сергей Глазьев,

---

¹⁷⁴ Там же С.98.

Евгений Гонтмахер, Лев Гудков, Тамара Замятина, Кирилл Кабанов, Михаил Касьянов, Елена Лукьянова, Людмила Телень и другие.

Идеологию нового социального курса сформулировала И.Хакамада: «Нужна национальная социальная политика как новая форма патриотизма. Единое социальное пространство, единые социальные права, единство главных целей – вот что позволит объединить нацию. Нашу программу может использовать любой кандидат, кто будет с ней согласен». Это единство прав и единство целей, то, что может объединить страну, способствовать формированию полиэтнической, гражданской нации.

По сути, в программе речь идет о построении социального государства, наращивания социальной ткани, которая сегодня во многом еще держится на советском наследстве. С истлевающей и распадающейся социальной тканью не может дальше существовать страна. Сегодня она истощилась, советское наследство в области образования, науки, здравоохранения почти исчерпано. Ее восстановление необходимо, постепенно эта необходимость начинает осознаваться не только обществом, но бизнесом.

Третья сторона еще не состоявшегося социального договора – власть, не до конца осознает или не хочет осознавать критичность сегодняшней социальной ситуации, свои действия по ее исправлению рассматривает как сугубо вторичные в отношении PR-компаний, создающих видимость решения социальных проблем в виртуальном информационном пространстве. Евгений Гонтмахер, глава Центра социальной политики Института экономики РАН и один из главных разработчиков программы, заметил: «Можно ожидать, что со стороны правящей партии последуют какие-то примочки, чтобы накануне выборов исправить положение, но они никого не спасут».

Говоря о важности социальной части программы будущего кандидата в президенты от оппозиции, И.Хакамада заметила, что «демократы именно потому получили полный проигрыш, что отторгли людей. Для того чтобы реализовать социальную политику, не обязательно использовать, как это

предлагают коммунисты, бесконечные траты из бюджета. Можно создать очень эффективные рыночные механизмы, реально работающие и дающие не только социальное качество жизни, но и инвестиции в экономику. Но для этого нужно это сделать приоритетом и работать над этим честно».

Я полагаю, что власть над улучшением социального качества жизни в рамках рыночных механизмов, по-видимому, эффективно работать не может. Об этом свидетельствуют и просчеты в процессе монетизации льгот, ограниченность пенсионной реформы. Власть не может решать социальные проблемы по существу, а когда делать что-либо все-таки нужно, склонна к PR-решениям.

И если власть в своих реальных действиях часто еще вполне правоцентристская, то в информационном пространстве ее облик неудержимо левеет, приобретая столь привычные в России патерналистские коннотации.

Общество видит этот «левый» идеологический крен власти, ощущает информационную «болезнь левизны». Сегодня возрастают надежды граждан не на собственные силы, а на перераспределительные возможности государства. Общество левеет, во все большей степени оказываются востребованы социал-демократические идеи.

Возникает вопрос – почему? Ведь в не столь далекие 90-е годы все было по-другому, люди охотно шли в бизнес, открывали собственное дело, меняли место жительства вплоть до иммиграции из страны. Иными словами, надеялись на себя, а не на государство.

Причин столь резкого изменения общественных настроений, по меньшей мере, несколько.

Во-первых, стало труднее работать в малом и среднем бизнесе, резко возросла «плата за вход», свое дело можно открыть, обладая несравнимо более существенными средствами, чем в 90-е годы. За эти годы возникла конкуренция, которая выталкивает мелких предпринимателей из бизнеса. Например, в сфере торговли мелкий, да и средний предприниматель не может конкурировать с крупными торговыми сетями. Этот процесс

выталкивания мелких и средних предпринимателей с рынка розничных продаж характерен далеко не только для России. В США таким примером служит распространение торговой сети Уол-Март, вызывающее потери бизнеса розничных торговцев, мелких перевозчиков, поставщиков, юристов, их обслуживавших.

В-третьих, это незащищенность прав собственности. Поскольку в феодально-имперской системе владение властью определяет владение собственностью, а сама по себе собственность, несмотря на ряд правоустановлений, практически беззащитна, то и положение чиновников в этой иерархии куда выше, чем у формальных собственников.

В-четвертых, усилились бюрократические и криминальные поборы и ограничения, вырос аппетит чиновников, их активное участие в разделе собственности, радикально возросла плата за бюрократические разрешения, согласования, проверки. Не производить какие-либо товары или услуги самому, а участвовать в освоении и присвоении административной ренты – занятие в России любимое с давних времен.

В-пятых у бизнеса, а затем за его счет и у государства, появились реальные деньги, появилось то, что можно делить, перераспределять. Появился профицит государственного бюджета, растущий Стабилизационный фонд, понемногу растет финансирование социальных программ. Опять стало можно просить у государства, у которого появились какие-то средства для частичного или полного удовлетворения прошений. Проблемой здесь является и то, как, поддерживая «слабых», не подорвать стимулов к капиталистической активности у «сильных», у тех, кто сам создает основную часть национального богатства и рабочих мест. Пример скандинавских вариантов социализма наглядно показывает степень этой угрозы.

Итак, в стране ощущается общественный спрос на социал-демократический, по определению левый, поворот. Сегодня именно так можно снискать голоса избирателей, укрепить свои позиции в наступающем

электоральном цикле. Со всеми возможными оговорками некоторая «левизна» ощущается и в «Новом социальном курсе – 2008». Но эта теоретическая «левизна» не зло, она сродни «левизне» Демократической партии в США. Людей менее социально успешных всегда больше, особенно если ставить планку сравнения высоко, по списку состояний и их владельцев из журнала «Форбс».

Люди не очень экономически успешные почти всегда выступают за перераспределение доходов, перераспределение от «богатых к бедным». Их почти всегда больше, тем более, что российская власть сама настойчиво выталкивает человека в эту маргинальную зону «слабости». И эту государственную политику надо менять.

Над теоретической частью нового социального курса, этой ожидаемой обществом переменной социальной политики немало поработали авторы-разработчики «Нового социального курса – 2008». Теперь дело за его практическим воплощением. Михаил Касьянов, обобщая свое отношение к программе, заметил, что «это социальный блок программы гражданского общества, который будет выставлен в качестве наказа будущему кандидату или кандидатам». Это очень высокая оценка, признание универсальной значимости заявленных социальных целей.

Диалог о «Маршах несогласных»

В Москве в субботу 16 декабря 2006 года прошел «марш несогласных». «Марш несогласных» – это не репетиция «русского майдана». Он скорее напоминает демонстрацию других «романтиков революции» – троцкистов в 1927 году. Это не новые аккорды, предвестники «великих потрясений», а арьергардные бои, за которыми следует уход с актуальной исторической сцены. Такова логика термидора. Сегодня в стране наступил классический и во всех учебниках истории прописанный период термидора, неизбежный после революции. Наша революция была в 1991 году, к счастью она оказалась «полубархатной» – «полубархатным» оказался и наш термидор.

Все равно термидор штука неприятная, и в желании одновременно продолжать «революцию» и «контрреволюцию» объединяются люди несовместимых политических взглядов и позиций. Борьба против, а не за, объединяет вчерашних непримиримых противников. В «одном строю» идут и за одним столом сидят товарищ Анпилов и некоторые российские либералы. Сочетание поразительное, экстремальное, почти запредельное. «Против кого дружить будем» определено, так что за работу, господа и товарищи. Мотивацию товарищей Ампилова и Лимонова понять еще можно, они чуть ли не профессиональные революционеры.

С пониманием мотивации господ-«революционеров» сложнее. Хорошо бороться с властью, зная, что с одной стороны не посадят, а с другой – властью стать все-таки не удастся. А если пофантазировать на тему – вдруг удастся? Тогда на следующий же день начнется жесткое противостояние ситуационных попутчиков по «Другой России», заранее понятны и перспективы такого противостояния. Либералам не переиграть наследников Сталина, идущих под лозунгом «Сталин, Берия, Гулаг», в этом «трехчлене» будущее место либеральной интеллигенции именно в Гулаге.

Если же говорить всерьез, то никакая демократическая (оранжевая) революция в современной России невозможна. Гражданское общество слабо, в стране почти нет внутренних ограничителей для укрепления властных вертикалей и выстраивания управляемой демократии. Если в обществе и есть революционный потенциал, то его следует искать на другом политическом фланге – у ксенофобов и ультранационалистов. И опьяненная «романтикой революции» часть либеральной интеллигенции может облегчить им дорогу к власти. Не дай нам Бог революционных потрясений – они могут вынести на авансцену истории ультранационалистов, национал-социалистов и им подобных, разрушить устойчивое течение жизни, отбросить страну к худшим временам в истории.

Значит ли все сказанное, что автор готов отказаться от демократии, смирится с ее ограничениями? Отнюдь. Демократия – это высшая ценность.

Но она предполагает следование совершенно определенным демократическим процедурам, эволюционным, а не революционным по своей сути. В рамках демократических процедур власть не пытаются «подобрать» на улице, тактика уличного противостояния, регулярных потасовок с ОМОНОм – это уже слишком. Слишком для демократии, разумеется. Для революционеров всех мастей уличные акции, противостояние ради противостояния – цель и стиль жизни, а теория перманентной революция ее «идеология». Конечно, каждый человек ищет в жизни свой смысл, и участие в борьбе ради самого процесса тоже имеет право на существование.

Кроме того, гражданские люди, врачи, учителя, предприниматели – сильны в своей профессиональной сфере, силовики сильнее в своей, в том числе и в уличном противостоянии. Кто на что учился. Так что исход подобного противостояния во многом предопределен заранее. И исход этот, кроме поражения демократического движения, будет сопровождаться усилением авторитарности власти.

Но даже маловероятная «победа» в уличном противостоянии окажется победой «пирровой». Да, сегодняшняя власть много сделала для выстраивания системы «управляемой демократии», она имеет массу недостатков и несовершенств, но это отнюдь не означает, что ее следует ломать «об колено» – есть большая вероятность, почти неизбежность того, что со временем демократические процедуры и институты окрепнут. Под предлогом несовершенства демократии не стоит разрушать сами демократические процедуры и институты, не надо уподобляться большевикам образца октября семнадцатого, погубившим молодую российскую демократию – это не лучшая роль в истории России.

Диалог с Владиславом Сурковым о политпроекте «Наши»

Сегодня определенная часть российской политической элиты, желая подстраховаться на случай вполне уже предвиденного изменения нашей жизни, приступила к формированию молодежной группы поддержки. Если

исходить из априорных ценностей этой части элиты, заключающихся в удержании власти ради нее самой, то затея эта вполне понятная и на первый взгляд вроде бы даже разумная. Она из того вечного ряда про соломку, которую хорошо бы постелить загодя, не дожидаясь болезненного соприкосновения новейшей российской государственности с некомфортным пространством народного недовольства, усугубляющимся отторжением политического истеблишмента со стороны людей, разделяющих левые и правые политические взгляды.

У автора данная инициатива власти вызывает различные исторические ассоциации, самыми безобидными из которых являются начинания Временного правительства России по формированию ударных женских батальонов, которые должны были спасти ситуацию на фронте, и, при надобности, поддержать власть в тылу. Потребность в подобной поддержке возникла уже очень скоро, но упования на то, что женские батальоны смогут защитить Временное правительство от внешнего и внутреннего врага, как известно, оказались тщетными.

Естественно, что история практически никогда не повторяется дословно, но сегодня заметны и более широкие аналогии и пересечения с 1916/1917 годом, и, прежде всего, со временем перед февральской революцией. Сегодня, как и тогда, практически все наличные в российском обществе пассионарии оказались сконцентрированы на левом и правом политическом флангах. В политическом центре находится традиционное болото, люди «умеренные и аккуратные», которые могут формально и вяло сыграть во что угодно, в том числе и в заказные политические игры. И именно к этим молодым людям «центра» и обращается власть в политпроекте «Наши».

Вторая историческая аллюзия, приходящая автору после воспоминания о женских батальонах как последней надежде власти тогдашней, временной, связывает нынешнее «нашистское» начинание власти сегодняшней с историей функционирования комсомола как резервного отряда коммунистической партии в поздний период советской истории. Вопрос

риторический, но кого спас и защитил советский комсомол эпохи упадка? – в любом случае не своих работодателей и финансистов из КПСС. При хорошей режиссуре сверху молодые люди и сегодня могут платить членские взносы и ходить на отчетно-выборные собрания, проводить митинги, факельные и иные массовые шествия, пикетировать спектакли и спускать в импровизированные унитазы, отправлять на свалку истории книги и портреты неугодных политиков, писателей, режиссеров...

Следующая историческая аналогия, которая возникает в связи с «нацистским» проектом наименее безобидна. Хотя движение и позиционирует себя как антифашистское, в его символике наблюдаются и некоторые смысловые совпадения с символикой, в свое время используемой немецкими национал-социалистами. Данная символика была представлена широкой общественности 14 мая 2005 года, когда десятки тысяч молодых людей, учащиеся старших классов общеобразовательных школ, училищ, техникумов, ВУЗов Москвы и других регионов России оказались на площади Гагарина и Ленинском проспекте под перечеркнутыми белыми крестами красными флагами.

В 30-е годы прошлого века Гитлер следующим образом трактовал цветовую символику национал-социалистической партии Германии: «Красный цвет олицетворяет социальные идеи... Белый цвет идею национализма. Свастика – миссию борьбы за победу арийцев...»¹⁷⁵. Естественно, что свастики на флагах «нацистов» нет, ее появление было бы слишком провокационно в стране, победившей нацистское нашествие. Но красное знамя, олицетворяющее социальные идеалы коммунистов/социалистов – есть, как есть и белый цвет национальной чистоты (белый крест). Да и уходящая за горизонт колонна молодых людей под красно-белыми флагами больше всего напоминала кадры из фильма

---

¹⁷⁵ Цит. по: Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии "паблик рилейшнз": Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001. С. 357.

Лени Риффеншталь «Триумф воли». Мы понимаем, что дословных повторений истории не будет, но происходящее имеет свою логику, свой вектор развития.

В этих трагикомических массовках трагично то, что логика театрально-политического действия укладывается в рамки вполне определенной исторической традиции. «Собрать все книги бы, да и сжечь», этот рецепт как беспроблемный и универсальный для борьбы с крамолой предлагал в начале XIX века еще Скалозуб, и следовавшие его и прочим подобным советам национал-социалисты в Германии 30-х годов XX века. Но сегодня время иное, да и пока еще неформальные и формальные руководители «нацистского» проекта не совсем определились с его идеологией и желаемой репутацией. Остается открытым вопрос о том, насколько нужно быть нетерпимыми и жесткими (жестокими) и насколько допустимы действия, которые вызывают столь откровенные исторические реминисценции. У прямых предшественников движения «Наши» – движения «Идущие вместе» креативности и жесткости хватало на задорное скандирование – «врагов народа – к ответу», «утилизацию» книг В.Сорокина, пикетирование Большого театра с явно читаемым страстным подтекстом: цензуры нам, цензуры.

В этой логике все наши беды объясняются преимущественно с позиций конспирологии, подразумевая разделение нации, граждан России на людей первого (идущих вместе) и второго (бредущих по одиночке) сортов. В условиях нашего сегодняшнего социокультурного контекста это может означать примерно следующее. Те российские граждане – кто с нами/нашими – это народ, который, как известно, всегда прав. Но те граждане, кто с ненашими – это еще надо повнимательнее присмотреться и решить, кто, как и при каких обстоятельствах попал в Россию, не засланные ли агенты ЦРУ и Мосада, или, на худой конец, не проживали ли на оккупированной территории и не имеют ли родственников в сомнительном зарубежье, например на территории «оранжевой» Украины.

А потому, в футуристической, но от этого не менее вероятной перспективе, всем «не нашим» братьям и сестрам могут выдать по индивидуальным сергам – кому желтую звезду на ватник, а кому и просто ватник без специфических опознавательных знаков. Если же взяться за дело «закручивания гаек» чуть помягче, что, может быть и возможно в отношении не столь опасных противников режима – то действенность их гражданской позиции можно ослабить ограничениями (запретами) на профессию и неучетом голосов, поданных на выборах любого уровня.

Ключевой вопрос, на который должны ответить авторы-проектировщики любого проекта, в том числе и «нашисткого» – это его работоспособность и эффективность, способность реализоваться в соответствии с заявленными планами. И здесь в отношении данного проекта возникает целый ряд вопросов и недоумений.

Прежде всего, это властное начинание, как и множество других начинаний до, и, смеем предположить, после этого, не приведет ровным счетом ни к каким конкретным последствиям, кроме масштабного освоения денег государства и/или смертельно им напуганных крупных/средних предпринимателей. «Гора родила мышь» – это про нас, это наиболее распространенный и привычный вариант завершения любого начинания в российской/советской истории. Потому и реализация политпроекта с подразделением общества на наших и ненаших может иметь и такое банально-бесславное завершение.

Но есть и еще один парадоксальный, но от этого не менее, а возможно и более реалистический вариант того, как будет эволюционировать «нашизм» и какую роль он может сыграть в нашем не столь отдаленном будущем. Общим местом является утверждение о том, что в России/СССР любая инициатива с низу пробиваются мучительно, что в полной мере относится к возникновению и институционализации гражданских движений и общественных организаций. Сегодня, когда российское гражданское общество находится в полужаточном состоянии, низовая инициатива редко

появляется и еще реже оформляется в устойчивые формы, достаточно часто вся наличная первоначальная энергия растрачивается, не приводя к достижению заявленных целей.

Также хорошо известно, что когда формирование различных структур происходит по инициативе власти, с использованием всей мощи ее административного ресурса, то такие начинания, как правило, институализируются, получают определенное финансирование, вырастает штат оплачиваемых функционеров и т.д. Такая организация не только получает доступ к средствам массовой информации, но и формальную/неформальную поддержку со стороны государственного аппарата. Несмотря на существенные содержательные различия дня сегодняшнего с эпохой коммунистической романтики и энтузиазма, получается почти по В.В. Маяковскому «А если в партию сгрудились малые – сдайся враг – замри и ляг. Партия – рука миллионопалая, сжатая в один громящий кулак». А потому – трепещи «враг» внешний и внутренний.

Заметим, что опыт использования молодежных движений, молодежи вообще в своих политических целях давно и хорошо известен в разных регионах мира. Здесь и советская пионерия с комсомолом, и молодежные организации испанской «Фаланги», итальянских фашистов, гитлерюгенд при взрослых национал-социалистах в Германии. Сюда же можно отнести и массовое использование детей и подростков как дешевой и эффективной военной силы правительствами и/или оппозицией в ряде стран третьего мира, в частности в Кампучии, Шри-Ланке, некоторых африканских государствах.

Дети и подростки, молодежь вообще могут быть страшной разрушительной силой, расчищающей социокультурное пространство под новую политическую, экономическую, социальную конфигурацию. 5 апреля 2005 года лидер движения «Наши» Василий Якеменко заявил буквально следующее: «Мы должны оптом сменить политическую, экономическую и информационную власть в стране, действуя как сеть взаимной

поддержки»¹⁷⁶. В наибольшей мере этот призыв напоминает слова Мао Цзэдуна, обращенные к китайской молодежи в начале культурной революции: «Открываем огонь по штабам (т.е. по элитам – С.Г.)».

Данный призыв к смене элит имеет и еще одно видимое следствие: если удастся разом сменить политическую, экономическую и масмедиийную элиту в стране – это откроет дорогу для ускоренной вертикальной мобильности, как великие чистки тридцатых годов в СССР открывали дорогу к головокружительным карьерам для выходцев из низов общества. Другой вопрос, что эти выдвиненцы «на крови» часто были некомпетентны и совершенно не соответствовали новым, буквально свалившимся на них высоким социальным ролям. Как известно, история часто предстает перед нами в виде трагедии и повторяется в игровой, сниженной, фарсовой форме. И сегодня перед нами, скорее всего, предстает именно эта – фарсовая часть исторического процесса. Но и сегодняшняя власть не прочь расплатиться со своими добровольно/принудительными помощниками ускорением их вертикальной мобильности и прочищением ее каналов в духе Мао Цзэдуна и Иосифа Сталина. Заметим, что памятники Мао Цзэду, как впрочем, и Пол Поту, ставить в сегодняшней России как-то не с руки, но памятники И. Сталину, их прямому учителю и вождю всех народов, начинают произрастать по городам и весям нашего отечества во множестве, благо общественно-политический климат здесь стал (становиться) хорош – под стать вождю.

Однако ситуация с «нашими» может стать и вполне амбивалентной. В ситуации возможного общественно-политического кризиса, сопровождающегося резким уменьшением административного потенциала власти, позиции и возможные роли институционализированных «нашистов» мало предсказуемы, ведь молодежь революционна просто в силу возраста, отсутствию должной степени взрослого цинизма и наличию избытка

---

¹⁷⁶ Цит. по: Соловьев В. Второе нашествие: «Идущие вместе» вышли на уровень министров, губернаторов, и телеведущих // Коммерсант 16 апреля 2005, № 68. С. 1.

вита́льной энергии. Потому гипотетически мы не можем исключить вероятность такого развития событий, при котором «нашисты» могут выйти из под контроля своих создателей/кукловодов, изменить идеологическую ориентацию и личностные политические предпочтения. По иронии истории они неожиданно могут стать именно той общественно-политической силой, которая в российских условиях станет своеобразным римейком грузинской «Кмары», киргизской «Иди-иди», украинской «Поры».

Такому развитию событий могут способствовать два различных, но взаимодополняющих друг друга обстоятельства. Обстоятельство первое: молодые люди революционны, а не консервативны, они скорее хотят ломать и менять, но не защищать старые, возникшие до них, и часто не их ценности – им хочется быть революционерами и победителями. И обстоятельство второе: в определенной ситуации вполне возможна массовая «скупка» элит и институций, своеобразный аукцион, где могут конкурировать как внутренние, так и внешние по отношению к России силы. Ничего с этим не поделаешь, мир, в котором мы живем, во все большей степени глобализуется, и это некая данность, то, что находится вне сферы нашего контроля, нашего принятия или неприятия.

Исторические события и ситуации зеркально не повторяются, каждая новая ситуация, несмотря на возможное следование общим историческим тенденциям и даже внешнюю схожесть, оформляется с учетом контекстуальности, задаваемой национальной социокультурной традицией. Соответственно в России будет иная ситуация, чем в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии. Человек знакомый с нашей историей легко может предположить особенности аналогичной ситуации в России, когда инициативу народного недовольства может подхватить организация созданная сверху и за его же счет оснащенная и финансируемая, поскольку других молодежных организаций, обладающих определенными ресурсами и массовостью в стране просто нет.

По историческим сочинениям и мемуарам современников событий мы хорошо знаем хрестоматийное изложение событий, имевших место быть в годы русской революции 1905-1907 годов. Помним мы и историю о рабочих профсоюзах в Санкт Петербурге, профсоюзах «без политики», созданных под патронажем Министерства внутренних дел. Профсоюзами этими было поручено заниматься вполне проверенному и лояльному системе священнику Гапону, который, тем не менее, организовал впоследствии мирное шествие к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. Чем все это закончилось, мы хорошо знаем из учебников истории – 9 января 1905 года стало началом первой русской революции.

Вспоминая XX съезд

XX съезд коммунистической партии стал советским вариантом Нюрнбергского процесса, который, несмотря на свою мягкость и половинчатость, разрушил краеугольный камень из фундамента тоталитаризма.

Сегодня все громче раздаются голоса критиков самого факта разоблачения культа личности, преступлений сталинизма, резкости, с какой это было сделано Н.С. Хрущевым на XX съезде. Много говорится о том, что надо бы было действовать мягче, говорить правду не сразу, а по частям, дабы сохранить в долгосрочной перспективе приобретенные по итогам Второй мировой войны геополитические преимущества и не отпугнуть левую интеллигенцию по всему миру.

Но при всех возможных симпатиях к обилию подконтрольных территорий и левым политическим идеям надо помнить о том, что на постепенные действия по демонтажу сталинизма просто не было времени. Когда войска союзников входили в немецкие лагеря уничтожения – это тоже был шок для европейцев и американцев, шок, обнаживший запердельные ужасы, которые несла с собой практика национал-социализма. Командующий войсками союзников американский генерал Джордж Паттон организовывал

ознакомительные выезды в лагеря смерти журналистов и политиков, которые воочию убедились в том¹⁷⁷, что это была не просто война.

Для лучшего понимания реальности, идейного выздоровления европейским интеллектуалам левой ориентации нужно было не только осознание ужасов повседневной практики национал-социализма, но и сталинского варианта социализма. Нужно было вывести их из юношеского опьянения коммунистической утопией, им всем надо было взрослеть и отказываться от иллюзий. Еще больше правда о преступлениях сталинизма нужна была советскому обществу, нужна не только тогда, но и теперь, в постсоветской России.

Войска союзников по понятным причинам не входили в сталинские лагеря смерти – двери лагерей открыл Н.С. Хрущев, освобождение для выживших узников принесло изменение партийно-государственной политики, идеологически закрепленное на XX съезде КПСС. Съезд вскрыл гигантский нарыв сталинизма, с него начался процесс освобождения от тоталитаризма, процесс, приведший потом к августу 1991 года.

Часто сравнивают резкость и единовременность выступления Н.С. Хрущева и поступательную, пошаговую политику демократизации в годы «перестройки». Но после смерти Сталина тоталитарная система сумела измениться изнутри, эволюционируя в систему авторитарную. К середине 80-х годов XX века СССР не был уже той «империей абсолютного зла», которой он был при Сталине. В стране не морили голодом миллионы крестьян, миллионами не расстреливали потенциальных и реальных политических оппонентов, закрылись огромные лагеря ГУЛАГа, масштаб политических репрессий стал несопоставимо меньшим. Иными словами, это уже была не тоталитарная система сталинского типа; меняя ее можно было позволить себе не так спешить. В 1956 году не спешить было нельзя – в лагерях умирали

---

¹⁷⁷ Увиденное «находилось за пределами понимания американца... Никакой народ, никакая раса не может сотворить подобного, если только они не законченные садисты». См.: Стенли Хиршсон Генерал Паттон. Жизнь солдата/ Пер. с англ. А. Колин. М.: «Изографус», «ЭКМО», 2004. С.700.

люди. Их уже стали понемногу выпускать, но обществу надо было объяснить, что происходило в стране в сталинские десятилетия.

Нужно помнить и о том, что у международного коммунистического движения, коммунистических партий по всему миру, за плечами преступления красного террора и сталинизма, красные кхмеры и «культурная революция» в Китае, самобытно обустроенные собственные варианты Трешлинки, Дахау и Освенцима. Строя здание «прекрасного нового мира» на таком фундаменте, нельзя рассчитывать на сохранение долговременных политических и геополитических выгод, сохранение мирового коммунистического движения, устойчивость Варшавского договора, рассчитывать на победу мировой экспансии коммунизма. За все в истории приходится платить.

В конце 80 – 90-х годах прошлого века о преступлениях сталинского режима сказали всё, или почти всё. Эта правда неисчерпаема, она без срока давности, ее нельзя списать и забыть. Но и сегодня значительная часть российского общества её не знает или не желает знать, полагая, что гарантированная государством похлебка важнее свободы, а Сталин значительно лучше Горбачева и Ельцина. Английский футбольный клуб «Челси» в собственности у Романа Абрамовича возмущает многих наших соотечественников куда больше, чем сталинский геноцид. Значит, излечения не произошло, прививки против этого зла нет и сегодня, потому и тема о нашем Нюрнберге – XX съезде – принадлежит не только прошлому, но и настоящему.

Литература

1. Ицхокин А.А. Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М.: Огни, 2003. 539 с.
2. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историсофские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. 479 с.
3. Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН - пресс - Ц, 2001. С. 256-271.

4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры. / Пер. с исп. А.М. Гелескула. М.: Искусство, 1991. С. 309-349.
5. Зиновьев А.А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 509 с.
6. Каган М.С. О времени, о людях, о себе. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005.
7. Ахиезер А.С. Специфика российской истории// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С.23-156.
8. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С.157-332.
9. Ахиезер А.С. Катастрофы в обществе и природа как нравственная проблема (на историческом опыте России)// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С.333-479.
10. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД «Новая газета», 2006.
11. Чернышевский Н.Г. Губернские очерки Щедрина // Критические статьи. Пушкин. Гоголь. Тургенев. Островский. Лев Толстой. Щедрин и др. (Современник 1854-1861) / Издание Н. М. Чернышевского. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1895.
12. Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М.: Ад Маргинем, 2003.
13. Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии // О грядущей России: Избранные статьи. Под ред. Н.П. Полторацкого. М. Воениздат, 1993.
14. Карпухин О.И, Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии "паблик рилейшнз": Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001.
15. Соловьев В. Второе нашествие: «Идущие вместе» вышли на уровень министров, губернаторов, и телеведущих // Коммерсант 16 апреля 2005, № 68. С. 1.

Именной указатель

Оглавление

Книга, с которой интересно поспорить	3
(вместо предисловия).....	3
Введение.....	13
Russia after empire.....	14
Глава 1. Модернизация	22
I. Что такое модернизация.....	22
II. Политическая культура: от традиционного общества к обществу модерна.....	50
Человек эпохи модерна.....	64
III. Влияние российской ментальности на процессы модернизации.....	78
IV. Российский модернизационный проект в контексте глобализующегося мира.....	100
Глава II. После империи.....	117
I. История России и СССР от А.Ахиезера, И.Клямкина, И.Яковенко и Е.Гайдара.....	117
Гибель советской империи. Взгляд Егора Гайдара.....	138
II. Россия в постимперском географическом и социокультурном пространстве	143
Постимперский транзит.....	159
Европейская интеграция и решение проблемы перемещенных культурных ценностей.....	192
Глава III. От модернизации к реставрации.....	197
I. Консервативный откат	197
II. Клерикальная политика блокирует модернизацию	212
III. Российское государство: вчера, сегодня, завтра.....	235
Вместо послесловия. Гражданское общество и власть: от конфронтации к диалогу	247
Приложения.....	255
Диалоги с акторами российской науки и политики	255
Диалог с Александром Ицхокиным	255
Диалог с Моисеем Каганом.....	263
Диалог с Александром Ахиезером	269
Диалоги с Ириной Хакамадой	275
Диалог I. О литературе и жизни	275
Диалог II. О «Новом социальном курсе – 2008».....	283
Диалог о «Маршах несогласных».....	287
Диалог с Владиславом Сурковым о политпроекте «Наши».....	289
Вспоминая XX съезд.....	297
Именной указатель.....	300